

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации

Костромской государственной университет

Научно-просветительский центр им. И. А. Дедкова

Кострома.
Genius Loci

Альманах

Рецензируемое научное издание

Выпуск 3

Кострома
КГУ
2020

ББК 63.3920632я43

К725

Печатается по решению редакционно-издательского совета КГУ

Рецензент:

кафедра философии, истории и социально-гуманитарных дисциплин
Костромской государственной сельскохозяйственной академии
(зав. кафедрой канд. ист. наук *М. В. Ермушин*)

К725 Кострома. Genus Loci : альманах / [сост. и отв. ред. А. В. Зайцев]. – Кострома : Костромской государственный университет, 2020. – Вып. 3. – 171 с.
ISBN 978-5-8285-1118-1

Содержание третьего выпуска альманаха Genus Loci составили материалы X Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Личность в интерьере эпохи» (Дедковские чтения), которая прошла в Костромском государственном университете 24 апреля 2020 года. Свои материалы для публикации в альманахе предоставили ученые и исследователи из Костромского государственного университета, Костромской государственной сельскохозяйственной академии, Военной академии РХБЗ им. С. К. Тимошенко, Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова, Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского, Тверского государственного университета, Пермского государственного национального исследовательского университета, Белорусского государственного университета (г. Минск), а также ряда других учебных заведений и организаций.

Альманах адресован культурологам, историкам, философам, филологам, краоведам, музейным и библиотечным работникам, педагогам и воспитателям, студентам и аспирантам, а также всем, кто интересуется проблемами коммуникации, дискурса, связей с общественностью, взаимодействия власти и общества в социокультурной истории современной России.

ББК 63.3920632я43

ISBN 978-5-8285-1118-1

16+

© Костромской государственный университет, 2020

© Зайцев А. В., сост., 2020

Раздел 1

Личность регионального и общенационального масштаба (Игорь Дедков: между провинцией и столицей)

Памяти Алевтины Кашиной и Татьяны Ёлшиной

УДК 82-94

ЛИКИ ЭПОХИ: АЛЕВТИНА КАШИНА И ТАТЬЯНА ЁЛШИНА. КОСТРОМА НА РУБЕЖЕ XX–XXI ВВ.

А. А. Соловьев

В интерьере эпохи рубежа XX–XXI вв. Кострома как провинциальный город оставался уникальным и неповторимым духовным феноменом благодаря тем творцам, которые всей своей жизнью воплощали образ подвижничества и являлись ангелами-хранителями *места памяти*. О судьбе двух из них будет рассказано в данной статье.

Алевтина Кашина, Татьяна Ёлшина, театр, духовное пространство, Кострома.

Это было в другой Жизни, в ином измерении, в прошедшем веке, в стране, которой уже нет... Две маленькие девочки на берегу реки, казавшейся бесконечной, у подножия вековых сосен вели нескончаемый разговор, естественный и непринужденный, соединявший мир настоящий с его каждодневными вопросами и жизнь Вечную, уходящую в таинственные горизонты инобытия. Детское общение удивительно, в нем переплетается не подвластная логике взрослого мира непосредственность и открытость переживаемого момента, лишенного рациональной формализации действия. Детская непредвзятость мгновения позволяет заново творить этот мир ежесекундно, наполняя волшебством и радостью все окружающее пространство, гармонизируя сущее. Со временем, становясь взрослыми, мы все чаще впадаем в уныние, перестаем озарять этот мир улыбкой, погружаемся в бездну беспросветного хаоса своего существования. С каждым очередным технологическим прорывом, цифровизацией жизни и слепой верой в прогресс человечества мы все

более и более торопимся стать взрослыми, безвозвратно разрывая связь с детством. В сумерках современной цивилизации, кафкианской абсурдности ее основополагающих трендов, пожалуй, единственно возможным замедлением осуществления апокалипсических пророчеств может стать возвращение человека в детство, воскрешение в нем ассоциативных нитей и образов первоначальных шагов, сделанных с помощью Мамы. Все мы родом из детства, и нам стоит об этом помнить.

Итак, две маленькие девочки на берегу реки мыли посуду с помощью донного песка и разгадывали ребусы. Река Покша, деревня Иконниково Красносельского района Костромской области, середина XX столетия. Так рождается *место памяти*, предполагающее соединение реальности осязаемой и уловимой с реальностью чисто символической, метафорически воплощенной в истории. Ничто не происходит случайно в этой жизни, в каждой встрече присутствует некое божественное провидение. Так и в нашей истории, благодаря хитросплетениям судьбы, возникший в то время контакт скорее на энергетическом, нежели бытовом уровне, позволил сохранить пространство этой встречи на долгие годы, до самой смерти обеих в этой земной ипостаси, и, я в этом уверен, продолжает существовать в ином измерении. Нет, эта встреча не вылилась в дружбу в привычном для нас значении, но родство душ навсегда связало их единой системой координат и палитрой мелодий, позволявшей сопереживать, слышать и видеть друг друга в сфере своего духовного притяжения.

Девочка Аля приезжала в Иконниково каждое лето в пионерский лагерь, ведомственно относившийся к фабрике «Знамя труда», где работала ее мама, и была старше на полтора года девочки Тани, которая жила в этой деревне, в единственной школе которой ее папа, а после его трагической гибели, и мама работали директором. Деревенское детство было неповторимым временем, не случайно в своем последнем интервью Татьяна вспоминала о нем с тем чувством, которое сегодня практически уже невозможно представить: «Там икон не делали, даже церкви не было. Но зато была мельница, где делали толокно. Деревня была очень просвещенная. Деревенское детство счастливое. Не могу забыть, как ночью каталась на лыжах. Что мне в голову пришло? Ведь это даже страшно. Летишь на лыжах с горки – а вокруг такие россыпи красоты! А когда весна начинается? Как лягушки квакают, какие цветы распускаются! Почему-то сейчас все боятся в лесах клещей. А мы ни о чём таком не думали. Знали все первые цветы, какие на каком уголке начинают расцветать, где купальницы растут, когда начинаем купаться. Мальчишки геройски в зубах с омута, с глубины несли нам лилии и кувшинки. Правда, потом и плавать научили: толкнул в омут с крутого берега,

и, оказывается, ты умеешь плавать, потому что утонуть не хочется» [2, с. 15–16]. Нет уже сегодня ни пионерского лагеря, ни фабрики «Знамя труда», но осталась Иконниковская школа, новое здание которой было воздвигнуто стараниями, в том числе, Таниной мамы. И так же стоят вековые сосны над быстротекущей Покшей, устремляющейся своими родниковыми водами в великую Волгу.

Судьба разбросала подружек детства, но Кострома – город, в котором невозможно потеряться. Алевтина Кашина окончила Ярославское театральное училище и вернулась в родной город, в котором 27 лет служила в Костромском драматическом театре имени А. Н. Островского. Татьяна Зиновьева (в замужестве Ёлшина) после окончания Костромского педагогического института навсегда связала свою жизнь с просвещением в самом широком смысле этого слова.

Некогда в одном воспаленном сознании некто произнес фразу о том, что незаменимых людей не существует. Возможно, этот субъект и был заменим, что доказало время. Однако подлинные Творцы уникальны и неповторимы, представить на их пути служения Вечности кого-то иного невозможно.

Образы, созданные на сцене А. Б. Кашиной, единственны и несравненны. Как талантливо, легко и, казалось бы, феерически, на одном дыхании она проживала такие разные по амплуа роли!.. Диапазон ее Творчества был настолько широк, что непостижимым представлялась сама возможность вместить в себя все эти судьбы. Валентина – «Прошлым летом в Чулимске» А. Вампилова (1974, реж. П. И. Слюсарев), Флёрва – «Вдовый пароход» И. Грековой и П. Лунгина (1985, реж. И. И. Савронская), Лидия – «Мать и сын» Р. Солнцева (1984, реж. Г. Эджибия), Бананас Шонесси – «Дом голубых листьев» Д. Гуэра (1994, реж. Д. Хьюз), Димка – «Р. В. С.» Гайдара (1970, реж. В. П. Антонов), Серафима Ильинична – «Самоубийца» Н. Эрдмана (1989, реж. В. Константинов), Эмма Эдуардовна – «Заведение мадам Шойбес» А. Куприна (1992, реж. В. Константинов), Сиделка – «Весельчаки» Н. Саймона (1989, реж. А. Иешин), Иванушка – «Два клена» Е. Шварца (1973, реж. В. Ф. Шиманский), Кубыркина – «Беда от нежного сердца» В. Соллогуба (1984, реж. В. Симакин), Маша – «Эй ты, здравствуй» Мамлина (1971, реж. В. В. Креминский), Ласточка – «Город без любви» Л. Устинова (1969, реж. Б. С. Барановский)... Более ста ролей, выстраданных, прожитых на сцене и навсегда оставшихся в памяти театральной Костромы и огромного количества городов бывшего СССР. Поклонники, становившиеся друзьями, до конца своих дней писавшие письма, звонившие, сохранявшие восторженные чувства от соприкосновения с подлинным искусством, с изначальным сотворением простран-

ства памяти. Невыразимая человеческим языком, Тайна театрального действия не может быть рассказана, ты должен быть непосредственно ей сопричастен, но какой труд, нервы стояли за всем этим.

Научные изыскания Т. А. Ёлшиной всегда будоражили умы приобщенных к интеллектуальной рефлексии *человеков*. Ее яркие, ни с чем несравнимые мистерии в студенческих аудиториях увлекали и завораживали слушателей, фантазмагорически уже пребывавших в эмпиреях подлунного света. Слово для нее всегда несло сакральный смысл, экзистенциально выражая тайну мироздания. Энергетика *Слова* Т. А. Ёлшиной была воистину сродни мистическому акту, шаманскому камланию, воодушевлявшему всех, кто соприкасался с неиссякаемой страстностью и увлеченностью ее душевного горения. Причем социальный статус *вкушающего* не имел никакого значения, в сфере магнетического воздействия оказывались и студенты, и чиновники, и профессора: «...человек неумной энергии и взрывного темперамента... Татьяна Алексеевна умела заряжать и заражать своими идеями руководство и коллег» [1, с. 4].

В 80-х гг. XX в., времени обостренно противоречивом в памяти его современников, Костромской драматический театр был не только площадкой для сценического искусства, но и местом притяжения всех духовно ищущих людей города. Режиссером В. Ф. Шиманским на базе театра был создан Клуб творческой интеллигенции, встречи которого по понедельникам (единственный законный выходной в театре) проходили в Мраморном зале. Ведущим таких встреч был, в том числе, и Игорь Александрович Дедков. Атмосфера происходившего действия завораживала, все стремились услышать и быть услышанными. Среди участников, естественно, были и А. Б. Кашина, и Т. А. Ёлшина. И. А. Дедков на протяжении всей своей жизни был, мягко говоря, равнодушен к театру, из-под его пера вышло множество отточенно профессиональных рецензий на спектакли различных театральных коллективов, свидетельствующих о глубинном понимании сути театрального процесса. Т. А. Ёлшина долгие годы была деятельным участником секции театральных критиков города Костромы, театр для нее был одновременно и страстью, с которой она отдавалась ему самозабвенно, без остатка, и личностным пространством дружеских отношений, например, с ведущими актерами театра Э. Л. Очагавией и Л. А. Солнцевой. Кострома – город провинциальный, в котором все тесно переплетается, все знают обо всех, скрыться невозможно, все у всех на виду. В отношении к Дедкову творческая интеллигенция города в преобладающем своем спектре всегда испытывала чувство уважения и благодарности. Татьяна Алексеевна Ёлшина характеризовала это признание следующими строками: «Он

воспитал всю нашу интеллигенцию... Мы все его читали... А заседания клуба творческой интеллигенции в мраморном зале областного театра? Обсуждаются интересные темы, по стенам картины, выступают музыканты и актеры театра. А Игорь Александрович – интеллектуальный центр. У нас была даже секция „Театральные критики“ – как нам здорово было с ним, бесподобно! А работа с молодежью? В газете „Молодой ленинец“ собирается объединение „Молодые голоса“. Те, кто писал стихи, рассказы, пытался быть журналистом, – шли к нему. Конечно, он гений места... Прославил и себя, и провинциальную Кострому» [2, с. 14–15]. Алевтина Борисовна Кашина, служившая в театре актрисой и часто пересекавшаяся с Дедковым, в том числе на многочисленных обсуждениях в СТД (Союз театральных деятелей), вспоминала об этом человеке с неизменным почтением: «Огромным событием всегда была встреча с Игорем Александровичем Дедковым, выдающимся русским литературным критиком XX века. Это был человек скромный, обаятельный, я бы даже сказала, застенчивый. Его интеллектуальный мир просто поражал. К нему тянулись все, всех он притягивал к себе, как магнит. Он был Просветителем в самом высоком значении этого слова. Его язык был ярким, образным, доходчивым... В каждом его высказывании чувствовалась внутренняя многомерность. После каждой такой встречи происходило какое-то обновление души. Каждый его приход в театр был подобен глотку свежего воздуха... В его жизни всегда рядом шли такие понятия, как нравственность и духовность. Он был настоящим властителем дум» [3, с. 97–98]. Кто-то однажды сказал, что противоположности притягиваются, – нет, не соглашусь. Притяжением обладают только родственные души, сплетенные единством бесконечных, сотканых свыше связующих нитей, гармонизирующих отношения друг к другу.

В 90-е гг. XX в. разрушалась система духовных ценностей, девальвировалось *Слово*, превращались в симулякр понятия, составлявшие сущность и смысл нравственного служения русской интеллигенции. Профессиональный уровень, интеллектуальная честность и человеческая порядочность все более исчезали из реалий жизни и переходили в область воспоминаний. Широкие массы заболели дефицитом иного рода – не самое благоприятное время для творческих поисков и начинаний, а, возможно, и наоборот, что и доказали наши героини.

К середине 90-х гг. прошлого века репертуар костромского театра, как собственно и атмосфера в нем, контекстно ничем не отличались от доминирующих в стране настроений базарной суеты. Профессия актера чрезвычайно зависима от режиссуры, материала, общих тенденций эпохи, театр становился для Алевтины Кашиной тесен и неинтересен, ее

нерастроченная энергия воодушевляла на большее. И в 1995 г., как только было отмечено ее 50-летие, она принимает решение уйти из театра. Такая кардинальная смена профессиональных приоритетов, когда, казалось бы, ты можешь еще многое сыграть, ты владеешь секретами мастерства актера, у тебя есть свой зритель, который ходит именно на тебя, – все это не стало аргументами против сделанного выбора. Нет, она не ушла полностью из профессии, в том же 1995 г. она создает и на протяжении 13 лет, до 2008 г., руководит детским музыкальным театром «Алина», полуподвальное помещение которого в м/р Якиманиха поистине стало настолько притягательным и завораживающим для сотен детей, которые соприкоснулись с Чудом и Мастерством Учителя! Вот где раскрылось ее педагогическое призвание, а ведь в свое время лично знавший ее основатель пионерфака С. М. Миценгендлер уговаривал поступать на свой факультет. Дети, возможно, впервые окунулись в творчество, воплощая на сцене детские, соотнесенные с их возрастом, спектакли: «И вот этак, и вот так» Е. Благиной, «Петрушка и подушка» В. Лифшица, «Три поросенка» С. Михалкова, «День рождения слоненка» Д. Самойлова, «Меня зовут Гав» Г. Остера, «Мамонтенок», «Снегурочка»... Тысячи выступлений в детских садах, домах ребенка, интернатах, ветеранских организациях, школах, Дворце творчества юных, музыкальных школах, оздоровительных лагерях, ДК «Губернский», госпиталях. Алевтина Борисовна переиграла всех детских персонажей, репетируя с учениками младших классов, перевоплощаясь в медвежонка, слоненка, обезьянку, мамонтенка, собачку, верблюжонка. И везде были слезы радости, благодарность зрителя, признательность родителей, была востребованность и отдача, потребность в ее бесконечно позитивной энергии и Празднике, который она дарила всем соприкоснувшимся с ее талантом. Рефреном звучали слова детей о том, что она подарила им детство! Параллельно с 2001 г. А. Б. Кашина вместе с А. М. Семёновым создает и на протяжении десятилетия руководит театральным отделением в Детской школе искусств № 4. Скольких талантливых людей ей удалось привлечь к этому удивительному проекту, сколько прекрасных юношей и девушек опять же оказались вовлечены в ауру ее энергетики и обаяния!

90-е гг. – это и начало кризиса в системе образования, в том числе высшей школы, системного кризиса, который лишь разрастается с течением времени. Уходила в прошлое старая система, построенная на идеологических принципах, новую модель за три десятилетия создать так никто и не сумел. Но именно в 90-е годы стараниями Татьяны Алексеевны Ёлшиной на базе Костромского государственного технологического университета рождается кафедра культурологии и филологии,

ставшая центром притяжения многомерности духовных поисков как отдельных личностей, так и целых творческих коллективов. Кафедра инициировала и воплотила в жизнь многие проекты в сфере культуры, стала своеобразной площадкой для апробации новых смыслов и идей, вышла далеко за пределы собственно преподавания гуманитарных дисциплин в университете, вдохнув в них живой элемент сотворения нового пространства Человека. Созданный при кафедре Центр эстетического воспитания, заработавшие театральная, вокальная, литературная студии, киноклуб, из небытия, по авторским замыслам Ёлшиной, устроенная специализированная аудитория – салон «У камина», выставки костромских художников, сменявшиеся каждые два месяца, выступления бардов, поэтов – все это жило, дышало при непосредственном участии студентов и преподавателей. По крупицам собирала Т. А. Ёлшина коллектив кафедры, при всей разности личностного пространства, он, в конечном счете, выражал духовную гармонию и родство душ его участников. На работу, в университет шли с радостью и неподдельным воодушевлением. Не оставались в стороне и научные изыскания. В 2002 г., защитив докторскую диссертацию по теме «Художественно-эстетические аспекты проблемы гуманизма в литературе серебряного века: В. Розанов, А. Блок, Н. Гумилев», Т. А. Ёлшина сделала все возможное и невозможное, чтобы до конца десятилетия на кафедре было защищено три докторских и две кандидатских диссертаций. Она радовалась как ребенок нашим успехам, но это были и ее победы. Наконец, в 2010 г. по инициативе Татьяны Алексеевны был создан Межрегиональный научно-просветительский центр имени И. А. Дедкова, объединивший в своей деятельности эстетику и этику гуманизма и просвещения в предельно широком смысле и функциональном значении. Было множество планов, идей, мечтаний...

Татьяна Алексеевна Ёлшина покинула земные пределы 25 июля 2019 года, Алевтина Борисовна Кашина ушла в иной мир 29 марта 2020 года. Так они и прошли всю земную жизнь, в этом измерении бытия, рядом, соединяясь, в том числе, и в авторе этих строк. Две потрясающе красивые женщины, удивительные Мамы, ставшие для своих детей самыми близкими друзьями, подарившие радость общения и бесконечную любовь к Жизни.

Genius Loci, дух-покровитель в римской мифологии *места памяти*... Алевтина Кашина и Татьяна Ёлшина остались ангелами-хранителями для всех, кому судьба даровала соприкоснуться с их Вселенной. Они до конца земного пути, отмеренного им свыше, сохранили способность удивляться и удивлять, восхищаться и радоваться каждому мгновению Жизни, их души восполняли и излучали особый, только им при-

сущий, свет солнца и звезд, согревая и озаряя путь Человека в волшебных чертогах мироздания, открывая новые смыслы и вдохновляя на свершения других. С ними никогда не ассоциировались старость и уныние. Тем неожиданней был их уход, тем острее боль, превозмочь которую выше человеческого осознания. Они являли собой образ и смысл изначального подвижничества, лики которого, к сожалению, исчезают из этого мира...

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зябликов А. В. Вспоминая Т. А. Ёлшину // Кострома. Genius Loci: альманах / [сост. и отв. ред. Т. А. Ёлшина, А. В. Зайцев]. – Кострома : Костромской государственный университет, 2019. – Вып. 2. – С. 3–9.
2. О человеческой судьбе и о любви – типично русский жанр общения (Последнее интервью Т. А. Ёлшиной) // Кострома. Genius Loci: альманах / [сост. и отв. ред. Т. А. Ёлшина, А. В. Зайцев]. – Кострома : Костромской государственный университет, 2019. – Вып. 2. – С. 13–22.
3. Соловьев А. А. Пространство памяти: эстетика мироощущения Костромы эпохи 80-х гг. XX столетия // Дедков: очерки, статьи, воспоминания : альманах / сост. и отв. ред. Т. А. Ёлшина. – Кострома : Изд-во Костром. гос. технол. ун-та, 2015. – С. 93–100.

FACES OF THE EPOCH: ALEVTINA KASHINA AND TATYANA YOLSHINA. KOSTROMA AT THE BORDER OF THE XX–XXI CENTURIES

A. A. Solovev

In the interior of the era of the turn of the XX–XXI centuries. Kostroma, as a provincial city, remained a unique and inimitable spiritual phenomenon thanks to those creators who throughout their lives embodied the image of asceticism and were guardian angels of the place of memory. The fate of two of them will be discussed in this article.

AlevtinaKashina, Tatiana Yolshina, theater, spiritual space, Kostroma.

УДК 93/94 «1957»

И. А. ДЕДКОВ: СЕНТЯБРЬ ПЯТЬДЕСЯТ СЕДЬМОГО

(Публикация А. В. Зайцева)

Данный материал (эссе) был написан И. А. Дедковым в 1963 году и, скорее всего, предназначался для его «Дневника» как воспоминание о начале работы в газете «Северная правда» в городе Костроме после окончания факультета журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова. Однако в текст «Дневника» он не вошел и в настоящее время хранится в составе «дедковского архива» в Межрегиональном научно-просветительском центре им. И. А. Дедкова. Публикуется впервые.

Кострома, сентябрь пятьдесят седьмого, город, одиночество, интеллигенция.

Рукопись И. Дедкова под названием «**Сентябрь пятьдесят седьмого**» представляет собой машинописный текст на половине станицы формата А-4, объемом в пять неполных страниц, напечатанных на газетной бумаге. Рукопись датирована 1963 годом, и можно предположить, что она предназначалась для включения в текст «Дневника» Игоря Александровича, который крайне скупно освещает ранний период его жизни и творчества, в том числе начальный этап работы в областной газете «Северная правда».

В Кострому, после завершения учебы на факультете журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова, по распределению И. Дедков приехал 5 сентября 1957 года и был первоначально определен на работу в качестве литературного сотрудника отдела пропаганды. Однако после прибытия в город его сразу же перевели в отдел партийной жизни для освещения работы комсомольских организаций области.

Еще до приезда И. Дедкова в Кострому приехал его бывший однокурсник, В. Ляпунов, который был определен в этой же газете на должность литсотрудника сельхозотдела. В. Ляпунов снял небольшую комнату, расположенную в полутора кварталах от редакции газеты по адресу: город Кострома, улица Симановского, дом № 27, квартира № 9. Хозяином квартиры в то время был М. П. Магницкий, шестидесятитрехлетний военный пенсионер. Здесь, в одной комнате со своим бывшим однокашником, поселился и И. Дедков.

Определить жанр публикуемой рукописи достаточно сложно. С одной стороны, это воспоминания. Однако образность и некая фантазмагоричность и сюрреалистичность сюжета придают ей художественную образность, превращая во что-то вроде короткого эссе [2, с. 70–71; 3, с. 9]. В его тексте отчетливо прослеживается лейтмотив одиночества начинающего журналиста, оказавшегося в чужом для него городе и в новой непривычной обстановке.

Пройдут годы – а ведь И. Дедков проживет в Костроме более 30 лет своей жизни, став за это время известным литературным критиком, – и его отношение к городу коренным образом изменится. «Я благодарен Костроме за ее несуетность, за ее тишину, за ее книги, за правоту и свободу ее университетов, за ее суровость и доброту, за ее читателей, – так пишет уже адаптировавшийся к городу «зрелый» И. Дедков. – Я благодарен русской провинции за уроки стойкости и скромности, за мудрость и консерватизм ее живой жизни» [1, с. 10].

Никогда не было таких сентябрей, как в тот год. По крайней мере у меня никогда не было и больше не будет.

Город показался мне пыльным и никаким. Пройдут годы, прежде чем я разгляжу его реликвии и постаменты. Я ходил весь в испарине, и дома мелькали, и люди: это был серый непрерывный забор, и я спешил вдоль него и мыслями своими был там, впереди, в фабричных цехах, откуда мне предстояло писать репортажи о новом подъеме социалистического соревнования, и я боялся, что ничего не увижу и не напишу, потому что не знаю, как с Ними говорить, с чего начинать и как обнаруживать необыденное, выдающееся, до трепета героическое.

Мои, по уверению мамы, больные легкие¹ раздраженно дышали жаркой и густой пылью, и вечерами я рухал на кровать и переживал все свое дневное, жалкое и одинокое в этом чужом и никаком городе, равнодушном, как лес.

Никакой город моего страха и одиночества.

О, мое воспаленное донкихотство на несостоявшемся почетном одре за маминой спиной! И за папиной спиной. И за непроницаемой спиной Предстоящего, но еще не начавшегося, а потому освещенного всеми сияющими лучами российского революционно-демократического оптимизма, гласящего, что будущее светло и прекрасно и нужно его старательно приближать.

Новоявленный властитель дум в истосковавшемся по прогрессу и правде и теперь ликующем городе. Аплодисменты, переходящие в овацию всего зала. Все встают. С пением Интернационала возбужденный пролетариат сомкнутыми железными колоннами марширует по булыжному спуску к Волге. Речной порт поднял пары: переправа на возделенный московский берег обеспечена: толстосумам конец. Интеллигентные девушки мрут от восторга и революционного энтузиазма: мысленно они сочиняют письма, которые полетят мне вдогонку. И я тяну сияющий носок, и рука твердо берет под сияющий нахимовский козырек и марш «Прощание с Родиной»² звучит в моем сердце...

Здравствуйте, [под]поручик Ромашов³.

На никаком плацу в никаком городе никакого государства мы встретились с вами.

Нам казалось, мы что-то значим для тех, на трибунах, и особенно для тех, сидящих в ложах нашего воображения.

Ах, как ужасно летен этот сентябрь пятьдесят седьмого! Каждый вечер я рухаю на койку, пораженный духотой, и мне хочется, чтобы смерть поводила меня за руку, а потом где-то на краю отпустила, дала домаришровать, докрасоваться.

Здравствуй, Ромочка!

Вы хотите стреляться?

Ночью, трезвой, клоповной ночью, вам будет очень жалко себя и вы обольетесь тихими слезами, как маленький.

И папа и мама в концерте, и старая няня храпит на кухне, и никакие слезы ее не разбудят, потому что какую няню удивил слезами?

И никто не погладит вас по голове и не скажет: так надо, милый. И нельзя иначе, милый.

Я выйду на сухой бетонный плац, и во все стороны ему не будет конца – с таких стартуют реактивные самолеты. И застучат мои каблуки, тревожа утро дуэли.

Не утруждайте себя, [под]поручик. Не делайте напрасных усилий. Не спешите поднять эту заряженную штуку. Лучшие так, опустив руки.

Стреляйте, господа. Нам просто не повезло, поручик. Значит повезет другим.

Ваши слезы испаряются, едва прикоснувшись этой забетонированной земли. Уж очень ясен этот сентябрь. Пусть их – стреляют.

Далась же нам эта Россия – горькая как полынь, не верящая слезам.

Плюс один, минус один – какая разница.

А чему она верит?

А какое нам дело?

Город был никаким – очень чужим и мне не хотелось его запоминать, но разве запоминают нарочно?

Я задыхался при свете его дня и любил вечерние улицы, пахнувшие затхлой свежестью подзаборов.

Мы обживаемся в городах как в новой комнате. Проходит жизнь, и ты знаешь каждый подтек на стене не хуже клопа, проползшего вдоль и поперек стены этой коробки. Такая коробка пахнет вновь обретенным отечеством. Известно: отечество – молодечество⁴, Кострома – терема⁵. От счастья в пору сойти с ума.

Ни теремов, ни памятников архитектуры, ни отечества. Этого не было. На их месте – голо. Прочерк. Провал памяти. Прострация, а не пространство.

Я хожу вдоль и поперек. От почты до почты⁶. Взгляд от дверей на стол. И взгляд от дверей на стол опять. Где же письмо – единственная реальность в этом реальнейшем до нереальности быте? Между взглядами сутки. Сутки в никаком городе. Душным сентябрем пятьдесят седьмого. Гнилая интеллигенция. Слезливая и жалостливая⁷.

А ведь и иначе не могло быть, и, если б было иначе, какими великолепными клопами в молодеческом отечестве я б вышел в великолепные товарищи!

1963 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Незадолго до отъезда в Кострому у И. Дедкова произошло обострение туберкулеза легких, которым он заразился еще в эвакуации во время Великой Отечественной войны. Именно из-за обострения застарелой болезни произошла небольшая задержка с его прибытием в Кострому. О том, что и после начала работы в «Северной правде» состояние здоровья у Игоря Александровича, мягко говоря, оставляло желать лучшего, свидетельствует следующий фрагмент из его письма к своей будущей супруге: «Лекарство я принимаю не регулярно. У себя на квартире – принимаю втихомолку – не хочу, чтобы знали хозяева – скажут – больной, то да се. Иной раз утром спешешь – не успеешь отсыпать из пакетика и взять с собой. Другой раз – мотаешься где-нибудь по учреждениям – там забываешь – не до этого. Так что трудно следить за этим. Чувствую себя вообще неплохо. Правда, устаю – вечером хочется спать, никуда не хожу (в кино или куда еще). Температуру ж все время меряю – три раза – один раз 36,4, другой – 37,1, сегодня – 37,3. Правда, позавчера я простудился – насморк, глаза на мокром месте, покашливаю» [Письмо к Т. Сальниковой (Дедковой от 14.09.1957 г. // Архив И. Дедкова в Межрегиональном научно-просветительском центре им. И. А. Дедкова Костромского государственного университета].

² Марш «Прощание с Родиной» более известен как полонез (полонез ляминор) польского композитора М. Огинского, написанный в связи с поражением национально-освободительного восстания Т. Костюшко.

³ Подпоручик Ромашов (в тексте И. Дедкова – «поручик») – это герой во многом автобиографической повести А. Куприна «Поединок» – Георгий Алексеевич Ромашов. Действие, описываемое в произведении, протекает в одном из захолустных городков Российской империи. В «Поединке» А. Куприн рассказывает о конфликте молодого подпоручика Г. Ромашова с одним из старших офицеров полка, в котором он служит. Их противоборство описывается писателем на фоне столкновения романтического мировоззрения юного подпоручика с пошлыми провинциальными нравами провинциального бытия, в котором он оказался после окончания военного училища.

⁴ В данных и в последующих строках содержится прямая аналогия со следующим фрагментом из сатирической антимещанской поэмы «Клоп» горячо обо-

жаемого юным И. Дедковым поэта В. Маяковского: «Что это за отечество у забывших об нации? Какая нация у вас? Коминтерина? Жена, да квартира, да счет текущий – вот это – отечество, райские кущи. Ради бы вот такого отечества мы понимали б и смерть и молодечество».

⁵ Кострома до революции и в советское время славилась своими деревянными теремами, впоследствии собранными в Музее деревянного зодчества, расположенном прямо под открытым небом возле стен знаменитого Ипатьевского монастыря. В одном из писем к будущей жене И. Дедков так описывает свои впечатления от города: «Памятников старины в городе более чем достаточно. Мне даже кажется, что их больше, чем новых зданий» [Письмо И. Дедкова к Т. Сальниковой (Дедковой) от 7.09.1957 г. // Архив И. Дедкова в Межрегиональном научно-просветительском центре им. И. А. Дедкова Костромского государственного университета].

⁶ И. Дедков, приехав в Кострому, много писал писем и сам ждал их от своей невесты, нередко упрекая ее за то, что она будто бы редко ему посылает свои письма. При этом – для более быстрой их доставки – опускал свою корреспонденцию не в обычный почтовый ящик, а относил прямо на главпочтамт.

⁷ В данных строках И. Дедков как бы подчеркивает свое духовное одиночество, вынужденно вживаясь в новую и непривычную для него обстановку провинциального быта небольшого городка. «Я был одинок в те первые пустые вечера в этом городе, – так об этом чувстве он пишет в своем «Дневнике». – Будущее, тяжелое своей неопределенностью, висело над моей головой, было моим небом» [Дедков И. Дневник: 1953–1994. М. : Прогресс-Плеяда, 2005. С. 30].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дедков И. Наше слово – не пустой репортерский звон // Игорь Дедков: Наше живое слово. Книга воспоминаний, статей и интервью. – М. : Изд-во МГУ, 2013. – С. 9–12.
2. Ковалева С. В. Диалогическая сущность сознания : методология и практика философии // Aspectus. – 2015. – № 1. – С. 66–77.
3. Ковалева С. В. Формирование интеллигентности: онтологический аспект // Интеллигенция и мир. – 2011. – № 4. – С. 59–76.

I. A. DEDKOV: SEPTEMBER FIFTY-SEVEN

(Publication A. V. Zaitsev)

This material (essay) was written by I. A. Dedkov in 1963 and, most likely, was intended for his “Diary”, as a memory of the beginning of work in the newspaper “Severnaya Pravda” in the city of Kostroma after graduating from the Faculty of Journalism of Moscow State University M. V. Lomonosov. However, it was not included in the text of the Diary, and is currently kept as part of the Dedkovsky archive in the Interregional Scientific Educational Center named after I. A. Dedkov. Published for the first time.

Kostroma, September fifty-seventh, city, loneliness, intelligentsia.

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОЧНИКАХ ГУМАНИСТИЧЕСКОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ ИГОРЯ ДЕДКОВА

А. В. Зайцев

В статье рассматривается вопрос об истоках гуманистического мировоззрения. Автор публикации полемизирует с существующими взглядами на данную проблему и предлагает, опираясь на конкретный эмпирический материал, собственный подход к решению данного вопроса.

Мировоззрение, марксизм, коммунизм, гуманизм, И. Дедков, русская классическая литература, русская философия, экзистенциализм.

Игорь Дедков не только не был философом, но даже не написал ни одного философского текста. Однако это не значит, что философия была для него чужда; напротив, он живо интересовался философскими проблемами, историей русской и западной философии, вопросами марксизма-ленинизма, теории и практики социализма и коммунизма, читал доступные ему философские книги и статьи. «В центре его внимания постоянно присутствовали философские, так называемые вечные проблемы, а его осведомленность в новейшей философской литературе нетрудно обнаружить в текстах, которые он писал» [14, с. 61].

Происходившие исторические катаклизмы, свидетелем, очевидцем и участником которых был И. Дедков, требовали от него пересмотра одних, устаревших, философско-мировоззренческих позиций и восприятия новых идей и идеалов, приходящих на смену прежним. Мировоззрение И. Дедкова хотя и менялось, но, по целому ряду фундаментальных вопросов общественного бытия, он сохранял в качестве ядра свои глубоко укоренившиеся в его мировоззрении ценности и принципы. Среди них можно назвать: гуманизм (человечность), веру в исторический прогресс, познания истины (правды), торжества социальной справедливости, нравственности, коллективных ценностей, истинного социализма и коммунизма. Данная статья посвящена важной и актуальной теме, которую мы формулируем так: место гуманизма в мировоззрении и системе духовно-нравственных координат Игоря Дедкова.

Бесспорно, что гуманизм – это стержень мировоззрения И. А. Дедкова. Именно он, в своей основе, составлял неизменную константу его мирозерцания. И когда на смену одним идеологемам или социально-философским представлениям приходили другие, гуманизм не вытеснялся из лоно мироощущений критика, при этом он не только оставался и сохранялся, но еще и углублялся. Так было в мировоззрении и «раннего», и «зрелого», и даже «позднего» И. А. Дедкова.

Ф. Цан-Кай-Си выделяет три этапа формирования мировоззрения Игоря Дедкова. Первый – это 1954–1955 гг. – «узнавание действительности», которое сопровождалось «углубленным изучением классической марксистской литературы» [21, с. 12]. Возразим сразу, поскольку стоит отметить, что мировоззрение у И. Дедкова существовало еще в школе и на первых курсах учебы на факультете журналистики МГУ. Это, как признавался сам Игорь Александрович, было откровенно сталинистское мировоззрение и ломка его происходила непросто. В книге «Наше живое время» в статье «Кланяюсь московскому университету» он пишет так: «Мы кончили школу в пятьдесят втором, и мы были такими, какими должны были быть по высочайшему замыслу, и в наших студенческих чемоданчиках мы носили полный набор истин, отмыкающих любые замки... Мы были юными гражданами, знающими все на 100 лет вперед». При этом, продолжает И. Дедков, «мы вовсе не знали великого русского критика Аполлона Григорьева, не понимали Достоевского, не имели представления о русской философии и поэзии начала XX века» [12, с. 11–12].

Как следует из ряда высказываний самого И. А. Дедкова, на первых курсах университета его общественно-политические взгляды мало чем отличались от воззрений его современников, воспитанных в лоне сталинской агитации и пропаганды. В одном из писем, отправленных из Костромы своей будущей супруге, И. Дедков характеризует свое мировоззрение этого периода как «мировоззрение пламенного сталиниста»¹. Это и есть, с нашей точки зрения, изначальный этап формирования и бытия его мировоззрения в духе примитивного сталинизма.

Даже спустя год после смерти И. В. Сталина И. Дедков все еще оставался его адептом и эпигоном. В пользу данного тезиса свидетельствует случай, рассказанный самим Игорем Александровичем, когда он 5 марта 1954 года – в годовщину смерти вождя – подошел перед началом лекции к Е. П. Кучеборской, преподавателю западной литературы, «и попросил разрешения «буквально две минуты!» почтить память вставанием». После чего все студенты встали и отдали «дань памяти» И. В. Сталину [4, с. 34].

И только с 1955–1956 гг. начались необратимые перемены в восприятии И. Сталина и сталинизма (то самое «узнавание действительности», которое Ф. Цан-Кай-Си преподносит как изначальный этап формирования мировоззрения И. Дедкова в 1954–1955 гг.) и его роли в истории страны, в том числе знаменитое комсомольское собрание, на котором будущий костромской критик выступил с разоблачительной речью по отношению не только к самому И. Сталину, но всей партийной номенклатуре, его ближайшему окружению и практике преподавания на

факультете журналистики. Так прежнее сталинистское мировоззрение постепенно отмирало, сползая, как старая шкура с тела змеи.

А в пятую годовщину со дня смерти И. Сталина И. Дедков так опишет в письме к невесте трансформацию своего мировоззрения: «Сегодня знаменательный день – пять лет с тех пор, как **мировоззрение** (*выделено нами. – А. З.*) пламенного сталиниста превратилось в оползень. Пять лет со дня смерти Сталина. Эта дата застаёт меня где-то на откосе, зацепившимся за дерево честности и преданности коммунизму»².

Второй этап формирования мировоззрения И. Дедкова, по мнению Ф. Цан-Кай-Си, приходится на 1956 год, когда произошел «перелом в отношении к Сталину» [21, с. 12]. Но этот «перелом», как мы показали выше, произошел несколько раньше.

Третий период – «вторая половина 1960-х годов», как пишет Ф. Цан-Кай-Си – «это начало жизни и работы в Костроме» [21, с. 12]. Однако здесь стоит заметить, что в Кострому И. Дедков приехал в сентябре 1957-го, а вовсе не во второй половине 1960 годов. Хотя именно в этот период происходит серьезный сдвиг в его мировоззрении, когда он – по нашему глубокому убеждению – начинает дистанцироваться даже от журнала «Новый мир». Ведь на окружающий мир И. Дедков в этот период стал смотреть «шире, чем в рамках строгого марксизма», в то время как «новомировцы шли в его русле». Именно в этот временной период, по признанию самого критика, «у него началось уже другое мироощущение» [4, с. 44, 41].

Вопреки расхожему мнению, точка зрения И. Дедкова на социальную действительность далеко не во всем совпадала с позицией «Нового мира» и его руководства. Видимо, именно поэтому столь трудно там проходила публикация его работ. Самая первая, небольшая, появилась в 1961 году. Потом вторая, более развернутая, была напечатана в 1969 году, вызвав широкий общественный резонанс. При этом целый ряд замечательных статей и вовсе там не были напечатаны, хотя некоторые из них, что называется, «ходили по рукам», вызывая восхищенные отклики (к примеру, рукопись об Акакии Акакиевиче). Сначала И. Дедков просто обижался, в том числе на И. Виноградова, своего университетского товарища, заведовавшего в «Новом мире» отделом критики. Потом же осознал отличие своей позиции от того, что продвигали «новомировцы». В чем же заключалась эта разница?

И. Дедков, вслед за Ю. Буртиным, одним из сотрудников «Нового мира», считал, что этот журнал при А. Твардовском был выразителем «демократической тенденции в социализме», проповедовавшем ту партийность, которая была задана XX и XXII съездами партии [13, с. 5]. Но И. Дедков ставит себе задачу: «Новый мир» надо преодолеть, расши-

ря площадки критики, уходя от его ортодоксии» [3, с. 96]. Таким образом, Игорь Александрович вполне недвусмысленно заявляет, что поскольку «Новый мир» остается в плену «ортодоксии», т. е. на позициях «строгого марксизма», который он сам преодолел, то ему «надо писать наперекор идейному правописанию» [3, с. 96].

Под влиянием чего же произошло его размежевание с «Новым миром»? Сам он объясняет это тем, что в Костроме, получив доступ к дореволюционным библиотечным фондам, начитался «кадетской литературы». Что же читал в Костроме И. Дедков и что на него произвело столь сильное впечатление, что даже «Новый мир» показался ему, говоря современным языком, «недостаточно крут»?

В статье «Наши железные копыта» (1992 г.) И. А. Дедков подробно воспроизводит авторов книг, которые он сумел заполучить из дореволюционных фондов Костромской областной научной библиотеки: Ремизов, Ходасевич, Бердяев, Булгаков, Эрн, Розанов, «Вехи», «Несвоевременные мысли» Горького и др. [5, с. 120]. Это позволило критику установить «духовную связь» с русской дореволюционной интеллигенцией, приняв от них «эстафету» [3, с. 117]. «И пусть я не единомышленник их, но критицизм «Вех» я принимаю охотно, потому что есть в нем не умершая до сих пор правда» [3, с. 118]. Не знаю, был ли знаком И. Дедков с работой С. Булгакова «От марксизма к идеализму», но его идейное развитие шло не по направлению к марксизму, а от него, как это было у многих русских дореволюционных философов, включая Н. Бердяева, в сторону от марксизма.

В противовес только что изложенной нами точке зрения на развитие мировоззрения И. Дедкова, Ф. Цан-Кай-Си характеризует его движение от «строгого марксизма» к «реальному гуманизму» в ранней марксистской интерпретации. Но именно И. Дедков в интервью Г. Зубковой (на которое неоднократно ссылается Ф. Цан-Кай-Си) пишет о том, что это «Новый мир» продолжал следовать в русле «строгого марксизма» [4, с. 44], в то время как у него к середине – концу 1960-х появилось уже совсем «другое мироощущение» [4, с. 41].

Что же понимает Ф. Цан-Кай-Си под «строгим марксизмом» и насколько его точка зрения релевантна действительному положению дел?

Начнем с того, что словосочетание «строгий марксизм», которое приковало внимание Ф. Цан-Кай-Си, И. Дедков использовал лишь в интервью Г. Зубковой. При этом сплошь и рядом в текстах Игоря Александровича встречаются схожие термины. К примеру, «реальный марксизм», который «уже 50 лет воплощаемый огнем и мечом» и при этом, как замечает И. Дедков, «нам доказывают, что М. и Э. ни в чем не повинны, что они прекрасные мыслители» [3, с. 99].

Или еще одно близкое понятие «действительный социализм», о котором И. Дедков упоминает в статье «Прозрение в темном зале» [7, с. 239]. В другой статье из сборника «Обновленное зрение: Из шестидесятых в восьмидесятые» под названием «Новый берег» он пишет о «подлинном социализме», который начинается с учета человеческого фактора. И его главная суть состоит в прекращении разбазаривания человеческих сил и жизней. Эта идея, по свидетельству критика, «жила в воздухе шестидесятых», именно в этом, по его мнению, заключается главная суть «философии социализма» [7, с. 212]. Еще одно определение социализма было дано И. Дедковым летом 1974 г., как дополнение к сформулированному в период «пражской весны» (1968 г.) концепту «социализма с человеческим лицом», в котором должны были соединиться идеи социализма и принципы демократии («демократический социализм»). Игорь Александрович пишет в связи с этим так: «Я бы добавил: с умным лицом, социализм умных людей» [3, с. 163].

Как уже нами было отмечено выше, Ф. Цан-Кай-Си словосочетание «строгий марксизм» выносит даже в заголовок своей статьи, ошибочно считая его отправной точкой в эволюции мировоззрения И. А. Дедкова и, как это мы продемонстрируем ниже, отождествляя «строгий марксизм» со сталинистским инвариантом марксизма [21, с. 11–16]. «Строгий марксизм», – пишет Ф. Цан-Кай-Си, – это что-то неопределенное, скорее метафора. ... Для самого Дедкова «строгий марксизм» – это марксизм доктринерский, догматический, представленный диалектическим и историческим материализмом Сталина. *Дисциплинарная система абсолютных истин...* Несмотря на то что «строгий марксизм» постоянно декларировал свою приверженность диалектике, оставался настоящей метафизической системой, которая не имела ничего общего с классическим марксизмом» [21, с. 12].

Итак, в интерпретации Ф. Цан-Кай-Си «строгий марксизм» – это «доктринерский» или «догматический» марксизм, «система абсолютных истин», не имеющая «ничего общего с классическим марксизмом». Однако, если обратиться к словарям и справочникам, то мы в них не найдем отождествления понятия «строгий» с «догматизмом» и «доктринерством». Вот, к примеру, как расшифровывается слово строгий в «Толковом словаре русского языка» С. Н. Ожегова и Н. Ю. Шведовой: 1) Очень требовательный, взыскательный. 2) Суровый, жесткий. 3) Не допускающий никаких отклонений от нормы, совершенно точный. 4) Не допускающий отступления от правил поведения, от общепринятых моральных норм. 5) Правильный, не отклоняющийся от лучших образцов. 6) Об одежде, внешности, обстановке: простой, без украшений, но свидетельствующий о хорошем вкусе [19, с. 774].

В словаре синонимов к прилагательному «строгий» названы такие синонимы и близкие по смыслу слова, как: простой, серьезный, железный, холодный, а также более редко встречающиеся аналоги: классический, точный, правильный, аскетичный, безупречный, неукоснительный, педантичный и др. [20]. Из 80 представленных синонимов и близких по смыслу слов здесь нет упоминания ни «догматизма», ни «доктринерства». А вот использование таких аналогов прилагательного «строгий», как «классический», «точный», «правильный», – является вполне правомерным. Таким образом, «строгий марксизм» – это изначальный марксизм, адекватный его исходному аналогу без последующих истолкований. Именно поэтому И. Дедков на последних курсах учебы университета действительно обращается к изучению трудов отцов-основателей.

В интервью Г. Зубковой И. Дедков (уже гораздо более зрелый и обладающий гораздо большим жизненным опытом, чем юный студент) говорит всего лишь о двух марксовых работах (о «Немецкой идеологии» и «Восемнадцатом брюмера Луи Бонапарта», последняя из которых почему-то названа им «Восемнадцатое брюмера»), а также о том, что, кроме них, читал «еще что-то» [4, с. 38]. Но «что» именно входит в это «еще что-то» было прочитано – неизвестно, поскольку нигде больше (кроме данного интервью о чтении И. Дедковым каких-либо иных трудов Маркса) не упоминается. Но даже этих двух вскользь упомянутых работ для Ф. Цан-Кай-Си оказалось вполне достаточно, чтобы превратить И. Дедкова в правоверного марксиста, преданного коммунизму.

Непонятно, исходя из чего Ф. Цан-Кай-Си делает выводы о том, что И. Дедков будто бы «внимательно читал марксовы работы» и что содержащиеся в них «идеи» «оказались близки И. Дедкову» [22, с. 116, 117]. Как говорит в «зубковском» интервью сам Игорь Александрович, чтение первоисточников давало пищу уму, заставляло размышлять.

Начиная со второй половины 1960-х в СССР начало осуществляться фундаментальное издание Полного собрания сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса. Но насколько И. Дедков мог быть с ним детально знаком, если в период его учебы в МГУ только-только вышли первые тома, в основном содержавшие ранние произведения классиков? Т. Елшина вполне справедливо указывает, что «ни в одной из своих критических статей, книг, ни в одном из своих публичных выступлений доперестроечного периода Дедков не цитировал классиков марксизма-ленинизма, как это было повсеместно принято» [16].

Первая из двух названных в интервью И. Дедковым работ К. Маркса («Немецкая идеология») вышла из печати во второй половине 1956

года в третьем томе Полного собрания сочинений. Вторая работа («Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта») была напечатана (согласно выходным данным) в 1957 году в восьмом томе, т. е. фактически уже где-то примерно после окончания И. Дедковым университета, перед его отъездом в Кострому. Поэтому, вопреки вышеприведенному утверждению Ф. Цан-Кай-Си, Игорь Александрович – в 1954–1955 гг. – не мог «углубленно изучать марксистскую литературу» (по крайней мере эти две названные им, но в это время еще не вышедшие в свет работы К. Маркса из его полного собрания сочинений), тем более что даже первый том данного собрания сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса был издан только лишь в 1955 году и содержал в себе самые-самые (как и последующие тома) ранние (1842–1844 гг.) работы первого и сочинения второго (1839–1844 гг.) авторов.

Следует обратить внимание на следующий пассаж из интервью И. Дедкова Г. Зубковой, где он сообщает, что в то время никакой другой литературы, кроме марксистской, в СССР не существовало. Но даже чтение тщательно отобранной властью литературы заставило студента журфака «крепко задуматься» о соответствии марксистской теории реальному ходу истории. В частности И. Дедков упоминает о какой-то из работ Ф. Меринга, прочтя которую, он сделал для себя выводы о том, что «прогнозы Маркса насчет революций – все они ошибочны. Маркс ошибся в расчетах» [4, с. 37].

Это была лишь первая «зацепка» (выражение самого И. А.), которая и заставила крепко «задуматься» и от которой, в конечном итоге, как настаивает сам И. Дедков, у «него начала работать голова» [4, с. 37], т. е. появились сомнения, скептицизм в истинности теории даже такого авторитета, как К. Маркс. Если недоверие к И. Сталину заставило обратиться к первоисточникам, то из чтения доступной марксистской литературы у него появилось критическое отношение и к оригинальному марксизму, а не только к его сталинистской версии.

Внимательное чтение «Дневников» Игоря Александровича еще больше подтверждает его крепнувшее недоверие к марксистской теории. Так, летом 1957 года, т. е. уже после завершения учебы в МГУ, но еще до отъезда в Кострому, он по сути дела солидаризируется с ревизионистом и антимарксистом Э. Бернштейном и с приписываемой ему фразой «движение все – конечная цель ничто» (в действительности она звучит так: «То, что понимают обычно под «конечной целью социализма», представляет для меня чрезвычайно мало смысла и интереса: эта цель, что бы она ни означала, для меня – ничто, движение – все») [2, с. 37].

Для формулировки своих политических идей И. Дедков отталкивается от литературного образа бескомпромиссного, прямолинейного

и мужественного борца с бандитизмом В. Малыгина из повести П. Нилина «Жестокость», который готов, не задумываясь, «жертвовать человеком ради организации» [3, с. 21]. Но это литературный персонаж. В реальной жизни и сам И. Дедков попал в схожую ситуацию, когда его после весенних событий 1957 года на факультете журналистики, которыми он по сути дела руководил, его вызвали для «проработки» на заседание комитета ВЛКСМ МГУ и где, по словам самого И. Дедкова, замсекретаря комитета комсомола Г. Попандопуло поставил его по сути дела в аналогичную ситуацию.

«Несколько лет назад, – пишет в «Дневнике» Игорь Александрович, – я был близок к таким идеям». Но теперь, к моменту завершения учебы, его прежние взгляды претерпели серьезные изменения и такой антигуманный подход к человеку для него стал неприемлем. Поэтому, ссылаясь на Д. Неру (не на Э. Бернштейна!), он задумывается о выборе «средств, ведущих к миру справедливости». При этом, по его мнению, вполне возможно «соглашаться в цели и не соглашаться в методах ее достижения» [3, с. 21]. Ведь если быть неразборчивым в выборе средств, то вместо общества «социальной солидарности» «можно построить государственный социализм, социализм армейский, казарменный» [3, с. 21]. В подобном государстве «не будет уважения к рядовым людям» и «они по-прежнему будут марионетками в руках идеи, не собственной идеи, а идеи, господствующей в воздухе» [3, с. 21]. То, что эти положения раннего дедковского гуманизма проистекают вовсе не от марксизма в его незрелом варианте а-ля «Экономико-философские рукописи 1844 года» (с которыми он, скорее всего, никогда не был знаком), свидетельствует (вопреки утверждению Ф. Цан-Кай-Си, что эволюция мировоззрения И. Дедкова шла не от «строгости марксизма» к «реальному гуманизму», якобы почерпнутому им из марксизма) следующая фраза, завершающая этот дедковский пассаж: «И я думаю о том, что человек живет один раз и что человек – это звучит гордо» [3, с. 21]. А это уже откровенно «не по К. Марксу», а по М. Горькому.

И если на раннем этапе жизни и деятельности И. Дедков еще не пользуется бернштейновской формулировкой о соотношении цели и средств, то в дальнейшем он ее начинает употреблять осознанно, солидаризируясь не с К. Марксом, а с его противником. «Стократ руганная формула «Движение – все, конечная цель – ничто», наверное, справедлива», – откровенно заявляет он в одном из интервью и конкретизирует свою позицию следующими аргументами: «Зачем нам сейчас расчерчивать свое будущее, конструировать и регламентировать то, что впереди? Будущее вырастает из настоящего, поэтому заняться бы всем устройством настоящего» [8, с. 87].

В предисловии к книге В. Богомолова «Эта незабытая далекая война» И. Дедков использует знаменитое выражение из романа Ф. Достоевского «Братья Карамазовы» о «слезинке ребенка» (т. е. о страдании невинного человека ради достижения каких-либо самых высоких целей) в анализе повести этого автора под названием «Иван». Иван Буслов – это двенадцатилетний мальчик, которому на войне приходится рисковать своей жизнью наравне со взрослыми офицерами и солдатами. «Повесть построена так, – пишет литературный критик, – что мы видим Ивана глазами молодого старшего лейтенанта Гальцева. Это добрые и внимательные глаза. Им хорошо открыто главное: трагическая судьба детской жизни в дни войны. Когда-то Ф.М. Достоевский писал о неискупимых слезинках ребенка. В истории Ивана Буслова нет слез, но страдания его тоже из неискупимых» [11].

Даже чтение работ доступных промарксистски настроенных авторов порождало у раннего И. Дедкова все большие сомнения и вопросы в верности и справедливости этого учения. Так в № 3 за 1957 года журнала «Вопросы философии» он прочел статью И. Кона «Опиум для интеллигенции, или Философия истории Р. Арона», которая была посвящена критике и демонстрации несостоятельности философии истории французского философа-антимарксиста Р. Арона в его работе «Опиум интеллигенции». Однако, ознакомившись со статьей советского философа-марксиста, И. Дедков согласился не с его критикой, а «на 90 %», как он сам пишет, солидаризировался с антимарксистской интерпретацией хода истории Р. Арона³.

Трактовка гуманистического мировоззрения зрелого И. Дедкова с позиций юного К. Маркса – как это делает Ф. Цан-Кай-Си – более чем несостоятельна. В небольшой статье под названием «Спор о поколении» И. Дедков пишет, что даже после смерти Сталина, во второй половине 1950-х годов, «время оставалось суровым», но наряду с этим это было «незабываемое состояние душевного и умственного подъема». И связанный с этой эпохой нравственный выбор заключался вовсе не в служении идеалам «истинного марксизма-ленинизма», а в верности «идеалам русского освободительного движения» [6, с. 15]. Практически весь курс, на котором учился Игорь Александрович, после окончания МГУ уехал из Москвы на периферию. По сути это было что-то вроде хождения в народ, воспроизведенного теми, кто считал себя продолжателями традиций дореволюционных демократов, русской интеллигенции, видевшей свою главную цель в служении простым людям. И. Дедков сам выбрал Кострому и прожил здесь, работая, как он полагал, для народа, более тридцати лет.

Источник гуманизма И. Дедкова заложен в нем традициями русской классической литературы, русской идеалистической и материалистической философии, идеями русского утопического социализма, с которыми он вплотную познакомился во время учебы и, особенно, после приезда в Кострому. Из костромской глубинки он так описывал своей будущей супруге ощущения по данному поводу: «Стране позарез нужны культурные образованные люди. Когда я сижу в каком-нибудь Парфеньеве, я ненавижу сытую блестящую Москву и преклоняюсь перед народниками 70-х»⁴.

В пользу высказанной нами мысли свидетельствует и тот факт, что имя К. Маркса в многостраничном «Дневнике» Игоря Александровича встречается только лишь 6 раз, да и то мельком. При этом в двух случаях в связи с аллюзией, навеянной сравнением марксовой бороды с бородой Б. Негорюхина. Ф. Энгельс назван там всего лишь 4 раза. Зато Л. Толстой упомянут 28 раз, А. Пушкин – 21 раз, Ф. Достоевский – 20 раз, А. Чехов – 14, В. Розанов – 12, М. Горький – 9, С. Булгаков – 9, Н. Федоров – 8, А. Герцен – 8, К. Леонтьев – 7, Н. Бердяев – 6 (ровно столько, сколько К. Маркс), М. Салтыков-Щедрин – 5, П. Чаадаев – 3, И. Аксаков – 3, Н. Михайловский – 2, Д. Мережковский – 2. И этот список – стоит заметить – состоит не из современных И. Дедкову авторов, а таких, как и К. Маркс с Ф. Энгельсом, – мыслителей прежних поколений. В более поздний отрезок времени И. Дедков не раз будет демонстрировать знакомство с трудами таких русских философов, как Н. Шестов [10, с. 87], Н. Лосский [10, с. 90–91], того же Н. Бердяева [10, с. 67, 91], К. Леонтьева [10, с. 66], С. Булгакова [10, с. 133], знает он и работы современного ему и достаточно близкого по своим убеждениям философа, социолога и логика А. Зиновьева [10, с. 59]. На кого только не ссылается И. Дедков, каких только русских и западноевропейских философов (и О. Шпенглера, А. Токвиля, Т. Карлейля и др.) не цитирует или не упоминает.

Кстати, среди книг, оставленных на рабочем столе Игорем Александровичем перед последней госпитализацией в больницу с последующим уходом из жизни, нет ни одного произведения К. Маркса, Ф. Энгельса или В. Ленина. Среди 21 книги, оставшихся на письменном столе Игоря Александровича после его кончины, сразу пять работ В. Розанова, по одной книге А. Пушкина, С. Булгакова, К. Леонтьева, Г. Федотова, А. Ремизова, 10 номер журнала «Вопросы философии» за 1991 год, а также второй том произведения Л. Троцкого «Сталин», двухтомник К. Поппера «Открытое общество и его враги» и некоторые другие издания. Но нет абсолютно ничего, связанного с (псевдо) «гуманистическим марксизмом» [3, с. 595]!

Ф. Цан-Кай-Си, анализируя эволюцию мировоззрения критика, приходит к выводу, что на заключительном этапе жизни и деятельности «взгляды Игоря Александровича на коммунизм совпадали с марксовской концепцией коммунизма как реального гуманизма, представленной в работах Маркса 1840-х и последующих годов» [21, с. 11]. По его убеждению, будто бы с 1969 года в мировоззрении И. Дедкова открывается «новая веха в отношении к марксизму как к реальному гуманизму». Однако данные тезисы не подкреплены реальными фактами и не выдерживают верификации с действительным положением дел.

В соответствии с точкой зрения французского философа-неомарксиста Л. Альтюссера, марксистского гуманизма просто не существует, поскольку марксизм и гуманизм это антиподы. Гуманизм – по Л. Альтюссеру – был присущ К. Марксу, но лишь на самом раннем этапе, когда (до 1845 года) он находился под влиянием, с одной стороны, Г. Гегеля, с другой – Л. Фейербаха. Однако вскоре он, создав теорию исторического материализма, напроць в результате так называемого «эпистемологического разрыва» отказался от «абстрактного», т. е. общечеловеческого, гуманизма и перешел на позицию «теоретического антигуманизма» [1, с. 392 и след.], больше уже никогда не возвращаясь к своим юношеским идеям. Дело в том, что, с точки зрения Л. Альтюссера, гуманизм – это идеология, в то время как коммунизм – наука.

Да и как можно зачислять в разряд «гуманистов» теоретика, который безапелляционно утверждал: что «революции – локомотивы истории»? [17, с. 86]. Или писал, что «насилие является повивальной бабкой всякого старого общества, когда оно беременно новым». При этом насилие это не моральная категория, а бездушная «экономическая потенция» [18, с. 761].

В отличие от «теоретического антигуманизма» марксовской теории И. Дедков буквально пропитан гуманистическими идеями Л. Толстого, Ф. Достоевского и других русских дореволюционных писателей и философов [14а, с. 13–14]. «Правители, которых можно желать, – пишет в своем «Дневнике» И. Дедков, – должны были бы согласовывать свои нравственные, этические принципы (рекомендуемые народу) с принципами и идеалами русской классической литературы, потому что в ней более, чем в чем-то ином, выразилась национальная философия, национальный идеал или, лучше сказать, истина русской жизни. Иначе образуется (образовался) разрыв между тем и другим, и первое не выдерживает сопоставления... Избежать его можно, лишь запретив русскую классическую литературу, что невозможно» [3, с. 121].

Гуманизм И. Дедкова связан не только с ценностями русской классической литературы и русской философии, но и с философскими

традициями, идущими от антропоцентризма софистов («человек есть мера всех вещей»), от И. Канта («человек (личность) – цель сама по себе»), а также от философов-экзистенциалистов («экзистенциализм – это гуманизм»). Это вполне определено вытекает хотя бы из следующей аксиологически заряженной фразы, вкрапленной И. Дедковым в строки его литературной статьи «О живой невыдуманной России»: «Истинное значение всего, что слывет ценным, единственно необходимым, «универсальным», проверяется через человека: от человека ведется всему счет... Человеком, его сбывшимися и несбывшимися возможностями, его судьбой все измеряется...» [9, с. 24].

Ф. Цан-Кай-Си утверждает, что И. Дедков достаточно долго находился под влиянием «строгого марксизма». Мы уже приводили факты, опровергающие данные безосновательные утверждения. Добавим к ним еще один. Менее чем через два месяца после приезда в Кострому, а если точнее, то 3 ноября 1957 года, Игорь Александрович в письме к Аркадию Макееву («Азику») пишет о том, что он «совсем не апологет марксизма». И приемлет марксизм «только в ряде пунктов». И совершенно не приемлет «то, что официально называют материалистическим взглядом на историю». При этом И. Дедков подчеркивает, что это не какое-то «временное разочарование», а «постоянно усиливающееся убеждение»⁵.

«Говорят, что свобода – осознанная необходимость, – пишет в одном из писем своей будущей жене И. Дедков. – Прежние марксисты понимали под необходимостью – объективно существующие законы. Но если сейчас то, что выдается за закон, не является законом объективного мира? В таком случае марксистская формулировка есть формула рабства, есть формула подчинения»⁶.

Для И. Дедкова близка отнюдь не марксистская концепция свободы, а гуманистическое понимание свободы как возможности выбора в ее экзистенциалистской интерпретации. Анализ текста «Дневника» свидетельствует, что Игорь Александрович интересовался философией и литературным творчеством французских экзистенциалистов. Еще до начала свободного издания текстов мыслителей этого направления в западной философии, он был знаком со многими из них по журнальным статьям и книгам. Так, из дневниковой записи от 10 апреля 1983 года следует, что Игорем Александровичем была прочитана книга Е. Кушкина «Альбер Камю. Ранние годы» [3, с. 404]. Вслед за ссылкой на эту книгу Игорь Александрович с большим сожалением пишет об ограниченности «духовной атмосферы (обстановки)», «о кругозоре и миропонимании юного человека конца сороковых – начала пятидесятых годов», т. е. поколения, к которому он сам принадлежит. Это способствовало «бедному, сжатому мышлению» [3, с. 404]. Преодоление этой «навязан-

ной обстановки» было возможно почти исключительно «через библиотеку... но это было индивидуальным актом», т. е. экзистенциальным выбором. И, как вывод: «Пора бросить умиляться таким добродетелям, как... коммунистические идеалы» [3, с. 404]. Так встреча с экзистенциальной философией, пусть и в чужом изложении, окончательно вытесняла из гуманистического мировоззрения И. Дедкова остатки марксистского миропонимания.

Знакомство же с оригинальными текстами философов-экзистенциалистов началось еще до начала перестройки и издания их работ в СССР. Так 14 февраля 1985 года И. Дедков в «Дневнике» цитирует такие созвучные его гуманизму строки из «Письма немецкому другу» А. Камю: «Я хотел бы, чтобы любовь к моей родине была совместима с любовью к справедливости. Я не желаю моей родине любого величия, не желаю величия, которое зиждется на крови и лжи. Я хочу служить моей родине, служа справедливости...» [3, с. 444]. Из философских идей экзистенциализма И. Дедкова прежде всего волновали проблемы свободы, выбора и сопротивления.

«Сопротивление» И. Дедкова – это ответная реакция на социально-политические условия общественного бытия, на несогласие с существующими политическими идеологемами и социальными практиками взаимодействия власти с критически мыслящей частью российской интеллигенции 1960–1980-х годов в СССР. Это сопротивление носило в основном скрытый, латентный характер и заключалось (как в стоицизме) в отказе от сотрудничества, в неучастии в целом ряде морально неприемлемых действий.

И. Дедков в одном из писем к А. Адамовичу охарактеризовал свою мировоззренческую позицию этикой «костромского экзистенциализма» [15, с. 158]. Это означало, что он, как и его современники, являясь по сути дела «спеленутыми» (его выражение из этого же письма) людьми, в то же время обладали некоторого рода внутренней (экзистенциальной) свободой и, в определенных рамках, могли ее транслировать, многое не договаривая, выражаясь полунамеками и обиняками. При этом, конечно, не исчезало «ощущение беспомощности человека, т. е. своей беспомощности», невозможности «докричаться» а, тем более, «взорвать» пассивное и беззаботное сознание» общества [15, с. 158]. Тем не менее И. Дедков очень дорожил даже сильно ограниченным пространством своей внутренней духовной свободы и полагал, что в сложившихся условиях «возможен только один путь – путь духовного... морального сопротивления». Сопротивления «индивидуального», т. е. личного, без участия в каких-либо формальных или неформальных организациях или кружках [4, с. 39]. В. Яранцев даже называет мировоззренческую

позицию Игоря Александровича «философией «индивидуального сопротивления» [23, с. 135]. И это действительно так, зрелый И. Дедков это не апологет, а критик марксизма. Его гуманистические идеалы и ценности сближаются с экзистенциалистской философией и развиваются в их русле.

Ф. Цан-Кай-Си, характеризуя взгляды И. Дедкова уже после крушения советской системы, в подтверждение своей концепции развития мировоззрения И. Дедкова приводит одну из его фраз, записанную в «Дневнике» и связанную с глубоким духовным кризисом и разочарованием в идеалах перестройки и демократии. Как отмечает Федор Васильевич, в ситуации, когда произошел суд над КПСС и партия была запрещена, когда ее бывшие лидеры отрекались от коммунистического прошлого, И. Дедков нашел в себе мужество сказать: «Наверное, я коммунист...» [21, с. 11]. Что, по мнению Ф. Цан-Кай-Си, свидетельствует о том, что будто бы даже на закате жизни Игорь Александрович сохранял верность коммунизму и марксизму.

Но это не так. Во-первых, марксизм и коммунизм это не одно и то же. Во-вторых, фраза, приведенная Ф. Цан-Кай-Си, выхвачена из контекста и неверна. В подлиннике она звучит так: «Наверное, я все-таки коммунист, и не в смысле принадлежности к политической партии, а по своим чувствам, по тому, что считаю справедливым и подлинно человеческим» [3, с. 565]. Если для Ф. Цан-Кай-Си первостепенное значение имеет слово «коммунист», то я полагаю, что «ключевыми» здесь выступают два других слова: «наверное» и «все-таки». Они выдают сомнение, неуверенность. Кроме этого речь-то здесь опять же не о пресловутом марксизме, приписываемом Ф. Цан-Кай-Си И. Дедкову, а о его представлении о коммунизме, коммунизме «по чувствам», по тому, что он всегда считал и продолжает считать «справедливым и подлинно человеческим». Стоит отметить и то, что в предложении, предшествующем вышепротитированному отрывку из «Дневника», Игорь Александрович пишет вовсе не об основоположниках марксизма, а о русском философе Н. Федорове, высказывая надежду, что его философия «общего дела» когда-нибудь восторжествует» [3, с. 565]. Таков контекст фразы, произвольно выхваченной из текста, неверно процитированной и интерпретированной нашим уважаемым оппонентом.

Истоки и природа гуманизма И. Дедкова не имеют отношения ни к «зрелому», ни к «раннему» Марксу, точно так же как и коммунистические (социалистические) идеалы (как, например, в христианском социализме) могут самым радикальным образом расходиться с классическим марксизмом в вопросах об идеалах и способах их достижения, что и было наглядно продемонстрировано в данной статье. Гуманизм

И. Дедкова заложен в его мировоззрении не марксистской ортодоксией, разворачиваемой ее апологетами, в зависимости от ситуации и конъюнктуры, то одной, то другой стороной, а традициями русской духовной культуры, русской литературой и русской философии, ретранслировавших мечты о справедливом общественном устройстве на протяжении всего существования российского социума.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Письмо к Т. Сальниковой (Дедковой) от 5.03.1958 г. // Архив И. Дедкова в Межрегиональном научно-просветительском центре им. И. А. Дедкова Костромского государственного университета.
- ² Там же.
- ³ Письмо к Т. Сальниковой (Дедковой) от 2.09.1957 г. // Архив И. Дедкова в Межрегиональном научно-просветительском центре им. И. А. Дедкова Костромского государственного университета.
- ⁴ Письмо к Т. Сальниковой (Дедковой) от 23.03.1959 г. // Архив И. Дедкова в Межрегиональном научно-просветительском центре им. И. А. Дедкова Костромского государственного университета.
- ⁵ Письмо к «Азику» (А. Макееву) от 3.11.1957 г. // Архив И. Дедкова в Межрегиональном научно-просветительском центре им. И. А. Дедкова Костромского государственного университета.
- ⁶ Письмо к Т. Сальниковой (Дедковой) от 2.09.1957 г. // Архив И. Дедкова в Межрегиональном научно-просветительском центре им. И. А. Дедкова Костромского государственного университета.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Альтюссер Л. За Маркса / пер. с франц. А. В. Денежкина. – М. : Праксис, 2006. – 392 с.
2. Бернштейн Э. Из статьи «Борьба социал-демократии и социальная революция» (Германия, январь 1898) // Сб. документов по истории рабочего и социалистического движения стран Европы и США : учеб. пособие для студентов вузов по спец. «История» / сост. П. П. Вандель, П. И. Остриков ; под ред. П. И. Острикова. – М. : Высш. шк., 1985. – С. 36–37.
3. Дедков И. А. Дневник. 1953–1994. – М. : Прогресс-Плеяда, 2005. – 792 с.
4. Дедков И. А. Индивидуальное – но сопротивление (Интервью д-ру исторических наук Е. Ю. Зубковой) // Игорь Дедков: наше живое время. Книга воспоминаний, статей и интервью. – М. : Изд-во МГУ, 2013. – С. 16–47.
5. Дедков И. Наши железные копыта // Игорь Дедков: наше живое время. Книга воспоминаний, статей и интервью. – М. : Изд-во МГУ, 2013. – С. 118–122.
6. Дедков И. Спор о поколении // Игорь Дедков: наше живое время. Книга воспоминаний, статей и интервью. – М. : Изд-во МГУ, 2013. – С. 14–16.
7. Дедков И. Обновленное зрение: Из шестидесятых в восьмидесятые. – М. : Искусство, 1989. – 318 с.
8. Дедков И. Эта земля и это небо. Очерки. Заметки. Интервью. Дневниковые записи о культуре провинции 1957–1994. – Кострома : Костромаиздат, 2005. – 430 с.
9. Дедков И. Живое лицо времени: Очерки прозы семидесятых-восьмидесятых. – М. : Сов. писатель, 1986. – 392 с.

10. Дедков И. А. Любить? Ненавидеть? Что еще?.. Заметки о литературе, истории и нашей быстротекущей абсурдной жизни. – М. : АИРО-XX, 1995. – 156 с.
11. Дедков И. Эта незабытая далекая война (Предисловие). – URL: <https://myrt.ru/read/81735-eta-nezabytaya-dalekaya-voyna-predislovie.html> (дата обращения: 30. 08.2020).
12. Дедков И. Наше слово – не пустой репортерский звон // Игорь Дедков: наше живое время. Книга воспоминаний, статей и интервью. – М. : Изд-во МГУ, 2013. – С. 9–14.
13. Дедков И. А. Поддержание костра // Кондратович А. Новомировский дневник (1967–1970). – М. : Советский писатель, 1991. – С. 3–18.
14. Дурилов А. П. «Esse Homo» как становятся сами собой // Дедков: очерки, статьи, воспоминания: альманах / сост. и отв. ред. Т. А. Ёлшина. – Кострома : Изд-во Костром. гос. технол. ун-та, 2015. – С. 47–63.
- 14а. Зябликов А. В. Политические партии и художественная интеллигенция в период первой русской революции 1905–1907 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Костром. гос. пед. ун-т им. Н. А. Некрасова. – Кострома, 1995. – 29 с.
15. Из переписки Игоря Дедкова с Василием Быковым и Алесем Адамовичем // Знамя. – 2006. – № 1. – С. 136–168.
16. Ёлшина Т. А. Прозрение наступает. Но всегда запаздывает // Вопросы литературы. – 2014. – № 4. – С. 139–163.
17. Маркс К. Классовая борьба во Франции с 1958 по 1850 гг. // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. – Изд. 2-е. – М. , 1956. – Т. 7. – С. 5–110.
18. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. 1 // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. – Изд. 2-е. – М. , 1960. – Т. 23. – 907 с.
19. Ожегов С. Н., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка / Российская академия наук ; Ин-т русского яз. им. В. В. Виноградова. – 4-е изд., доп. – М. : ООО «ИТИ Технологии», 2003. – 944 с.
20. Словарь синонимов // Wordsynonym.ru – онлайн-словарь синонимов русского языка. – URL: <https://wordsynonym.ru/%D1%81%D1%82%D1%80%D0%BE%D0%B3%D0%B8%D0%B9> (дата обращения: 30. 08.2020).
21. Цан-Кай-Си Ф. В. И. Дедков: от «строгого марксизма» к реальному гуманизму // Костромской гуманитарный вестник. – 2015. – № 2(9). – С. 11–16.
22. Цан-Кай-Си Ф. В. К вопросу об общественном идеале Дедкова // Дедков: очерки, статьи, воспоминания : альманах / сост. и отв. ред. Т. А. Ёлшина. – Кострома : Изд-во Костром. гос. технол. ун-та, 2015. – С. 110–127.
23. Яранцев В. Н. Творческие доминанты и универсалии литературной критики Дедкова // Дедков: очерки, статьи, воспоминания : альманах / сост. и отв. ред. Т. А. Ёлшина. – Кострома : Изд-во Костром. гос. технол. ун-та, 2015. – С. 129–142.

ON THE QUESTION OF THE SOURCES OF THE HUMANISTIC WORLDVIEW OF IGOR DEDKOV

A. V. Zaitsev

The article examines the question of the origins of the humanistic worldview. The author of the publication argues with the existing views on this problem and offers, based on specific empirical material, his own approach to solving this issue.

Worldview, Marxism, communism, humanism, I. Dedkov, Russian classical literature, Russian philosophy, existentialism.

**«СВОЙ КРУГ» И. ДЕДКОВА:
ПРОБЛЕМА ИНТЕРПРЕТАЦИИ ИДЕЙНО-ТВОРЧЕСКОЙ
ПОЗИЦИИ КРИТИКА (И. ДЕДКОВ И С. ЧУПРИНИН)**

В. Н. Яранцев

Означенная проблема исследуется в контексте творчества критиков И. Золотусского, Л. Аннинского и С. Чуприна. Приводятся примеры их самоинтерпретации, «Дневник» И. Дедкова. Термин «свой круг» рассматривается в связи с саморефлексивными интенциями этих критиков.

«Свой круг», И. Золотусский, Л. Аннинский, самоинтерпретация, либерал, жизнь, «Новый мир», «Дневник».

Книгой «Критика – это критики» С. Чупринин обозначил свою позицию как «собирателя» литературно-критических сил России, оказавшись при этом всего лишь «распределителем ролей». Это подметил И. Дедков, уподобивший книгу С. Чуприна «программке к спектаклю» с подробным описанием «действующих лиц» [11, с. 372]. Тем самым С. Чупринин представил «свой круг» литературных критиков со своей нишей – более или менее «правой» или «левой», «либерала» или «патриота». При этом забывалась главная идея книги: «критика – это критики», т. е. индивидуальности, вне направлений. В угоду тенденции обозначалось явное противоречие с заглавной установкой.

И. Дедков отреагировал вполне «либерально» на свой литературный портрет в исполнении С. Чуприна. Он готов его принять: «Мало ли какими мы себе кажемся. Зачем мне спорить?» Но перед заключительными словами отклика: «Есть над чем подумать, вот и хорошо, и спасибо» И. Дедков выразил решительное несогласие со словами «на счет артельного духа». «Не было его во мне и нет» [11, с. 373]. А это, по сути, главный пункт в литературном портрете, ибо именно «свой круг» являлся следствием «социально-моральной проповеди», тяги к «прописным истинам, стержневым для творчества И. Дедкова. Очевидно, столь мягкое отрицание И. Дедковым этого «обвинения» в «артельном духе» зависело от того, что С. Чупринин не смог, по объективным данным своего же «портрета», отнести И. Дедкова к «национал-патриотам», а с другой стороны, не смог отнести его к «либерал-демократам». Термин «свой круг» явился компромиссным, отсылающим И. Дедкова к «центристам»: он еще не определился с выбором. Характерен в этом смысле отзыв И. Золотусского на свой «лит. портрет», увидевшего не-объективность С. Чуприна: «Одни для него – «свои», другие – «чужие». В отличие от И. Дедкова И. Золотусский истолковал свой «лит.

портрет» как тенденциозный: «Я, как мне кажется, оказался по ту сторону черты – то есть среди „чужих“» [11, с. 373–374].

И. Дедкову безразлично, среди «своих» или «чужих» он оказался у С. Чуприна: «Ну что ж, как понял меня С. Чупринин – так и написал. Со стороны многое виднее». Ясно, что И. Дедков не имел каких-то «лагерных» устремлений, его занимали только литературная стратегия данного автора и художественные достоинства его произведений. И это доказывает, что тезис С. Чуприна об «артельном духе», как минимум, необъективен, а скорее, неактуален – это проблема интерпретации, исходных позиций данного критика. Иначе бы И. Дедков отреагировал на свой «лит. портрет», подобно И. Золотусскому. Вообще, своей книгой С. Чупринин актуализирует и другую проблему – взаимовлияния и отталкивания литературных критиков, работающих на одном материале, в одних журналах, в непосредственной близости друг от друга, буквально бок о бок. И это дополнительный фактор при формировании у литературного критика своей позиции.

Сопоставляя творчество И. Дедкова и И. Золотусского, можно заметить, насколько значим был диалог этих двух критиков, где они выступали одновременно и как оппоненты, и как единомышленники. Первым в этом гипотетическом диалоге был обмен мнениями вокруг В. Белова и его повести «Привычное дело». И. Золотусский подчеркивает в повести «тепло добра», вопреки обстоятельствам жизни и судьбы Ивана Африкановича [7, с. 171]. И. Дедков подчеркивает «обыкновенность» героя повести, его склонность к праздности, пьянству, изменам жене. И. Золотусский не судит, а оправдывает Ивана Африкановича: «Это книга духовная, где земное, телесное возвышается до осознания себя, до прощения и решимости» [7, с. 171]. Взгляд И. Дедкова шире, в контексте эволюции «деревенской прозы» от «исследования социальных процессов» к «пафосу исследования крестьянской души» [6, с. 79]. Его слова о том, что «страдание – еще не апологетика, и жалость не исключает горечи укоризны» (там же), явно звучат в ответ на искреннее признание И. Золотусского о «чисто русском» в повести В. Белова, что и дало повод к полемике с ним. Но в другом тексте он обозначил и тезисы, близкие И. Дедкову: «Белов не идиличен», он «Ивана Африкановича не идеализирует», словно предвосхищая возможный спор.

Такая «умная» критика И. Золотусского, гармонизирующая все возможные «за» и «против», но и находящая возможность обозначить свою позицию, должна была импонировать И. Дедкову. Очевидно, много значила и своеобразная их соревновательность, отчасти полемика. Например, И. Дедков настаивает на неизменности творческой позиции В. Быкова с помощью мысли об «энергии сложности» писателя, побеждающей «энергию упрощения»: В. Быков «всегда был яростным анти-

схематиком» [4, с. 265], «выслушал Сотникова, выслушай и Рыбака» [4, с. 255]. Писатель, согласно И. Дедкову, выходит за границы чисто «военной прозы на протяжении всего своего творчества, показывая своих героев в контексте всей полноты их жизни, считая, что «обреченности на предательство» нет ни в Голубине, ни в Рыбаке. Таким образом, и И. Золотусский, защищая В. Белова и его «Привычное дело», и И. Дедков, в своей апологетике В. Быкова, говорят, по сути, об одном – о том, что литература обязана быть ближе к жизни, учитывать все ее «плюсы» и «минусы», общее и частное, большое и малое, независимо от сюжетов, обстоятельств, исторической обстановки.

Однако вскоре И. Золотусский заявил о своей близости направлению русской духовности / «душевности» на основе тех достижений, которые имеются в русской классической литературе. В статье «Час выбора» (1975) он писал об «уважении к преданию», постоянной сверке своей позиции писателя – гражданина и художника, с вершинами отечественной литературы. Это и новые масштабы своей критики, не ставящей «себе мелких целей», так как «мыслит в масштабах своего таланта» [8, с. 6]. Не случайно главной его темой на долгие годы стал Гоголь. Именно фундаментальной книгой о нем в серии «ЖЗЛ» И. Золотусский приблизил себя к тем, кого называют «национал-патриотами». Тем не менее, как подчеркивают авторы «Истории русской критики» М. Липовецкий и М. Берг, И. Золотусский принадлежал к «либеральным критикам», лишь сочувствуя некоторым высказываниям «националистической критики». Тем более что «предметы» его критики: В. Шукшин, Ф. Абрамов, С. Залыгин, В. Астафьев, Б. Можаяев, В. Семин, как писали те же авторы, были «центральными для критиков либерального направления» потому, что «у них драматизм характеров и исторических коллизий явно перевешивал все усиливающуюся у... других «деревенщиков» тенденцию к мифологизации (в духе национально-патриотической идеологии «простого человека»)» [9, с. 499]. Так что положительные отклики И. Золотусского как о В. Белове, так и о писателях не его «круга», например, о А. Битове, делают картину его творчества весьма противоречивой. Выбор И. Золотусским в середине 70-х гг. «русско-классического» направления интерпретируется как выбор волевой, умственный. «Душевная» же сторона его личности больше склоняется к критике «первого впечатления», как это было на заре его творчества в статье «Рапира Гамлета» и при опыте вживания в личность Гоголя. Можно, таким образом, говорить о самоинтерпретации как предпочтительном моменте при классификации данного критика.

Такой, «самодеятельный», способ бытования в критике стал нормой для Л. Аннинского, «импрессиониста» и индивидуалиста в критике, обращающегося не «ко всем», а «к каждому». Его «сверхзадача», по

С. Чупринину, «понять себя – и тем самым приблизиться к пониманию каждого» [11, с. 99]. Для такого критика ключевого момента выбора не существует. Точнее, он происходит при каждом обращении к тому или иному автору и произведению. Во многом, на наш взгляд, своим творческим методом и стилем он обязан поэзии, о которой писал на протяжении всего своего творчества. Стихи «романтических авангардистов» начала 60-х гг., о которых Л. Аннинский писал в первой своей книге «Ядро ореха» (1965), требовали многоаспектности их анализа. Л. Аннинский находит для этого своеобразные «формулы» – словосочетания, фразы, предложения, где совмещались бы, как минимум, две точки зрения при смысловой перспективе других возможных толкований. Отсюда такая, например, «формула»: «Отвлеченные понятия существуют у Вознесенского лишь в метафорическом сращении с какой угодно, но всегда конкретной деталью, и пусть это сближение происходит по совершенно невероятной траектории – только бы ощутимо, только бы зримо, вещно!» [3, с. 61]. С таким стремлением адекватно постичь суть этой очень подвижной поэзии название своей книги «Ядро ореха» Л. Аннинский мог бы отнести и к себе. С тем условием, что на этом пути к ядру смысла «шелухи» предстоит убрать немало, прочитав и осмыслив немало книг.

Отсюда и множество имен авторов книг и произведений в критическом багаже Л. Аннинского, и многоаспектность анализа с допущением противоречивых точек зрения, и «формульность», заимствованная у «поэтической» критики. Все это делает критику Л. Аннинского, так сказать, безрезультатной, с «открытым финалом». Он утверждает, например, что «вся суть» творчества В. Шукшина в «десятках противоречивых нюансов» его отношения к сельскому жителю, «спутанности симпатий» и только потому В. Шукшину было доступно изображение подлинной жизни, но ценой немалой душевной боли и терзаний.

Таков и сам Л. Аннинский, словно специально выбирающий писателей сложных, запутанных, в надежде увидеть в их произведениях эту полноту жизни ценой «открытых», т. е. произвольно толкуемых, финалов своих статей. Так, статья о «московских» повестях Ю. Трифонова о городских интеллигентах, стоящих на грани измен и предательств, превращается в их разоблачение. Позднее Л. Аннинский признается, что к Ю. Трифонову «я, конечно, придрался». Но главное в этой саморефлексии было то, что он нечаянно «влез в литературную борьбу» за Ю. Трифонова и «вызвал злость либеральных литераторов». И хотя «их фарисейство приводило меня в ярость», «я, – пишет Л. Аннинский, – не мог толком объяснить себе самому, зачем на этот раз я влез в литературную борьбу» [3, с. 222–223].

Показательна и статья «За номиналом» о критиках И. Виноградове и В. Чалмаеве, когда «левые» возмутились тем, что «я ополчился на Ви-

ноградова, а «правые были «шокированы тем, что я ополчился на Чалмаева» [3, с. 82]. Не случайно героем его книги «Лесковское ожерелье» (1982) стал автор «Левши» как наиболее яркий пример противоречивости в русской классике. Характеристика Н. Лескова в этой книге близка самохарактеристике Л. Аннинского: «Противоречивость жизни ... как бы вкладывалась в ткань текста, скручивая текст в вязь и порождая знаменитое лесковское кружево, когда не вполне понятно, кто перед нами: автор или шутник-рассказчик... авторская речь или только стилизованный сказ» [2, с. 21]. Эти слова о кружеве возвращают нас к «поэтической» критике Л. Аннинского и его «формулам», когда молодой критик мог написать: «Бывает, что элементы эстетики остаются вроде бы прежними, а только сдвинется что-то внутри – и оживет живое...» [3, с. 48].

Наиболее четко свое кредо критика-«импрессиониста» Л. Аннинский выразил еще в первой книге: «Легко сформулировать внешний вывод, труднее уловить главное: ту живую неповторимость, тот пульс, то дыхание, которое остается за пределами формул» [3, с. 175]. Можно предположить, что именно этот тезис середины 60-х гг. становится тем самым выбором вне «лагерного» деления литераторов. Показательно, что и «свой круг» Л. Аннинского трудноопределим: пожалуй, лишь однажды, в книге 1982 г. «Контакты», он назвал «родными» троих: «Шукшин, Трифонов и Распутин» [1, с. 13]. С точки зрения самоинтерпретации как исходном моменте при интерпретации того или иного литератора и критика особенно значимы предисловия и тексты и подобные им автожанры. Л. Аннинский в этом смысле наиболее показателен. Выпущенный им в 2010 г. двухтомник работ с 60-х по конец 80-х гг. «Распад ядра» и сопровождаемый целым конвоем предисловий и автокомментариев лежит в русле того самоосмысления, которое здесь названо как самоинтерпретация.

С. Чупринин, однако, с позиций критика-«либерала» в своем «лит. портрете» Л. Аннинского делает акцент на его уклон в 80-е гг. в национальную русскую проблематику. Но сам Л. Аннинский всегда оставался верен принципу бесконечного «освобождения ядра от шелухи», т. е. поиску смысловых доминант в гуще противоречивой и многообразной жизни. Поэтому в книгах «Контакты» и «Локти и крылья» Л. Аннинский погружен в материал нерусских литератур еще и потому, что понять русское изнутри себя, русского, невозможно, что отдаляет его от русских националистов. Однако и в рядах либералов, куда его часто причисляют, Л. Аннинский выглядит еретиком, как Н. Лесков в ряду русских классиков (вспомним также и книгу критика «Три еретика»), что побуждало его не раз отказываться от роли «посредника», поучающего читателя, активно работая в смежных жанрах кино и театра.

Однако превращение нравственности в главный эстетический критерий, характерное для критики тех лет, ставит под вопрос существование либеральной критики до «перестройки» как «лагеря», тем более что ведущие ее фигуры – И. Золотусский, Л. Аннинский, И. Дедков – постоянно уклонялись с этого пути. Однако С. Чупринин, как представитель младшего поколения «либералов», выступает по отношению к И. Золотусскому, Л. Аннинскому, И. Дедкову как идеологически и дискурсивно определившимися. Точка зрения другого, «правого» лагеря на трех героев данной статьи только подтверждает то, что И. Дедкова, И. Золотусского и Л. Аннинского невозможно классифицировать по двум полюсам. Не без труда, но «правый» Ю. Павлов все-таки признает в И. Золотусском «своего», который все чаще выступает «как православный человек и православный критик» [10, с. 105].

Все три героя нашей статьи в страстных спорах поляризованной критики участия почти не принимали. И. Дедков же в «перестроечных» альманахах «Позиция» и «Взгляд», где сталкивались противоположные мнения, вообще отсутствовал. Объясняется это тем, что к тому времени он сделал свой выбор, причем двойной: смена провинции на столицу и работа в журнале вне групп и направлений, в «Коммунисте» с его идеологией «нового мышления». Тем самым он продолжил и, можно сказать, усугубил в новых условиях свою позицию и философию «индивидуального сопротивления», имеющую свои истоки в других категориях и измерениях, чем «лагерные».

Если И. Золотусский и Л. Аннинский были вовлечены в литературный процесс, в том числе благодаря своему столичному месту жительства и лит. должностям, то деятельность И. Дедкова была связана с провинцией, ее духом одновременно и независимости, «еретичества», и «застойности», консерватизма местной литературной жизни, но участвовал в общероссийском литературном процессе с неизбежной оглядкой на своих столичных коллег.

К уже отмеченной скрытой полемике И. Дедкова и И. Золотусского вокруг «Привычного дела» необходимо добавить и то, что резкие выпады И. Золотусского против Д. Гранина и Л. Аннинского против Ю. Трифонова не могли не сказаться и на такого же рода статье И. Дедкова против «московской» школы «сорокалетних» прозаиков и книги Ю. Бондарева «Игра» (характерен похвальный отклик И. Золотусского на эту статью И. Дедкова, правда, без называния его фамилии, в кн. «Исповедь Зоила»). Столь же последователен он был и в выборе имен для своей критики, и это показывает солидарность И. Дедкова с И. Золотусским и Л. Аннинским в главном: объектом критического исследования для него в конечном итоге являлась жизнь, правда жизни, во всей ее полноте и противоречиях.

Таковыми «жизненными» писателями и были В. Белов и Ф. Абрамов, В. Шукшин и Ю. Трифонов. Ближе других И. Дедкову оказался В. Быков, которому он посвятил целую книгу. И если книги о Гоголе и Лескове (а также о «трех еретиках») могут характеризовать И. Золотусского и Л. Аннинского, их творчество, то В. Быков мог бы стать подобным же главным «дедковским» автором. Но тем и отличается И. Дедков от двух своих коллег, что он обладал большей степенью независимости и универсальности. У него был особый способ саморефлексии, «Дневник», как осмысление своих жизни и творчества в масштабах быта и бытия.

Существенным изъяном литературного портрета И. Дедкова, написанного С. Чуприниным, было отсутствие необходимого при рассмотрении именно И. Дедкова важнейшего компонента – личности критика, в силу чего он предстал там лишь как рядовой, «штатный» критик «своего круга». Но не учитывал, что он неизмеримо расширялся кругом личности самого И. Дедкова, горизонтами его интересов, включавших литературу 20-х гг. и дореволюционную религиозную философию и даже сибирскую литературу.

Как подтверждение этой мысли звучит название статьи критика «патриота» Ю. Павлова: «Игорь Дедков как русско-советско-либеральный феномен», настолько трудным оказалось определить одним словом суть творчества И. Дедкова. В отличие от С. Чупринина, Ю. Павлов с первых же строк постоянно цитирует «Дневник» И. Дедкова. Но не для того, чтобы показать многогранность личности критика, а чтобы уличить его в «грехах» несоответствия идеям и установкам «русской партии». Выстраивая схему и сверяя затем с ней высказывания И. Дедкова, Ю. Павлов так и не смог определить меру «вины» критика перед «правыми». Это лишь показывает, насколько сам Ю. Павлов пронизан духом групповщины, тогда как И. Дедков всегда исповедовал самостоятельность в мышлении, отношении к литературе и власти.

И уже первый конфликт с советской идеологией при учебе в МГУ показал, насколько сильно в И. Дедкове это личностное начало, которое и культивировалось в «Дневнике» с его свободой самовыражения. Так что время от времени И. Дедков чувствует, что мог бы «написать прозу» (с. 463), ощущает специфическое брожение («составляю разные «описания», «пытаюсь запомнить какие-то ... фразы» [5, с. 470], 17 сентября 1985).

Слова И. Дедкова 1992 г. о том, что «я все-таки коммунист, и не в смысле принадлежности к политической партии, а по своим чувствам, по тому, что считаю справедливым и подлинно человеческим» [5, с. 564], говорят о позиции критика, прошедшего через испытания демократией и либерализмом, но оставшегося таким же «наивным». Его взгляды остаются близкими «Новому миру» А. Твардовского и характе-

ристике их С. Чуприниным в книге «литературных портретов». Многое здесь совпадает с самохарактеристикой И. Дедкова: и непримиримость к «трупному яду сталинизма», и публицистическая составляющая литературно-критических статей, направленная на познание жизни, и ориентация на «народность» как критерий подлинности литературного произведения и, следовательно, на авторов «новомирского реализма» (В. Овечкин, В. Шукшин, В. Семин, Ф. Абрамов и др.). И, главное, «еретики» и «безбожники» из «Нового мира», почти «антисоветчики», как в прозе, так и в критике журнала, «были несравненно более «партийными», чем их многочисленные оппоненты» [11, с. 71]. И, наконец, пишет С. Чупринин, в условиях разлада со всеми – и «слева», и «справа», «Новому миру» приходилось «вырабатывать этику *сопротивления* идущему встречь, в лоб потоку времени» [11, с. 35]. Об этом же постоянно писал и говорил и сам И. Дедков.

Таким образом, именно в «портрете» литературной критики «Нового мира» С. Чупринин дал наиболее адекватный образ И. Дедкова, который и в 90-е гг., на исходе своей жизни, остался верен этике и эстетике журнала, оставшегося до ухода А. Твардовского «примером нравственного поведения в ситуации, никак не предполагавшей к такому поведению» [11, с. 74]. Но есть и другой С. Чупринин, немногий из ведущих критиков, откликнувшийся («Душа отлетела») на кончину И. Дедкова в ряду участников Первых Дедковских чтений.

Реальный, живой С. Чупринин шире своих либеральных догм. И если в «опыте самоидентификации русского либерала», как гласит подзаголовок к статье «Выбор», С. Чупринин «обозначает свою ориентацию» не без помощи вспомогательных самонаименований: «прогрессист», «западник», «патриот», «демократ», то в «фейсбучном романе» (таков подзаголовок книги «Вот жизнь моя») автор «идентифицирует» себя при помощи историй, почти анекдотов с участием видных лит. фигур. Лишь иногда позволяя себе краткие самохарактеристики: «Я-то – человек и происхождением, и родством повязанный с русским простонародьем... деревенской прозой никогда зачарован не был» [12, с. 38]; «Я никому не даю в нем («фейсбучном романе». – В. Я.) оценок и своих заветных убеждений не утверждаю. Просто говорю, как оно было. Или что надумалось» [12, с. 334]. Отметив сходство этих слов с реакцией И. Дедкова на свой «лит. портрет» – «Ну что ж, как понял меня С. Чупринин – так и написал...» – можно говорить о близости их позиций и отчасти автопортретов в том, что они не всегда совпадали с их позициями только в силу вовлеченности в лит. процесс с его жесткими требованиями деления на «лагеря».

К осмыслению каждого большого имени в литературе и критике необходимо подходить разносторонне. Оценка И. Дедкова, в ее наи-

большей полноте, на наш взгляд, невозможна без обращения к творчеству близких ему И. Золотусского и Л. Аннинского, и его собственной самооценки, сделанной в «Дневнике». Но и сами его «оценщики», среди которых выделяется С. Чупринин, сами не просты, и это лишний раз указывает на масштаб личности И. Дедкова, чья критическая деятельность не ограничивалась только стандартными для критики жанрами, но развиваясь в параметрах и самоинтерпретации, самооценки. Без них не было бы его такого непростого творческого пути, но именно этим и ценен и интересен Игорь Дедков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аннинский Л. А. Контакты. Литературно-критические статьи. – М. : Советский писатель, 1982. – 328 с.
2. Аннинский Л. А. Лесковское ожерелье. – 2-е изд. – М. : Книга, 1986. – 189 с.
3. Аннинский Л. А. Распад ядра : сб. – Минск : МФЦП, 2009. – 872 с.
4. Дедков И. Василь Быков. Повесть о человеке, который выстоял. – М. : Советский писатель, 1990. – 312 с.
5. Дедков И. Дневник. 1953–1994. – М. : Прогресс-Плеяда, 2005. – 792 с.
6. Дедков И. Обновленное зрение. Из шестидесятых – в восьмидесятые. – М. : Искусство, 1989. – 318 с.
7. Золотусский И. П. Тепло добра. – М. : Советский писатель, 1970. – 240 с.
8. Золотусский И. П. Час выбора. – М. : Современник, 1976. – 319 с.
9. История русской критики: советская и постсоветская эпохи. – М. : Новое литературное обозрение, 2011. – 792 с.
10. Павлов Ю. М. Критика XX–XXI веков: литературные портреты, статьи, рецензии. – М. : Литературная Россия, 2010. – 304 с.
11. Чупринин С. И. Критика – это критики. Версия 2.0. – М. : Время, 2015. – 608 с.
12. Чупринин С. И. Вот жизнь моя. Фейсбучный роман. – М. : РИПОЛ-классик, 2015. – 560 с.

I. DEDKOV'S "OWN CIRCLE": THE PROBLEM OF INTERPRETATION OF THE CRITIC'S IDEOLOGICAL AND CREATIVE POSITION (I. DEDKOV AND S. CHUPRININ)

V. N. Yarantsev

This problem is studied in the context of the work of critics I. Zolotusky, L. Anninsky and S. Chuprinin. Examples of their self-interpretation are given, “Diary” By I. Dedkov. The term “own circle” is considered in connection with the self-reflexive intentions of these critics.

“Your circle”, I. Zolotusky, L. Anninsky, self-interpretation, liberal, life, “New world”, “Diary”.

**Личность
как субъект социокультурной трансформации
и модернизации общества**

УДК 321

«ХРОМАЮЩИЕ РЕШЕНИЯ» РОССИЙСКИХ ПОЛИТИКОВ

Е. А. Страдина

Статья посвящена проблеме исполнения принимаемых решений в современной российской политике. Автор опирается на концепцию «хромающих решений» отечественного философа А. И. Ахиезера, который рассматривает её как устоявшийся режим политического процесса, ограничивающего достижение динамичного государственного развития.

Концепция «хромающих решений», государственное управление, непоследовательность содержания и реализации решений современной российской политики.

Политическое развитие государства определяется целым комплексом факторов, одним из которых является качество принимаемых политико-управленческих решений. Именно политические решения составляют сущность политического процесса [7]. По своей сути любое управленческое решение – это осознанный и принятый способ решения какой-либо проблемы посредством выбора относительно наилучшего варианта из имеющихся альтернатив в сложившейся ситуации с учетом целей и имеющихся ресурсов.

Отличительной особенностью политико-управленческих решений является их масштаб, обусловленный сущностью самой политики как деятельностью, по, во-первых, получению и удержанию политической и государственной власти и, во-вторых, согласованию властвующих субъектов интересов различных социальных групп и разрешению конфликтов в обществе. Один из ведущих исследователей проблем политических решений профессор А. А. Дегтярев в этом контексте отмечает, что политические решения связаны с формулированием общих целей с учетом сложившихся политических ценностей и влияют, прежде всего, на норматив-

ные и институциональные основы общественно-политического порядка, посредством них регулируются, распределяются и перераспределяются ключевые ресурсы общества [3]. Д. Р. Мэтьюз и Д. А. Стимсон отмечают значимость политического момента для принятия политических решений [8], что оказывает серьезное влияние не только на его содержание, но и разработку механизма его реализации. Таким образом, с одной стороны, политико-управленческие решения в силу уровня своего принятия и масштаба реализации воздействуют на все государство и складывающиеся в нем общественные отношения, а с другой стороны, могут в значительной мере зависеть от текущей конъюнктуры на политическом поле, т. е. быть ситуативными.

Непосредственно само политико-управленческое решение получает выражение в формировании системы нормативно-правовых актов: законов, содержащих нормы, и подзаконных актов, раскрывающих механизм исполнения законов. Условиями результативности решений являются, во-первых, его принятие должным образом, и здесь важным является легитимность лица, принимающего решения, и, во-вторых, его исполнимость. Само по себе политическое решение в норме не является самоцелью, а только отправной точкой для дальнейшей своей реализации. Кроме того, каждое политическое решение влечет за собой последующую цепь политико-управленческих решений как законодательного, так и подзаконного характера. Основное требование заключается в необходимости соблюдения последовательности в их содержании и реализации, чтобы поставленная цель политического развития была в итоге достижима.

Для современной российской политической системы характерно перманентное реформирование и пересмотр траекторий развития. В качестве одной из причин этого рассматривается непоследовательность принимаемых управленческих решений [5]: одни политические решения принимаются, другие их отменяют или ограничивают возможность их исполнения, третьи так и остаются нереализованными, поскольку не разрабатывается механизм их реализации.

Например, решения Правительства Российской Федерации по патристическому воспитанию и формированию гражданственности подрастающего поколения практически не находят отражения и не конкретизируются в документах государственной молодежной политики [4]. Другим примером может являться реформирование сферы культуры, в отношении которой декларируются масштабные задачи всестороннего развития российского общества, национальной идентификации, формирования устойчивой ценностной структуры, но фактически эти цели подменяются количественными, прежде всего, финансовыми показателями экономии и дохода [6].

Отечественный философ А. С. Ахиезер объяснял это через концепцию «хромающих решений» как особого типа режима политического процесса, изначально ограничивающего достижение желаемого уровня государственного развития именно в силу отсутствия в цепочке принимаемых политических решений последовательности в содержании и реализации [2].

Сущность «хромающего» политического решения заключается в том, что такое решение не влечет за собой необходимую для своего эффективного исполнения цепочку решений, но, наоборот, изменяя или отменяя его частично или полностью. Такого рода цепная реакция может иметь разные проявления: решения сами себя отменяют, либо появляются запреты на их реализации, либо появляются множественные оговорки, исключения, условия, разрешающие то, что было ограничено, или запрещающие то, что было разрешено. В результате ни одно решение, начинание невозможно завершить, и тем в большей степени, чем оно сложнее, вместо этого усиливаются дезорганизационные процессы, которые, в свою очередь, опять приводят к принятию «хромающих решений», и т. д. – цикл повторяется снова и снова.

«Хромающие решения» проявляют ряд свойств. Во-первых, это стремление лиц, принимающих решения, следовать актуальному в данном политическом моменте нравственному и политическому идеалу, массовым настроениям, которые могут даже не иметь конкретной формулировки.

Во-вторых, каждый последующий уровень государственного управления при принятии управленческих решений руководствуется не интересами своей территории (субъекта РФ, муниципального образования), а установками вышестоящих уровней, стремясь им угодить. В итоге «хромающий» характер принимает вся властная вертикаль.

Третье свойство – чрезмерное упрощение исполнения такого рода решений по принципу «решать то, что можно решить сейчас» малыми силами, что не позволяет убрать саму проблему, ради которых они принимаются. Либо декларируются цели, которые изначально недостижимы или не имеют объективной основы для своей разработки, но при этом получают положительный отклик населения. Таким образом, формируемая политическая повестка приобретает характер реактивного «латания дыр».

В-четвертых, для «хромающих решений» характерна дезорганизация своего исполнения, поскольку субъектами этого оказываются разные организационные структуры, для каждой из которых важным становится достижение собственных целей. В результате вместо сотрудничества и синтеза получается некая инверсия, разрывающая целое на части. В организационном контексте необходимо обратить внимание и на

то, что принимаемые решения ориентированы на своего рода идеальный кадровый состав государственной службы, который в реальной практике далек от такого состояния [1].

Таким образом, складывается разрыв между сложностью, комплексностью, масштабностью политико-управленческих решений и реальной практикой профессиональной деятельности государственных и муниципальных служащих, действующих на основании должностных регламентов, где содержатся размытые требования к профессиональному уровню, квалификации, компетентности и даже ответственности чиновников за ненадлежащее выполнение ими повседневных должностных обязанностей. Вопрос об их способности мыслить системно, уметь прогнозировать и видеть альтернативы даже не ставится. Например, основной задачей оказывается освоение финансовых средств и отчетность об исполнении без привязки к качеству выполненных работ.

Являясь управленческой патологией, «хромяющие решения» могут иметь разные проявления: главенство структуры над функцией (для каждого решения создается своя структура, что приводит к снижению производительности, росту расходов и бюрократизации); дилемма в стратегии (смешивание несовместимых целей); маятниковый характер решения (новое решение временно заменяет старое при последующем возвращении к нему); подмена проблемы (косметические изменения вместо решения проблемы); отсрочка целей (недооценка исполнимости решения, что приводит к постоянному переносу его реализации); нейтрализованные решения (качество решения нивелируется механизмом исполнения); запоздалые решения; дефектность содержания решения (содержание решения не соответствует проблеме); решения с потенциальной конфликтогенностью между субъектами исполнения; решения с потенциалом оппортунистического поведения исполнителей.

Таким образом, «хромяющие решения» российского политического процесса проявляются в качестве их содержания, непоследовательности принятия и реализации, что приводит к недостижимости поставленных целей государственного развития.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ахиезер А. С. Россия: некоторые проблемы социокультурной динамики // Мир России. – 1995. – № 1. – С. 3–56.
2. Ахиезер А. С. Ценности общества и возможности реформ в России // Общественные науки и современность. – 1997. – № 1. – С. 17–23.
3. Дегтярев А. А. Методологические подходы и концептуальные модели в интерпретации политических решений // Политические исследования. – 2003. – № 1. – С. 159–170.

4. Коряковцева О. А., Бугайчук Т. В. Роль государственной молодежной политики в развитии гражданской идентичности молодежи // Актуальные проблемы развития государственной молодежной политики : сб. науч. ст. : материалы Всероссий. науч.-практ. конф. – Ижевск, 2018. – С. 47–52.
5. Макаренко А. А. Политические решения и демократические реформы в России // Социум и власть. – 2010. – № 2(26). – С. 42–46.
6. Страдина Е. А. Государственное регулирование сферы культуры в России: противоречия и возможности // Мир русскоговорящих стран. – 2020. – № 2(4). – С. 37–45.
7. Шаброва Н. О. Сущность, структура и типология политических решений // Научные труды Московского гуманитарного университета. – 2012. – № 2. – URL: https://mosgu.ru/nauchnaya/nauch_trudy/articles/Shabrova_Political-Decisions.pdf (дата обращения: 20.08.2020).
8. Matthews D. R., Slimson D. A. Decision – Making by U. S. Representatives: a Preliminary model // Political decision making. – New York, 1998. – P. 3.

“LIMPING DECISIONS” OF RUSSIAN POLITICIANS

E. A. Stradina

The article is devoted to the problem of execution of decisions in modern Russian politicians. The author relies on the concept of “limping solutions” by the Russian philosopher A. I. Akhiezer, who considers it as an established mode of political process that restricts the achievement of dynamic state development.

The concept of “limping decisions”, public administration, inconsistency in the implementation of decisions, modern russian politics.

УДК 121.3

ХАРАКТЕРИСТИКА ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ СВОБОДЫ: ДВОЙСТВЕННОСТЬ И ДИАЛОГИЧНОСТЬ

С. В. Ковалева

В статье рассматривается двойственная характеристика свободы человека, представленной в концепции И. Бёрлина. Отрицательная характеристика предполагает ответ на вопрос: «Какие социально политические условия НЕ подавляют процесс формирования внутреннего пространства свободы?». Положительная характеристика связана с ответом на другой вопрос: «Какая инстанция осуществляет контроль над свободой человека и заставляет его совершать (или не совершать) тот или иной поступок, быть тем или другим?».

Свобода, феномен, политика, управление, контроль, справедливость.

Внешней формой, ограничивающей феноменальную свободу личности, является политическое управление. В частности, об этой форме размышляет И. Бёрлин в своем произведении «Две концепции свобо-

ды». Автор традиционно рассматривает два аспекта свободы: отрицательный («негативный») и положительный («позитивный»). Характеристика отрицательной свободы отвечает на вопрос: «При каких социально-политических условиях возможно существование свободы внутреннего мира человека, остающегося самим собой и НЕ испытывающего воздействия извне?» (в данном случае отрицательная частица «НЕ» придает негативный смысл рассматриваемой свободе). Оказывается, что практически невозможно выявить и обосновать политические, социально-экономические условия, позволяющие человеку сформировать пространство внутренней свободы [2, с. 71–72].

Проживая свою жизнь в обществе, в котором отсутствует воплощенная в политическом государственном управлении норма равенства и справедливости, человек за счет собственной свободы попытается изменить социальные условия к лучшему. Возможно ли такое? Вот что пишет по этому поводу И. Бёрлин: «Пусть, не желая терпеть неравенство и широко распространившуюся нищету, я готов пожертвовать частью или даже всей своей свободой; я могу пойти на эту жертву добровольно, но то, от чего я отказываюсь ради справедливости, равенства и любви к своим товарищам, – это свобода. У меня были бы все основания мучиться сознанием вины, если бы при известных обстоятельствах я оказался не готовым принести эту жертву. Однако жертва не ведет к увеличению того, чем было пожертвовано: роста свободы не происходит, как бы ни были велики моральная потребность в жертве и компенсация за нее. Все есть то, что есть: свобода есть свобода; она не может быть равенством, честностью, справедливостью, культурой, человеческим счастьем или спокойной совестью» [1, с. 22].

Сам автор признается, что жертва, представленная индивидуальной сферой свободы, не увеличивает всеобщее социальное пространство справедливости. По всей видимости, это происходит потому, что разговор идет о разных уровнях бытия, не соприкасающихся друг с другом, не имеющих общей границы, за счет смещения которой уменьшалась бы одна часть пространства, увеличивая другую. Феноменальная свобода личности принадлежит метафизической сфере бытия, характеристику которой невозможно дать в привычных для нас пространственно-временных, каузальных показателях. По сути, И. Бёрлин утверждает, что свобода абсолютна, «выше» совести, не ограничивается даже ею. Наверное, автор прав, ибо, находясь один на один сам с собой, человек не нуждается в выявлении, в обособлении сферы собственной свободы, он ее переживает в целостности, в неделимости. И только вступая в общение с людьми, возникает необходимость определения меры свободы. На имманентно-метафизическом уровне абсолютная свобода ограниче-

на феноменом совести. «Снижаясь» на уровень социальности, детерминированный психофизиологическими потребностями индивидов, свобода приобретает форму свободы произвола, требующей ограничения согласно всеобщим представлениям о справедливости. При этом сколько ни «уменьшай» сферу абсолютной личностной свободы, ее невозможно свести полностью к общезначимым, универсальным ценностям политического, социально-экономического, юридического, морального характера [3, с. 149–150].

Положительная характеристика политической формы свободы, согласно концепции И. Бёрлина, отвечает на вопрос: «Какая инстанция осуществляет контроль над свободой человека и заставляет его совершать (или не совершать) тот или иной поступок, быть тем или другим?». Рассматривая различные формы государственного устройства, существовавшие в истории развития человеческого общества, автор приходит к выводу, что, казалось бы, самая совершенная форма – демократия – не способствует прогрессу личности и воплощению идеала совершенного человека, обладающего в социально-политической сфере возможным максимумом свободы. И. Бёрлин пишет, что «мало надежд оставляет правление большинства; демократия, как таковая, не имеет логической связи с признанием свободы, и порой, стремясь сохранить верность собственным принципам, она оказывалась неспособной защитить свободу» [1, с. 28]. Другими словами, каждый член демократического общества испытывает контроль (или давление) всех, и это, порой, бывает тяжелее деспотичного правления одного тирана.

Невозможно не согласиться с представлениями философа о том, что ни одна политическая система не способна выработать единую, абсолютно истинную формулу всеобщей гармонии, согласовывающей все разнообразие свободных целей людей. Каждый человек уникален и непредсказуем в своем развитии и совершенствовании даже для самого себя, поэтому ему трудно примириться с самим собой и практически невозможно примирить себя с другими людьми, «поэтому возможность конфликта, а, стало быть, и трагедии, никогда полностью не устранима из человеческой жизни, как личной, так и общественной» [1, с. 30]. Видимо, поэтому И. Бёрлин считает, что положительный ответ на вопрос о контролирующем источнике политической позитивной свободы невозможен. Ссылаясь на «замечательного писателя нашего времени» (к сожалению, не смогла найти какого), автор цитирует: «Осознавать относительную истинность своих убеждений и все же непоколебимо их держаться – вот что отличает цивилизованного человека от дикаря» [1, с. 31].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бёрлин И. Две концепции свободы // Современный либерализм. – М., 1998.
2. Зайцев А. В. Новая Агора: гражданский диалог в Евросоюзе // NB: Вопросы права и политики. – 2012. – № 2. – С. 62–89.
3. Зайцев А. В. Делиберативная демократия, диалог и их место в костелляции дискурса публичной политики // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. – 2013. – № 15(158). – С. 147–153.

**CHARACTERISTICS OF THE POLITICAL CONCEPT OF FREEDOM:
DUALITY AND DIALOGICITY****S. V. Kovaleva**

The article examines the dual characteristics of human freedom, presented in the concept of I. Burlin. A negative characterization presupposes an answer to the question: “What social and political conditions DO NOT suppress the formation of the inner space of freedom?” A positive characteristic is associated with the answer to another question: “What authority exercises control over a person's freedom and makes him do (or not do) one or another act, be one or the other?”

Freedom, phenomenon, politics, management, control, justice.

УДК 1:316.33

**«ЧЕТВЕРТАЯ ВЛАСТЬ»: СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ
ОБ ИЛЛЮЗИЯХ И РЕАЛЬНЫХ ВОЗМОЖНОСТЯХ СМИ*****М. Н. Бодрова***

В статье рассматривается соответствие социального института СМИ статусу «четвертой власти».

Информационная политика, средства массовой информации, социальный институт, гуманистические принципы, гражданское общество.

Часто СМИ называют «четвертой властью» после представительной, исполнительной и судебной власти государственных институтов. Однако утверждение, что «СМИ – это «четвертая власть», в российских условиях представляется достаточно спорным. Проанализируем реальные возможности и функции средств массовой информации.

Утверждение «СМИ – это «четвертая власть» основано на «власти информации», которую СМИ получили в эпоху становления «информационного общества». Информация как ценность и важный стратегический ресурс сегодня вызывает большой интерес у политиков и бизнесменов. Она служит ориентиром в повседневных делах и жизни общества. Влияние информации часто остается незамеченным, но оно всегда

присутствует. Средства массовой информации могут манипулировать общественным сознанием, вызывая определенный эмоциональный настрой и психологические установки у массовой аудитории. Чем менее образован человек – тем проще осуществляется манипулирование его сознанием.

Однако существуют факторы, указывающие на то, что российские СМИ нельзя считать полноценной «четвертой властью», нельзя ставить их влияние в один ряд с властью государственных институтов.

В соответствии с философским словарем: «Власть – это форма социальных отношений, характеризующая способность влиять на характер и направление деятельности людей, индивидов и социальных групп посредством экономических, идеологических и организационно-правовых механизмов, а также с помощью авторитета, традиций и насилия» [4, с. 97]. Как видим, власть может проявляться в трех сферах: государственно-административной, экономической и духовно-идеологической.

Средства массовой информации можно считать властью, основанной на духовно-идеологическом механизме воздействия. Философский словарь определяет «идеологию» как «некоторую совокупность идеалов, ценностей, целей и взглядов, посредством которых определенная общность людей выражает свое отношение к существующей социальной реальности, отдельным ее проблемам и конфликтам» [4, с. 199]. Обратим внимание на выражение «некоторая совокупность», что подразумевает, прежде всего, определенную информационную политику отдельного средства массовой информации или государства в целом.

Здесь мы обратимся к теории прессы, которую предложили американские идеологи Ф. Сиберт, У. Шрамм и Т. Петерсон. Эта теория представляет собой типологию моделей отношений СМИ с внешними социальными и политическими структурами. По мнению авторов, пресса всегда отражает систему социального контроля и принимает форму тех социальных структур, в рамках которых она функционирует. Выделяют следующие теории прессы: авторитарная, либертарианская, социальная и советская коммунистическая [6].

Так в СССР при тоталитарной системе проводилась строгая моноидеология, средства массовой информации были монополитизированы и являлись частью партийно-государственного аппарата. СМИ были мощным оружием агитации и пропаганды, а не средствами массовой информации, каковыми должны были быть по определению. То есть «четвертой властью» они не были, а были лишь отражением идеалов и ценностей власти представительной.

Российские СМИ на данный момент занимают промежуточное положение между авторитарной и либертарианской теориями. Идеальным вариантом, основанным на демократических принципах, является социальная теория. В нашем обществе информационная политика зависит от учредителя каждого конкретного издания (органов государственной власти или частного собственника), или от редакции (если такая свобода предоставляется ей учредителем), или от журналиста (если такая свобода предоставляется ему редактором). Таким образом, идеологический плюрализм нередко приобретает стихийный характер.

В Конституции РФ закреплено, что «каждому гарантируется свобода мысли и слова», «каждый имеет право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом», «гарантируется свобода массовой информации. Цензура запрещается» [1, гл. 2, ст. 29]. То есть с точки зрения демократии идеологический плюрализм СМИ – это характеристика положительная.

Однако возникает вопрос: как социальный институт СМИ может осуществлять свою власть, если его плюрализм – лишь стихийное неорганизованное многоголосие отдельных СМИ? Здесь мы скорее можем говорить о ценностной дезориентации общества, возникновению которой во многом способствуют средства массовой информации и, как следствие, потере понимания цели и смысла жизни человеком, его оторванности от общества, а, следовательно, отсутствию активной гражданской позиции.

Для того чтобы социальный институт СМИ мог оправдать свое высокое звание «четвертая власть», в основу деятельности всех СМИ должна быть положена информационная политика, основанная на гуманистических принципах, единых для существования и деятельности всех социальных групп, СМИ должны соблюдать требования информационного обеспечения демократии, т. е. власти народа.

Таким образом, мы приходим к пониманию, что на СМИ как на социальный институт возложена миссия представлять интересы общества, а не учредителя, представлять плюрализм мнений, а не мнение большинства. В одном источнике должны публиковаться разные мнения, потому что аудитория не всегда обращается к разным источникам информации и далеко не всегда в состоянии разобраться в ситуации самостоятельно.

Е. П. Прохоров предлагает частным СМИ исходить в своей деятельности от частного мнения к общему, а государственно-общественным средствам массовой информации – от общего мнения к частным. Результатом диалога мнений, считает исследователь, должно стать – моноплюралистическое решение как итог широкого обсуждения [3, с. 202].

Здесь возникают закономерные вопросы: Кто должен следить за соблюдением гуманистических принципов? Не будет ли подобный контроль являться цензурой?

В условиях российской действительности информационная политика вполне может контролироваться государственными органами власти, которые и сейчас осуществляют контроль за информационной безопасностью и соблюдением средствами массовой информации законодательных норм. Однако нужно понимать, что в идеальном демократическом обществе СМИ должны находиться под контролем общества, а не государства [2].

И сегодня формируются такие предложения об участии широких социальных слоев в управлении «индустрией информации», а также выдвигается идея о создании редакционных коллегий для осуществления общественного контроля за СМИ. При этом демократический контроль со стороны общества за средствами массовой информации – это, конечно же, не цензура, как в государствах авторитарного и тоталитарного типа, и он не нарушает свободу слова и выражения мнения гражданами.

Как видим, деятельность СМИ не может осуществляться без контроля со стороны государства или общества. Хотя средства массовой информации могут быть саморегулируемыми организациями и взять на себя ответственность перед обществом – в российских условиях говорить о саморегулировании СМИ более чем преждевременно.

Основные принципы социальной ответственности СМИ определил Д. Маккуэйл. Он считал, что они должны избегать пропаганды насилия, задавать высокие стандарты работы и отражать плюрализм общества [5]. Однако как в журналистском сообществе, так и в массовом сознании единый целостный концепт социальной ответственности относительно российских условий отсутствует. По сравнению с зарубежными странами, в России реализацию принципов социальной ответственности пока нельзя оставлять без разумного государственного контроля, так как законодательство, регулирующее деятельность СМИ, все еще недостаточно отвечает требованиям демократического общества, как не отвечает этим требованиям и состояние самого общества.

Если обратиться к законодательным актам, регулирующим деятельность СМИ, станет ясно, что к суждениям и рекомендациям СМИ никто не обязан прислушиваться: для социальных институтов и органов государственной власти публикация в средствах массовой информации – не приказ немедленно принять меры (они имеют право на ответ, но не обязаны реагировать на критику), для массовой аудитории публикация в СМИ – не «истина в последней инстанции».

То есть власть средств массовой информации может быть основана на создании психологических установок и определенного эмоционального настроения у аудитории и, впоследствии, манипулировании общественным сознанием, но официального воздействия, как у представительной, исполнительной и судебной власти, она не имеет. Хотя СМИ, в свою очередь, несут «особую ответственность», как утверждает «Международный пакт о гражданских и политических правах», в связи с необходимостью «уважения прав и репутации других лиц» и «охраны государственной безопасности, общественного порядка, здоровья и нравственности населения». Поэтому в нашем законодательстве фиксируются не только права, но и обязанности, и ответственность журналистов.

Следующие признаки свидетельствуют о том, что в нашей стране СМИ нельзя считать полноценной «четвертой властью»:

- отсутствие единой информационной политики, основанной на гуманистических принципах;
- необходимость государственного или общественного контроля за СМИ;
- низкий уровень действенности средств массовой информации из-за отсутствия обязанности социальных институтов реагировать на критику в СМИ.

СМИ обращаются напрямую к общественности и выполняют функции влиятельного социального института, однако поставить их в один ряд с официальными институтами власти можно лишь условно. Хотя влияние средств массовой информации можно усилить, достигнув определенного уровня общественного развития общества и общественного самосознания.

Средства массовой информации могут приобрести большую власть в случае урегулирования официальных отношений между СМИ и государственными органами власти, социальными институтами, а также при повышении социальной ответственности журналистов и возможности саморегулирования средств массовой информации.

Однако осуществление функций власти должно сопровождаться пониманием особого предназначения СМИ как социального института. Ведь средства массовой информации в роли социального института формируют, просвещают и saniруют общество, а главное – способствуют становлению и сохранению его демократических принципов.

Повышение квалификации журналистов должно быть основано не столько на выполнении ими профессиональных обязанностей, сколько на выполнении нравственного долга. Информирование граждан должно быть полным, всесторонним и достоверным.

Общественное и индивидуальное сознание должно быть защищено от воздействия пропаганды и других форм манипулирования. С этой целью необходимо проводить коммуникационное воспитание общества и формирование прочных традиций общественной заботы о соблюдении прав личности на информацию. Ведь свободный доступ к информации – это основа демократического общества. А СМИ как «четвертая власть» должны стать ведущим инструментом гражданского общества для осуществления демократии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конституция Российской Федерации: [принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г.] // Конституция Российской Федерации. – URL: <http://www.constitution.ru/index.htm> (дата обращения: 14.07.2020).
2. Международный пакт о гражданских и политических правах: [принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной ассамблеи в Нью-Йорке 16 декабря 1966 г.] // Организация объединенных наций : офиц. сайт. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (дата обращения: 14.07.2020).
3. Прохоров Е. П. Введение в теорию журналистики. – М. : Изд-во МГУ, 2005. – 367 с.
4. Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. – 7-е изд. – М. : Республика, 2001. – 719 с.
5. McQuail D. Mass Communication Theory: An Introduction. – London : Sage, – 4th ed. – 2004. – 632 p.
6. Siebert F., Peterson T., Schramm W. Four Theories of the Press: The Authoritarian, Libertarian, Social Responsibility, and Soviet Communist Concepts of What the Press Should Be and Do. – Chicago : University of Illinois Press, 1963. – 168 p.

“FOURTH POWER”: ILLUSIONS AND REAL MEDIA OPPORTUNITIES

M. N. Bodrova

The article considers the correspondence of a social media institute to the status of the “fourth power”.

Information policy, mass media, social institution, humanistic principles, civil society.

**АЛЕКСАНДР ТВАРДОВСКИЙ
В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ЮРИЯ БУРТИНА (1954–1962 гг.)**

А. В. Зайцев

В статье анализируется литературно-критическая и общественно-политическая деятельность Юрия Буртина, связанная с именем Александра Твардовского. Хронологически период исследования ограничен 1954–1962 гг., временем, когда Юрий Буртин, после окончания Ленинградского государственного университета, был направлен на работу учителем русского языка и литературы в школу рабочей молодежи города (железнодорожной станции) Буй Костромской области. В этот ранний период своей биографии Юрий Буртин начал публиковать свои первые литературно-критические статьи в журнале «Новый мир», изучать творчество А. Т. Твардовского и предпринимать попытки, вопреки позиции местной власти, выдвинуть его кандидатуру в Верховный Совет СССР от Костромской области.

Александр Твардовский, Юрий Буртин, «Новый мир», город Буй, школа рабочей молодежи, литературная критика, КПСС, выборы в Верховный Совет СССР.

21 апреля 1958 года в одной из рабочих тетрадей А. Т. Твардовского появилась следующая запись: «Эпизод с «попыткой выдвинуть (снизу!) т. Твардовского в депутаты Верховного Совета СССР» где-то в Костроминой обл. Так как затейник был один раз уже исключен из партии за эти штуки и возобновил это дело по восстановлению, то его исключили вторично и уже накрепко. А он говорит Дементьеву, что не будет просить о восстановлении» [4, с. 174]. Без сомнения, что под «затейником» здесь подразумевается Ю. Г. Буртин, бывший студент-дипломник А. Г. Дементьева, работавшего одновременно заместителем редактора журнала «Новый мир» и в Ленинградском государственном университете. Скорее всего, информация об инциденте А. Т. Твардовским была получена именно от А. Г. Дементьева.

По утверждению В. Оскоцкого, А. Т. Твардовский был хорошо осведомлен от А. Г. Дементьева о содержании студенческой дипломной работы Ю. Г. Буртина, посвященной его поэме «Страна Муравия», и, «ознакомившись с ней... воспринял ее не как ученическое сочинение студента, безоглядно влюбленного в его поэзию, а серьезной пробой пера в самостоятельном исследовании» [3, с. 344]. По воспоминаниям самого Ю. Г. Буртина, «однажды в конце 1953 года» он получил от Дементьева письмо, формально адресованное руководителю дипломного

проекта, но фактически предназначенное для него, как студента-дипломника, «письмо Александра Трифоновича с важными замечаниями», которые его поразили еще и тем, что маститый литератор советовал ему в своей работе «учесть, что колхозы нужны были государству, крестьянин же, будь его воля, вполне мог без них обойтись» [1, с. 37].

Вместе с тем, как выяснилось, эпизод с исключением Ю. Г. Буртина из кандидатов в члены КПСС в рабочих тетрадах А. Т. Твардовским был изложен достаточно произвольно. Видимо, и сам А. Г. Дементьев, сообщивший об этом главному редактору «Нового мира», имел о данном вопросе весьма смутные представления.

В своих воспоминаниях, получивших название «Исповедь шестидесятника», Ю. Г. Буртин более подробно остановился на этом эпизоде из своей биографии. «Весной 1958 года я получил сначала партийный выговор, а чуть позже был и вовсе исключен из кандидатов в члены КПСС за „ревизионизм“, выразившийся в дважды повторенной попытке самовольного, без команды свыше, выдвижения Твардовского кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР, – пишет Ю. Г. Буртин. – Правда, дело тут было не в самом Твардовском: появление в избирательном бюллетене любого второго кандидата являлось подрывом основ „социалистической демократии“» [1, с. 48].

Ю. Г. Буртин, после получения филологического образования, был действительно направлен в город Буй Костромской области и назначен учителем русского языка и литературы 8–10 классов школы рабочей молодежи № 8 станции Буй Северной железной дороги.

2 февраля 1957 г. Ю. Г. Буртин на общем собрании первичной партийной организации школы рабочей молодежи № 8 был принят кандидатом в члены КПСС¹. А 1 февраля 1958 года (т. е. всего лишь за день до истечения кандидатского срока) собрание первичной организации ШРМ № 8 принимает решение об его исключении из кандидатов в члены КПСС. Что же случилось? В чем причина данного решения?

22 января 1958 года в ШРМ № 8, по месту работы Ю. Г. Буртина, проходило заседание педагогического коллектива данного учебного заведения. На нем он и внес предложение выдвинуть кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР поэта А. Т. Твардовского. При этом, как зафиксировано в протоколе заседания бюро Буйского городского комитета КПСС, «на замечания директора школы, секретаря партийной организации и ряда коммунистов о том, что выдвижение еще не началось и что это противоречит «Положению о выборах в Верховный Совет СССР» и инструкции Центрального Комитета партии о соблюдении сроков предвыборной кампании, Буртин ответил грубостью, обозвав

коммунистов тт. Бородину и Жолткевич, пытавшихся разъяснить Буртину его неправильное поведение, трусами и подхалимами»².

Получив отказ в поддержке своей инициативы от педколлектива, Ю. Г. Буртин не успокоился, а 25 января, вновь «по своей личной инициативе, в обход партийной, профсоюзной организации и дирекции школы пытался собрать собрание коллектива школы и провести выдвижение поэта Твардовского кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР». Вот после этого и состоялось собрание партийной организации ШРМ, где было принято следующее постановление: «За непартийное поведение, выразившееся в игнорировании партийной организации и оскорблении членов партии, исключить тов. Буртина из кандидатов партии»³.

Однако бюро Буйского горкома КПСС от 2 февраля 1958 года решение первичной парторганизации ШРМ об исключении Ю. Г. Буртина из кандидатов в члены КПСС отменило, отметив в своем постановлении лишь его «недостаточную политическую зрелость»⁴. Как впоследствии выяснилось, Ю. Г. Буртин не только не успокоился, а продолжил не санкционированное властью продвижение в депутаты на предстоящих выборах кандидатуры А. Т. Твардовского. Настырный учитель повторил попытку выдвижения поэта, организовав на сей раз собрание учащихся школы рабочей молодежи: машинистов, путеукладчиков, ремонтников и других работников Северной железной дороги железнодорожной станции Буй.

В результате этих действий 2 апреля 1958 года на собрании первичной организации ШРМ №8 повторно было рассмотрено его персональное дело, по итогам чего вновь было принято решение об исключении Ю. Г. Буртина из членов КПСС. На этот раз со следующей формулировкой: «Исключить тов. Буртина Ю. Г. из кандидатов в члены КПСС в связи с тем, что кандидатский стаж у него истек и что он проводил антипартийную линию в период подготовки к выборам в Верховный Совет СССР»⁵.

Бюро Буйского горкома КПСС рассмотрело вопрос об исключении Ю. Г. Буртина из кандидатов в члены КПСС спустя почти два месяца после принятия этого решения первичной организацией: 26 июня 1958 года (рис.). И вновь первым пунктом своего постановления бюро городского комитета отменило решение первичной организации. Но не по причине несогласия с исключением, а потому, что мотивировка причины его изгнания из кандидатов в члены КПСС, сформулированная первичной организацией, противоречила пункту 8 Устава партии. Поэтому во втором пункте постановления бюро Буйского горкома КПСС записано было так: ««В связи с тем, что кандидатский срок у тов. Буртина ис-

тек и что он по своим личным качествам не достоин быть принят в члены партии, исключить тов. Буртина Юрия Гиршовича из кандидатов в члены КПСС»⁶.

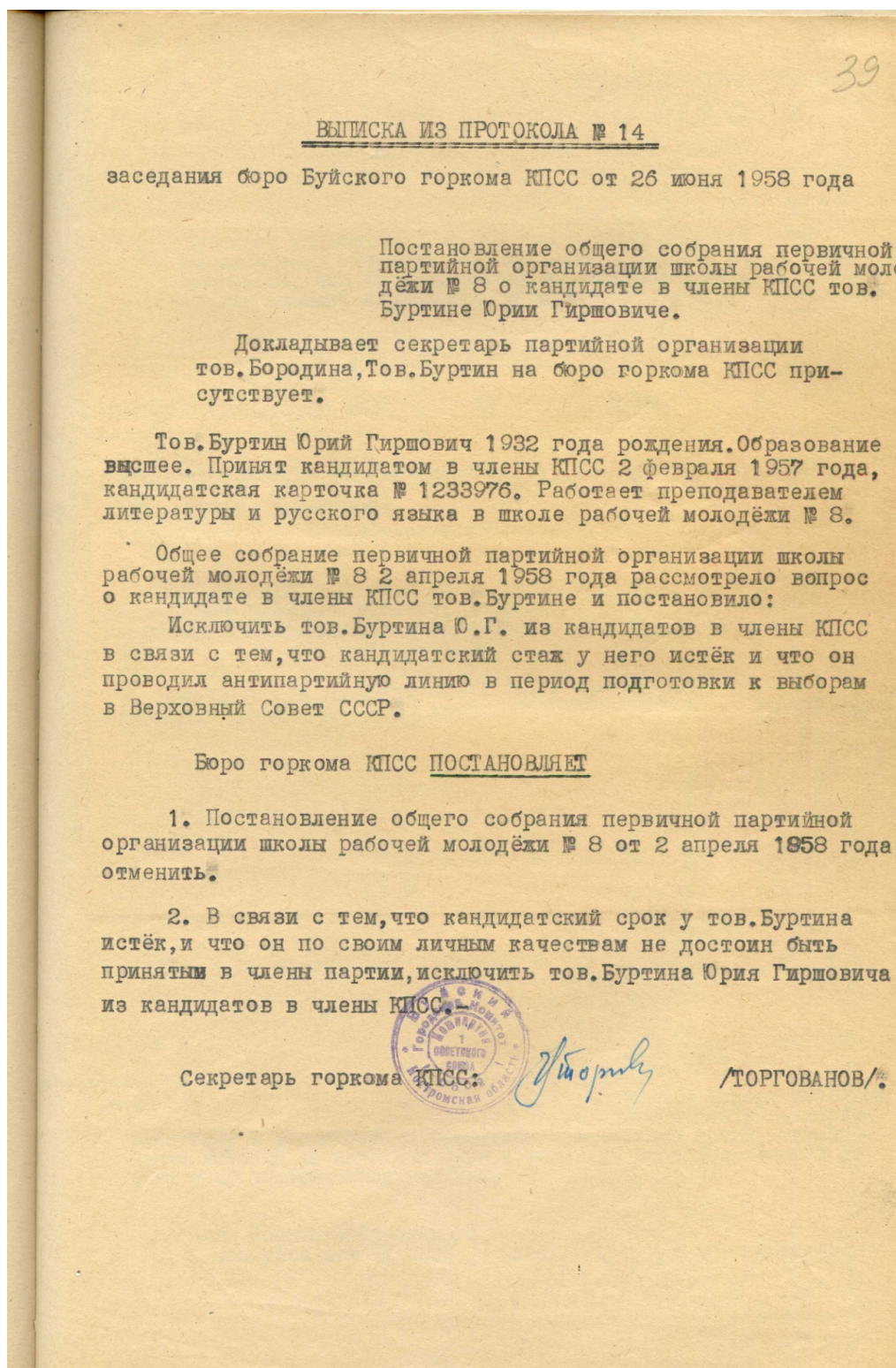

Рис. Выписка из протокола заседания бюро Буйского горкома КПСС от 26.06.1958 г.

Отметим явные противоречия в приведенных нами фактах и в произвольном изложении истории исключения Ю. Г. Буртина из кандидатов в члены КПСС им самим и А. Т. Твардовским.

Во-первых, окончательное решение об исключении Ю. Г. Буртина из кандидатов в члены партии было принято на заседании бюро Буйского горкома КПСС лишь 26 июня 1958 года. А А. Т. Твардовский уже 21 апреля этого же года констатирует исключение «затейника» как свершившийся факт. Причем не из кандидатов в члены КПСС, а из членов КПСС. Да еще, по словам А. Т. Твардовского, повторно. Хотя, как было сказано выше, бюро Буйского горкома КПСС в первый раз не поддержало решение первичной парторганизации и отказалось исключать учителя ШРМ из кандидатов в члены компартии. Поэтому первое решение, о котором пишет А. Т. Твардовский в апреле 1958 года об исключение Ю. Г. Буртина, официальной силы не приобрело и исключение из партии тогда не состоялось.

Во-вторых, Ю. Г. Буртин утверждает, что он будто бы был исключен за «ревизионизм». Однако ничего подобного – как мы убедились выше – не содержится и в двух различных формулировках первичной парторганизации об его исключении из кандидатов в члены КПСС, и во втором постановлении бюро Буйского ГК КПСС. Из кандидатов в партию Ю. Г. Буртин официально исключался лишь единожды по причине несоответствия его личных качеств членству в КПСС и в связи с истечением срока его кандидатского стажа.

В-третьих. Выговор Ю. Г. Буртину, вопреки его утверждению, вообще не выносился. Да и не мог быть вынесен, поскольку он не был членом партии, а числился лишь кандидатом в члены КПСС. Уставом КПСС вынесение выговоров кандидатам в члены партии предусмотрено не было.

В-четвертых, утверждение Ю. Г. Буртина о том, что «**чуть позже**» получения выговора он «был и вовсе исключен из кандидатов в члены КПСС», также вызывает, по крайней мере, недоумение. Между первым рассмотрением его дела на бюро Буйского горкома партии, ограничившимся констатацией политической незрелости этого кандидата в члены КПСС (2 февраля 1958 года), и официальным исключением из партии (кандидата в члены КПСС) на бюро Буйского горкома КПСС (26 июня 1958 года) прошло более четырех с половиной месяцев. Кстати, и на первом, и на втором заседании бюро Буйского горкома КПСС, как это официально зафиксировано в партийных протоколах, сам Юрий Григорьевич (в официальных документах – «Гиршвович») присутствовал лично.

И, наконец, в-пятых. Фраза Ю. Г. Буртина о том, что «появление в избирательном бюллетене любого второго кандидата являлось подрыв-

вом основ «социалистической демократии», – также не соответствует действительности. Дело в том, что Конституция СССР и Положение о выборах в Верховный Совет СССР «не исключали проведения выборов на альтернативной основе», считают ученые-правоведы, специализирующиеся на выборном законодательстве. Ведь КПСС «полностью контролировала все общественные организации» и «на собраниях рядовых граждан теоретически могли выдвигаться кандидаты, не получившие соответствующего предварительного одобрения со стороны партийных органов» [3, с. 45].

Таким образом, формально появление в избирательном бюллетене более чем одного кандидата в депутаты теоретически было возможно, хотя практически и маловероятно. Но КПСС жестко контролировала ситуацию и просто не могла в силу своего административного ресурса допустить появления в избирательных бюллетенях второго кандидата и проведения выборов на альтернативной основе. Заложником этой ситуации и стал Ю. Г. Буртин, решившийся пойти вопреки воле правящей партии и в условиях несвободных безальтернативных выборов провести конкурентную избирательную кампанию в масштабе одного из избирательных округов СССР. И хотя эта идеалистически-романтическая попытка закончилась фиаско, но она более чем очевидно выразила латентно вызревавшую интенцию на необходимость реформирования избирательной системы, сформировавшейся еще в эпоху сталинизма.

Что касается А. Т. Твардовского, то в июне 1958 г. (почти день в день с исключением Ю. Г. Буртина из кандидатов в члены КПСС) он был возвращен из политической «опалы» и вновь назначен главным редактором «Нового мира». Спустя два месяца после возвращения А. Твардовского в «Новый мир», в сентябре 1958 года, Ю. Г. Буртин пишет ему письмо, в котором предлагает отрецензировать первую часть романа Фёдора Абрамова и тем самым поддержать «так жестоко побитого», по словам Ю. Буртина, автора знаменитой статьи «Люди колхозной деревни в послевоенной прозе» [2]. В этой статье, по выражению самого Ю. Буртина, впервые говорилось о том, «что хватит врать, хватит рисовать потёмкинские деревни и молочные реки в кисельных берегах, тогда как деревня бедствует, страшным образом». Ответ, по словам Ю. Буртина, пришёл мгновенно – на третий или четвёртый день – с предложением написать рецензию [1, с. 113–114; 5, с. 140]. В итоге рецензия на роман Ф. Абрамова «Братья и сёстры» появилась в четвёртой книжке «Нового мира» за 1959 год [2, с. 248–251] и послужила началом постоянного сотрудничества Ю. Буртина в журнале, где за годы с 1959-го по 1970-й он опубликовал как в разделе литературной критики, так и в разделе публицистики четырнадцать своих работ.

Примерно в то же время, когда в «Новом мире» появилась первая публикация Ю. Г. Буртина, сам А. Т. Твардовский 1 марта 1959 года был все-таки избран депутатом, но не Верховного Совета СССР, а Верховного Совета РСФСР. И не от Костромской, а от соседней Ярославской области.

В 1962 году Ю. Г. Буртин поступил в аспирантуру института мировой литературы им. М. Горького и навсегда уехал из Буя. А в 1967 году он пришел на работу в журнал «Новый мир» редактором отдела публицистики, где проработал вплоть до повторного разгрома редакции этого издания в 1970 году и последовавшей за этим смерти А. Т. Твардовского.

Всего же за «костромской период» своей творческой биографии, продолжавшийся в течение восьми лет (1954–1962 гг.), Ю. Г. Буртин опубликовал в центральных журналах восемь литературно-критических статей, в том числе две в «Новом мире» А. Т. Твардовского. Кроме этого в шестом номере журнала «Вопросы литературы» за 1960 год им была напечатана обширная литературоведческая статья под названием «Из наблюдений за стихом А. Твардовского».

В последующем Ю. Г. Буртин много писал как о «Новом мире», так и о его поистине легендарном главном редакторе, с которым его связывала не только совместная работа, но и обоюдная симпатия, возникшая и окрепшая еще в «костромской (буйский) период» жизни, общественной и творческой деятельности этого видного литературного критика и публициста.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ ГАНИКО (Государственный архив новейшей истории Костромской области). – Ф. 1019. – Оп. 1. – Д. № 232. – Л. 110–111.
- ² ГАНИКО. – Ф. 765. – Оп. 7. – Д. № 7. – Л. 199–201.
- ³ Там же.
- ⁴ Там же.
- ⁵ ГАНИКО. – Ф. 1019. – Оп. 1. – Д. № 263. – Л. 39.
- ⁶ Там же.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Буртин Ю. Исповедь шестидесятника / под редакцией В. Г. Хороса. – М. : Прогресс-Традиция, 2003. – 648 с.
2. Буртин Ю. О наших братьях и сестрах : [рец. на: Абрамов Ф. Братья и сестры : Роман // Нева. – 1958. – № 9] // Новый мир. – 1959. – № 4. – С. 248–251.
3. Журавлев В., Фортунатов В. Избирательная система и выборы в РСФСР в 1937–1987 годах // Журнал о выборах. – 2014. – № 1. – С. 39–49.
4. Оскоцкий В. «Реальная критика» новомирского шестидесятника. (О литературно-критическом и публицистическом наследии Юрия Буртина) // Вопросы литературы. – 2005. – № 1. – С. 342–351.

5. Твардовский А. Т. Из рабочих тетрадей (1953–1960). Публикация и примечания М. И. Твардовской // Знамя. – 1989. – № 8. – С. 122–181.
6. Твардовский А. Т. Письма о литературе (1939–1970). – М. : Советский писатель, 1985. – 512 с.

**ALEXANDER TVARDOVSKY
IN PUBLIC-POLITICAL AND LITERARY-CRITICAL
AND ACTIVITIES OF YURI BURTIN (1954–1962)**

A. V. Zaitew

The article analyzes the literary-critical and socio-political activities of Yuri Burtin, associated with the name of Alexander Twardovsky. The study period was chronologically organized in 1954–1962, when Yuri Burtin, after graduating from Leningrad State University, was sent to work as a teacher of Russian language and literature at the school of working youth of the city (railway station) Bui, Kostroma region. In this early period of his biography, Yuri Burtin began to publish his first literary and critical articles in the journal “New World”, to study the work of A. T. Twardowski and attempt, contrary to the position of local authorities, to nominate him to the Supreme Soviet of the USSR from the Kostroma region.

Alexander Twardovsky, Yuri Burtin, “New World”, the city of Bui, the School of Working Youth, literary criticism, the CPSU, elections to the Supreme Soviet of the USSR.

**Интерьер эпохи и место творческой личности
в контексте духовной культуры
российского социума**

УДК 792.2(470.317)(091)+821.161.1-1

**ПЬЕСЫ А. Н. ОСТРОВСКОГО НА СЦЕНЕ
КОСТРОМСКОГО ДРАМАТИЧЕСКОГО ТЕАТРА В 1920-е гг.**

А. В. Зябликов

История постановок пьес А. Н. Островского на сцене Костромского драматического театра в 1920-е гг. рассматривается в контексте дискуссий о меняющейся художественной и воспитательной роли искусства. Обращение к творчеству великого драматурга стало способом движения вперед в условиях творческой распутицы, школой выживания театра в душной атмосфере набравшего мощь идеологического диктата.

Театральная эстетика, репертуарная политика, драматургия, художественный образ, классовый подход, советский быт.

Один из интереснейших сюжетов в истории Костромского драматического театра связан с событиями 1920-х гг., когда старая театральная эстетика вступала в непримиримое противоречие с запросами дня и новым, революционным, пониманием функции искусства. Пожалуй, никогда репертуарная политика театра не отличалась такой художественной чересполосицей, а околотеатральные споры никогда не достигали такой разноречивости и страсти. Атмосфера, идейные и творческие дискуссии тех лет нашли свое отражение в ряде публикаций [1, 2]. Однако названная тема, конечно, далеко не исчерпана.

В 1920-е гг. театральные рецензии на спектакли Костромского драматического театра редко содержали хвалебные отзывы и эпитеты. Напротив, язвительных комментариев, уколов и шпилек было – хоть отбавляй. Суть претензий такова: театр топчется на месте, не желает идти в ногу с эпохой, отказывается от решения насущных общественно-воспитательных задач, он безучастен к современным темам и революционной повестке дня. Театр слабо и безынициативно ревизовал доре-

волюционный репертуар «под углом зрения приемлемости его к новым условиям жизни» [3]. На страницах партийной печати то и дело раздавались призывы «оработить» театр, «выпукнуть» проблематику, нацеленную на острое критическое изображение старого мира. Костромской драматический тихо сторонился не свойственных ему задач, как мог сопротивлялся исполнению чужеродных функций. Одним из главных ресурсов этого сопротивления был классический репертуар, прежде всего драматургия А. Н. Островского.

В 1923 г. костромичи готовились отметить 100-летие со дня рождения А. Н. Островского. Губполитпросветом был разработан план мероприятий, который предписывал проведение лекций-диспутов о значении творчества драматурга, особенно в рабочих и красноармейских клубах. Городскому театру рекомендовалось подготовить «комбинированное» драматическое представление из отрывков пьес А. Н. Островского.

Основные мероприятия должны были пройти 13 апреля (день рождения драматурга 12 апреля по новому стилю). Однако потом проведение торжеств сдвинули на 15 апреля. Юбилейный комитет объяснял это тем, что предшествующие первоначально запланированной дате праздничные дни помешают «установить связь с профессиональными и культурными организациями» [4]. На официальном уровне юбилей отмечался более чем скромно. В главной губернской газете «Красный мир» от 13 апреля 1923 г. А. Н. Островский не упомянут ни словом. Зато в номере напечатана информация о Втором вечере костромских поэтов, на котором о драматурге-юбиляре тоже, судя по всему, не вспоминали. Газетный номер от 15 апреля (официальная дата проведения торжеств) открывался передовой статьей Н. Прохорова «Меньшевики выходят из партии». Об Островском в газете снова – ни слова! Только 18 апреля «Красный мир» в разделе «Хроника» опубликовал крохотный материал под названием «Празднование юбилея Островского». Его следует привести полностью: «Кострома чутко откликнулась на юбилей Островского. Во всех клубах и театрах были прочитаны рефераты, освещающие творчество драматурга, и поставлены или целые пьесы, или отрывки из них, наиболее ярко дающие представления о героях Островского и вскрывающие пороки старого общества.

Секцией Работников Печати выпущен специальный номер «Кр. Понедельника», посвященный памяти юбиляра, а 16 апреля в зале университета было устроено торжественное заседание, на котором широко обрисованы все отрицательные и положительные типы и мотивы в его творчестве.

Выступавшие с докладами гг. Бувеской, Виноградов и Виленкин настолько обстоятельно познакомили слушателей с биографией, твор-

чеством и значением Островского для пролетарского театра, что у слушателей он вырос в сочную многообразную фигуру, которая надолго останется в памяти.

Городскому театру присвоено имя Островского» [5].

Куда более трепетно отнеслись к юбилею драматурга в низовых организациях, в школах и уездных театральных кружках. 10 апреля силами драмкружка «Юность» в деревне Средняя была поставлена пьеса А. Н. Островского «Не так живи, как хочется». 13 апреля театралы-любители села Карабанова поставили «Бедность не порок», а 15 апреля судиславский драмкружок порадовал публику пьесой «Светит, да не греет».

С присвоением театру имени Островского тоже не все ясно. После официального объявления о переименовании на всех афишах, во всех газетных объявлениях и анонсах театр почему-то продолжал именоваться как прежде – Городским (возможно, не были улажены какие-то бюрократические формальности). Лишь с января 1924 г. имя драматурга закрепилось как составная часть названия.

«Дикарка» А. Н. Островского, поставленная на сцене театра в сезон 1921/22 г., не впечатлила рецензентов: в спектакле была усмотрена дань унылому академизму.

Театральный сезон 1923/24 г. открылся пьесой А. Н. Островского «Не все коту масленица» в постановке А. А. Богдановского. Премьера оживила в костромской печати дискуссию о степени «нужности» А. Н. Островского современному зрителю. Резюмировал разноречивые мнения Теокулус: «Большинство авторов сходятся в том, что идеология Островского чужда современности, что быт его враждебен нарождающемуся новому быту, но большинство признает вместе с тем, что ознакомление с бытом Островского имеет значение как фактор, содействующий преодолению этого быта, что пьесы его, простые по фактуре, легко смотрятся и легко воспринимаются зрителем» [6]. Итак, Островский «нужен», но нужен, прежде всего, как тонкий знаток и обличитель старого жизненного уклада, талантливый и ненавязчивый ниспровергатель уходящих общественных нравов. Свое понимание «нужности» Островского предлагали в уездах. Так, корреспондент «Красного мира» рассматривал постановку пьесы «На бойком месте» в Ильинской волости в контексте борьбы с «осенним хулиганством». «Молодежь занята, – удовлетворенно замечал селькор, – и безобразий мало» [7].

Сочный бытовизм А. Н. Островского восхищал и одновременно настораживал. Проповедники классового подхода к искусству с тревогой замечали, что новое поколение писателей и драматургов, усвоив уроки классиков, начинает присматриваться к новому советскому быту

и, в том числе, к не самым симпатичным его проявлениям. «Критикуя даже какую-либо из самых незначительных сторон нового быта, – остерегал Г. Устинов, – он (*писатель. – А. З.*) должен знать, что критика и изобличение есть оппозиция власти» [8, с. 5]. А посему такого рода творчество есть «тихая, замаскированная интеллигентская контрреволюция» [8, с. 4].

Сезон 1924/25 г. открылся премьерным показом пьесы А. Н. Островского «Лес». На спектакль 14 октября значительная часть мест была забронирована Губпрофсоветом для фабричных рабочих, которые приняли «Лес» очень хорошо: чутко реагировали на игру актеров, сопереживали героям и смеялись от души. Рецензент А. Латгалов отнесся к постановке менее благодушно, сочтя ее вещью из старого театрального «багажа». «Типы артистов Счастливецва и Несчастливецва отошли в прошлое, – убеждал критик. – Закон эволюции общественных отношений является в то же время и законом эволюции театра» [9].

Самым ярким событием сезона 1925/26 г. стала премьера пьесы А. Н. Островского «Горячее сердце», которой театр, по мнению современников, доказал, что по праву носит имя великого драматурга [10]. Оценка, на которую стоит обратить внимание, – учитывая, сколь редки были в то время хоть какие-нибудь положительные отклики на спектакли В. А. Деметра.

20 ноября 1925 г. состоялась премьера пьесы «Свои люди – сочтемся» в постановке Передвижного показательного театра. Авторы спектакля подошли к материалу, максимально утрировав характеры героев, доведя их до беспощадного шаржа и гротеска. Пожалуй, такая трактовка чужда человеческому А. Н. Островскому, но именно она получила одобрение рецензента «Северной правды», увидевшего в постановке удачный пример «омоложения» драматурга: «Все нарочито подчеркнуто, все обнажено – только в таком виде оправдывает себя Островский в наши дни» [11].

Русская классика, приспособляемая к нуждам агитпропа, – печальная примета раннесоветского времени. На этом пути дозволялось «корректировать» в нужную сторону авторский замысел и текст, дополнять его «правильными» коннотациями, расцвечивать интонациями, созвучными эпохе и классовому пониманию задач искусства. Пропагандисты истин «нового» мира полагали, что в борьбе с «буржуазным» культурным влиянием все средства хороши. По счастью, постановщики классических пьес на сцене Городского театра сумели удержаться от такого рода соблазна.

Экспериментировать с Островским соблазнительно, но непросто. Драматург не любит условностей ради условностей: бытовые и жизнен-

ные реалии выполняют у него совсем не вспомогательную и уж тем более не декоративную функцию. Глубина драматургической фактуры произведений А. Н. Островского затрудняет их искусственное и грубо утилитаристское «осовременивание». Чем далее отстоят от насущных задач дня художественные образы, тем меньше у них шансов заслужить благосклонность правоверной советской критики. Возможно, этим объясняется блеклое впечатление от постановки пьесы «Сон на Волге», которой открылся театральный сезон 1925/26 г. Этими же мотивами рождена известная оценка пьесы «Снегурочка» (поставлена в сезон 1927/28 г.) Ю. Амурским, который назвал творение А. Н. Островского «сказкой для детей младшего возраста, не отличающейся глубиной содержания» [12]. О таких высказываниях обычно говорят, что они больше характеризуют их автора, нежели характеризуемое им произведение. И уж если А. Н. Островский в постановке Костромского драматического театра удостоивался добрых слов Ю. Амурского («На всякого мудреца довольно простоты», 1928), то за строго определенные качества: «Они (пьесы А. Н. Островского. – А. З.) высмеивают пороки, отражающие быт и нравы старого русского общества, перенесшего частично свою мораль и ханжество в нашу эпоху, тормозя воспитание нового человека и развитие новой культуры» [13]. Пьеса «Волки и овцы», премьера которой состоялась 18 октября 1929 г., была похвалена за критику «религиозного элемента», ведь героиня «совершает ряд подлейших манипуляций под прикрытием „божества“» [14]. Эти оценки, ставящие великого драматурга в один ряд с какими-то морализаторствующими очеркистами-фельетонистами, показывают, что у отбывшего на повышение в Ленинград А. Я. Виленкина появился (в лице Ю. Амурского) достойный литературный преемник.

Анализ материалов, характеризующих содержание постановок великого драматурга на сцене городского театра в 1920 гг., позволяет сделать такой вывод: регулярное обращение театральных деятелей Костромы к творчеству А. Н. Островского – бесспорно, не только знак внимания выдающемуся земляку, не только следование доказавшему свою художественную состоятельность канону. Это способ движения вперед в условиях творческой распутицы, это школа выживания театра в душевной атмосфере набравшего мощь идеологического диктата. Драматургическая классика стала прочным репертуарным фундаментом в непростое время перестройки и ломки привычного жизненного уклада.

Человечное и мудрое слово А. Н. Островского доходило до костромского зрителя, несмотря на инфантильные попытки «осовременить» драматурга за счет сужения или искажения смысловых подтекстов, не-

смотря на усилия культурных начальников закрепить за классикой некие прокламационные функции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Едошина И. А. Сквозь плен времен... Из истории театральной жизни в Костроме. – Кострома, 2009. – 226 с.
2. Зябликов А. В. Из истории Костромского драматического театра им. А. Н. Островского в 1920-е гг. // Щельковские чтения – 2015. А. Н. Островский в контексте литературы: конфликт, фабула, цитата, тематика : сб. статей / Министерство культуры РФ ; ФГБУК «Государственный мемориальный и природный музей-заповедник А. Н. Островского „Щельково“». – Кострома, 2016. – С. 177–188.
3. Теокулус [?]. «Гамлет» // Красный мир. – 1924. – 15 янв.
4. [Объявление без подписи] // Красный мир. – 1923. – 4 апр.
5. Празднование юбилея Островского // Красный мир. – 1923. – 18 апр.
6. Теокулус [?]. Открытие сезона в Гортеатре // Красный мир. – 1923. – 6 окт.
7. [Без подписи] // Красный мир. – 1923. – 23 окт.
8. Устинов Г. Идеология быта в художественной литературе // Ледокол. – 1924. – № 1.
9. Латгалов А. Открытие гортеатра // Красный мир. – 1924. – 27 сент.
10. [Без подписи]. «Горячее сердце» // Сев. правда. – 1925. – 10 дек.
11. [Без подписи]. «Свои люди – сочтемся» // Сев. правда. – 1925. – 21 нояб.
12. Амурский Ю. «Снегурочка» // Сев. правда. – 1928. – 1 февр.
13. Амурский Ю. «На всякого мудреца довольно простоты» // Сев. правда. – 1928. – 20 окт.
14. Амурский Ю. «Волки и овцы» // Сев. правда. – 1929. – 18 окт.

PLAYS BY A. N. OSTROVSKY ON THE KOSTROMA DRAMA THEATER STAGE IN THE 1920S

A. V. Zyablikov

The history of plays productions by A. N. Ostrovsky on the Kostroma drama theater stage in the 1920s is considered in the discussions context about the changing artistic and educational art role. Turning to the work of the great playwright became a way of moving forward in the conditions of creative turmoil, a school for the theater survival in the stuffy atmosphere of an ideological dictate that was gaining power.

Theatrical aesthetics, repertory politics, drama, artistic image, class approach, Soviet life.

УДК 821.161.1

**ИСТОРИЯ В ПИСЬМАХ А. Н. ОСТРОВСКОГО
КАК ОТРАЖЕНИЕ ЕГО ЛИЧНОСТИ И ЭПОХИ***А. Н. Шигарева*

В статье предпринята попытка определить основы исторической составляющей художественного мировоззрения великого русского драматурга А. Н. Островского. Данный аспект недостаточно изучен при всей огромной значимости для самого основателя русского театра, для его современников и для его потомков.

А. Н. Островский, отечественная история, исторический источник, Смута, исторические хроники, драма.

Врать можно только в теории, а в искусстве – нельзя.

А. Н. Островский

Мир творчества А. Островского воспринимается через призму истории Российской империи XIX века. Наряду с реалистической живописью XIX века пьесы русского драматурга стали основой восприятия ушедшей России, некой неидеальной моделью прошлого, показанного с огромным мастерством и знанием психологии русского человека. Купеческий быт, менталитет провинциального чиновничества нашли отражение в сочинениях Островского, без которых представление о русской жизни XIX будет далеко неполным. Загадка притягательности творчества Александра Николаевича именно не в простоте образов, а в глубине их раскрытия, смешение преходящего и вечного. И. А. Едошина обратила внимание на влияние исторических хроник Шекспира на формирование драматургии Островского, на объединяющую способность классиков «наполнять искусство мировоззренческим содержанием» [2, с. 164]. И в этом отношении попытки идеологизировать наследие Островского с позиций революционно-демократической мифологии выглядят беспочвенными.

Писателей XIX века, согретых национальным чувством, влекла история своего народа. Подобно Овидию Островский смутно предчувствовал приближение надвигающейся социальной бури, крах империи. Тема Смуты и «бунташного века» является основной линией развития русской истории, всерьез захватившей его внимание. Данная тема не нова для русской литературной мысли и даже западной драматургии, Карамзин, Пушкин, славянофилы и западники составили свое представление, где главные действующие лица монархи и самозванцы, народные герои и толпа обрели черты мифологических фигур. Исторические пьесы Островского были приняты критикой и публикой весьма прохладно,

но верный принципу: «врать можно только в теории, а в искусстве – нельзя», Александр Николаевич настаивал на том, что «вернее и русее (*этот сюжет. – А. Ш.*) никто не покажет» [1, с. 165]. Откуда такая горячая убежденность в правоте собственного художественного замысла? Почему мощная фигура Минина у Островского заслоняет народ? Ответы на данные вопросы приоткрывают материалы частной переписки драматурга.

В письмах к А. А. Григорьеву в конце 1862 г. Островский дает прямое разъяснение на этот счет, отделяя себя и свое творение от «вечерового бешенства», овладевшего современниками, и желая многих видеть в Минине демагога. Он пишет: «Подняло Россию не земство, а боязнь костела, и Минин видел в земстве не цель, а средство. Он собирал деньги на великое дело, как собирают их на церковное строение. Если Минин – демагог, так демагог и Михаил Романов, который после обращался к земщине за теми же нуждами и в тех же самых словах» [1, с. 165]. Последний аргумент показывает, что в отличие от критиковавших его публицистов драматург опирался на исторические источники, сопоставлял факты и в этом отношении был далек от того, чтобы «раздувать идейки и врать». Более того, наблюдение за русской историей XVII века позволило ему сделать обобщения в оценке отношений общества и власти в кризисные моменты: «Оппозиция, как личная, так и общинная, перед целым рядом самодурств (начиная от свято-благодушествовавшего и до зверски-дикого) была у нас слаба и оставила по себе весьма бледные краски» [1, с. 165].

Сам выбор хронологии мятежного XVII века и его героев не представляется случайным. В обращении к В. В. Самойлову автор был уверен в грандиозности собственного замысла: «Мы поставим настоящий памятник Минину, гораздо лучше того, который торчит верстой среди крапивы, вопреки всякому рассудку» [1, с. 231]. К редакции образа Минина, который далеко «не Дева Орлеанская», а «энергичный, умный и твердый», Островский обратится и в последние годы жизни.

Интересен тот факт, что первоначально раскрыл образ Минина, а затем обращается к сложной фигуре «царя Дмитрия», убедительно отвергая официальную версию о Гришке Отрепьеве, беглом монахе Чудова монастыря. Не устроила Александра Николаевича негативная трактовка личности Лжедмитрия, данная М. П. Погодиным. Сопоставив исторические свидетельства о вкусах и привычках деятельного царя Дмитрия, о широте его взглядов, драматург отмечает всякую связь его со смиренным монашеским служением. Исследовательница Т. Москвина настаивает на том, что интерпретация образа первого самозванца в драме «Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский» оригинальна, на

момент написания произведения автор не был знаком со сходной версией историка Н. И. Костомарова [4]. Одинокий Дмитрий с повадками просвещенного, но чуждого России европейского правителя противопоставлен образу властолюбивого коварного Василия Шуйского, представителя коренной русской элиты, талантливому манипулятору народным мнением. По мнению Т. Москвиной, движение исторических хроник Островского подчинено законам совестливого христианского времени и времени трагическому, и в конечном итоге первое заключает, но не поглощает второе [4]. Таким образом, не чуждый историческому морализму драматург создает образ русского народа, не преувеличивая его нравственный потенциал, но проводит его от совершения греха к покаянию и искуплению.

Можно ли рассматривать циклический виток русской Смуты как вариант исторического пути, который можно рассматривать в качестве парадигмы общего развития, применимый не только к прошлому, но и к настоящему? Современники сегодняшнего века найдут немало параллелей с сегодняшним временем. Однако воспринимал ли подобным образом свои размышления о судьбах России сам драматург?

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. А. Н. Островский – А. А. Григорьеву (Отрывок) // Островский А. Н. Полное собр. соч. : в 12 т. / под общ. ред. Г. И. Владыкина [и др.] ; [вступ. статья А. Салынского]. – М. : Искусство, 1973–1980. – Т. 11. – М. : Искусство, 1979. – 725 с.
2. Едошина И. А. Шекспир и А. Н. Островский // Литературоведческий журнал. – 2015. – № 36. – С. 155–164.
3. Мосалева Г. В. Трилогия А. Н. Островского: история и поэзия // Вестник Удмуртского университета. – 2011. – Вып. 1. – С. 124–128.
4. Москвина Т. Исторический морализм Островского. А. Н. Островский и проблемы национального самосознания // Петербургский театральный журнал. – URL: <http://ptj.spb.ru/archive/10/all-10/istoricheskij-moralizm-a-n-ostrovskogo> (дата обращения: 15.08.2020).

HISTORY IN LETTERS TO A. N. OSTROVSKY AS A REFLECTION OF HIS PERSONALITY AND ERA

A. N. Shigareva

The article attempts to determine the foundations of the historical component of the artistic worldview of the great Russian playwright A. N. Ostrovsky. This aspect has not been sufficiently studied for all its great importance for the founder of the Russian theater himself, for his contemporaries and for his descendants.

A. N. Ostrovsky, Russian history, historical source, Troubles, historical chronicles, drama.

УДК 821.161.1

**ХАРАКТЕРИСТИКА ТВОРЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТИ А. П. ЧЕХОВА
В ТЕАТРАЛЬНОЙ И ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКЕ
Д. В. ФИЛОСОФОВА 1900–1910 ГОДОВ:
ПЕРЕКЛИЧКИ С Д. С. МЕРЕЖКОВСКИМ И В. В. РОЗАНОВЫМ**

Н. Г. Коптелова

В статье рассматривается характеристика творческой личности А. П. Чехова, представленная в театральных рецензиях и литературно-критических статьях Д. В. Философова 1900–1910 годов. Прослеживаются её переключки с высказываниями о Чехове Д. С. Мережковского и В. В. Розанова.

А. П. Чехов, Д. В. Философов, творческая личность, характеристика, театральная и литературная критика, Д. С. Мережковский, В. В. Розанов.

По-своему яркая и противоречивая фигура Д. В. Философова преломила в себе многие творческие достижения и утраты Серебряного века. Сама атмосфера семьи, где он родился и воспитывался, программировала глубокую погружённость в общественную и культурную жизнь России. До недавнего времени о Философове обычно вспоминали главным образом как о третьем члене мистического союза, инициированного и созданного Д. С. Мережковским и З. Н. Гиппиус. Последняя так писала в своём дневнике о духовном сближении её и Мережковского с Философовым во имя создания «новой церкви»: «Философов – первый, кто пришёл к нам; единственный – который близок. Один – кто может помочь» [1, с. 93]. Тем не менее, степень творческой слитности и независимости Философова от четы Мережковских ещё предстоит выяснить. Принципиально, что уже положено начало изучения его многогранной деятельности. Значительную лепту в этот процесс внесло издание материалов Философовских чтений, проводимых в Пскове (2005, 2006, 2008, 2011, 2013, 2014, 2016, 2018). Однако творческое наследие и личность Д. В. Философова объективной и развёрнутой оценки в литературоведении ещё не получили.

Особый интерес для исследователей представляет его литературная критика, несомненно, участвовавшая в формировании духовной и эстетической полифонии Серебряного века и вызывавшая у современников активный диалогический отклик [2]. Творческое самоопределение Философова связано, прежде всего, с его выступлениями в качестве театрального критика в журнале «Мир искусства», издаваемом под редакцией С. П. Дягилева, приходящегося Дмитрию Владимировичу кузеном. В критическом наследии Философова выделяются работы об

А. П. Чехове. В проблематике, рассматриваемой в его чеховиане, одним из активно обсуждаемых вопросов становится вопрос об особенностях творческой личности Чехова и её роли в развитии художественной культуры конца XIX – начала XX века.

Уже отклики Философова на театральные постановки по пьесам «Дядя Ваня» (1901) и «Чайка» (1902), опубликованные в журнале «Мир искусства», дают представление о подходе молодого критика к постижению художественной индивидуальности Чехова-драматурга. В них намечаются некоторые ведущие векторы эстетических исканий русского символизма (да и Серебряного века в целом) в области литературы и театра. Философов стремится понять и охарактеризовать чеховскую драматургию как особый духовный феномен, обладающий жизнотворческой энергией. Например, в своей рецензии на мхатовскую постановку «Дяди Вани», показанную в Петербурге 19 февраля 1901 года (Мир искусства. 1901. № 2-3), Философов доказывает, что Московский Художественный театр, в лице его режиссёров и актёров, задействованных в спектакле по чеховской пьесе «Дядя Ваня», оказался конгениальным самому драматургу: «Художественное чутьё Станиславского и Немировича-Данченко пришло здесь на помощь автору, который, я думаю, сам при постановке своей пьесы с лихорадочным интересом следил за тем, как благодаря таланту режиссёров тончайшие штрихи его произведения были оттенены, как ярко воплощены были все его замыслы, как верно поняты все мимолётные намёки. <...> В исполнении „Дяди Вани“ чувствуется полное слияние формы и содержания, совершенное соответствие замысла и воплощения» [3, с. 187].

Философов подчёркивает, что успех постановки «Дяди Вани» объясняется органическим совпадением эстетики Московского Художественного театра и автора пьесы. Эта эстетика, с точки зрения автора рецензии, знаменует некий апогей и вместе с тем предел бытового реализма, стремившегося достичь абсолютного жизнеподобия образного мира. Философов называет Московский Художественный театр «театром иллюзии» [3, с. 186], сумевшим «воссоздать настоящую, жизненную картину быта» [3, с. 187]. Мхатовцев как раз и роднит с Чеховым-художником, по мнению критика, привязанность и влюблённость в быт: «Видно, что быт этот не чужд лицам, ставившим пьесу, и что они относятся к нему с тою же страстной и мучительной любовью, как и сам автор» [3, с. 187].

Философов признаёт заразительную силу мхатовской постановки, буквально вовлекающей зрителя в театральное действие и переносящей его в центр художественного мира Чехова, сотканного из будничных, бытовых реалий: «Талантливые режиссёры так воспроизводят все мело-

чи быта, среды, обстановки пьесы, настолько художественно создают картину нашей обыденной, серой жизни, что зритель невольно поддается иллюзии, и ему начинает порой казаться, что он не зритель, спокойно сидящий в кресле, а одно из действующих лиц драмы» [3, с. 186]. Однако триумф Московского Художественного театра, связанный с глубинным постижением феномена Чехова, автор рецензии оценивает и как своеобразное «начало конца». Приближение творческого тупика для театра, по Философову, коренится в духовной и эстетической исчерпанности чеховского миропонимания, ставшего для мхатовцев главным идейным ориентиром и вектором художественного развития.

Кризис Московского Художественного театра Философов объясняет тем, что его эстетическая программа подчинена жизнетворческому импульсу Чехова, лишаящего зрителей оптимизма, духовного роста. Критик усматривает в миропонимании Чехова ярко выраженное начало «декадентства», которое, как ни парадоксально, наследует и Московский Художественный театр, превратившийся в «театр иллюзии»: «С истинно декадентской утонченностью Чехов плавает в море пошлости и немощности людей, тщательно отнимая у них всякую надежду на какое-нибудь прозрение смысла жизни, на какое-нибудь объяснение цели её цели» [3, с. 189]. Как видим, в высказываниях Философова нет столь характерных для Мережковского прямых деклараций, выражающих идею строительства «нового религиозного сознания». Но весь пафос автора рецензии, сдержанные намёки и эвфемизмы, транслирующие скрытый призыв к созданию «будущей, новой культуры» [3, с. 189], несомненно, родственны духовным исканиям Мережковского и Гиппиус 1900-х годов. Эта рецензия Философова словно разрабатывает идейную почву для вполне определённого вывода Мережковского о безверии, безрелигиозности Чехова, сделанного в статье «Чехов и Горький» (1906): «Вопрос о бессмертии, так же, как вопрос о Боге, – одна из главных тем русской литературы от Лермонтова до Л. Толстого и Достоевского. <...> Чехов первый на него ответил окончательным и бесповоротным *нет*, поставив средоточием душевной трагедии всех своих героев мысль о смерти как об уничтожении» [4, с. 102].

Мережковский, по сравнению с критиками XIX столетия, более активно исследует внутренние конфликты, движущие развитие творчества писателя. В его истолковании литературный процесс, творческий путь и личность отдельного писателя предстают противоречивыми и непременно раздвоенными. Рецептивные механизмы литературных явлений, характерные для критика-символиста, определяются глобальным катастрофизмом, окрашивающим его мировидение. В системе критических оценок и интерпретаций Мережковского весьма значимую

роль играет антитеза «лицо – личина», которая широко использовалась в эстетике и поэтике символизма в целом. Подобный методологический подход реализуется и в чеховиане Философова. Об этом свидетельствуют «Театральные заметки» (с подзаголовком «2 Чайка»), которые создаются Философовым как реакция на вторую постановку «Чайки», осуществлённую Александринским театром. Эта критическая работа является в определённой мере логическим продолжением и развитием первой мирискуснической рецензии, характеризующей мхатовскую постановку «Дяди Вани». В то же время в ней обнаруживаются некоторые повороты и принципиальные изменения в позиции критика. Во всяком случае, соотношение этих ранних критических опытов Философова даёт возможность проследить эволюцию его оценок творческой личности Чехова в контексте современной социокультурной ситуации.

Как и в случае с мхатовской постановкой «Дяди Вани», в зрительском успехе «Чайки», поставленной Александринским театром через шесть лет после оглушительного провала, Философов обнаруживает симптом нездоровья современного общества: «Теперь не восторгаться Чеховым – просто неприлично. <...> В этой лёгкости перемены общественного настроения есть что-то удручающее» [5, с. 47]. Его поражают и резкий перепад в отношении публики к пьесе и драматургу, и конформистская поддержка мнения зрителей теми представителями газетной критики, которые ещё недавно буквально «глумились над пьесой и её автором» [5, с. 46]. Философов беспощадно разоблачает «хамелеонство» массовой театральной критики: «Те же рецензенты занимали добрую половину залы. И как тогда их зубоскальство и шиканье оскорбляло поклонников Чехова и людей, преданных литературе, так теперь смешно и противно их подобострастное лежание на животе перед наследником Тургенева» [5, с. 47]. Жанрово-стилевая специфика «Театральных заметок» определяется сатирической направленностью, иронической окраской. Эта критическая работа Философова очевидно приближается к форме фельетона. Автор усиливает язвительность оценки, используя приём несобственно-прямой речи. Высокопарный перифраз «наследник Тургенева» в данном контексте воспринимается как речевой штамп, отсылающий к высказываниям циничных рецензентов, изменивших оценку «Чайки» в угоду своим конъюнктурным соображениям: «<...> просвещённой газетной критике ничего не остаётся, как плестись за подписчиком» [5, с. 47]. Любопытно, что выражение «наследник Тургенева», обесмысленное, по мнению Философова, беспринципными современными критиками, ориентирующимися на точку зрения толпы, восходит к дебютной статье Д. С. Мережковского «Старый вопрос по поводу но-

вого таланта» (1888). В ней вслед за А. Н. Плещеевым автор возводит художественную генеалогию Чехова к И. С. Тургеневу [6, с. 20–22].

В «Театральных заметках» Философов вводит понятие «чеховщины», обозначающее явление, загипнотизировавшее и театральную труппу, и рецензентов, и зрителей и внушающее им упадочные настроения, связанные с концом века. Это сигнализирует о том, что восприятие творческой личности Чехова в его критической рецепции усложняется. Теперь чеховская драматургия оценивается Философовым более диалектично, как явление многоплановое, «многострунное», обладающее и силой, и слабостью. А ведь в рецензии на мхатовскую постановку «Дяди Вани» критик ещё фактически жёстко отождествлял Чехова и «чеховщину», характеризуя драматурга как художника, завершающего некий исторический и творческий цикл. Он подчёркивал, что Чехов фотографически точно запечатлевает национальное «вырождение», выражает «декадентские» по своей природе переживания, погружая читателей и зрителей в бездну пессимизма. Теперь в своих «Театральных заметках» критик принципиально разделяет «чеховщину» и «истинного Чехова».

Особую грань антиномии «Чехов и чеховщина» Философов открывает через уподобление художественного метода Чехова методу его современника, немецкого драматурга Г. Гауптмана. Эта параллель косвенно расширяет контекст рассмотрения чеховского творчества, подчёркивая его мировое значение. Кроме того, подспудно Философов проявляет незаурядную проницательность, интуитивно «схватывая» художественное и духовное родство таких разных творческих личностей (Чехова и Гауптмана), впоследствии подчёркнутое самими драматургами и обозначенное исследователями [7]. Ещё в 1899 году Чехов, до деталей погружённый в творческие искания Московского Художественного театра, поставившего пьесу Гауптмана «Одинокие», обнаруживает глубокое проникновение в духовно-образный мир немецкого драматурга.

Отвечая на письмо В. Э. Мейерхольда (от 29 сентября 1899 года), просившего помочь ему разобраться в характере Иоганнеса, героя драмы Гауптмана «Одинокие», которого актёру предстояло сыграть, Чехов, даже не имея перед глазами текста пьесы, точно и ёмко очерчивает психологический портрет этого персонажа [8, с. 421–424]. Он также даёт бесценные советы Мейерхольду, касающиеся общего рисунка роли Иоганнеса, призывая артиста к внешней сдержанности при передаче чувств героя Гауптмана [9, с. 274–275].

Симптоматично, что Чехов не только глубоко постигает сложный характер Иоганнеса, но и в определённый момент по-своему вживается в этот образ, экзистенциально проецируя на собственную жизнь и эмоциональное состояние не черты личности персонажа, а его пережива-

ния. В письме к О. Л. Книппер от 1 ноября 1899 года Чехов с шутливой грустью признаётся в своём «бездонном» одиночестве, роднящем его с героем Гауптмана: «Маша пишет, что в Москве нехорошо, что в Москве не следует ехать, а мне так хочется уехать из Ялты, где мне уже наскучило моё одиночество. Я Иоганнес без жены, не учёный Иоганнес и не добродетельный» [9, с. 294].

Примечательно, что в своих литературно-критических статьях 1900-х годов Философов в определённом смысле уточняет характеристику творческой личности Чехова, эскизно очерченную в рассмотренных театральные рецензиях. В них он выстраивает «гелиоцентрическую» модель художественной прозы начала XX века, где роль «солнца», источника как созидательной, так и разрушительной духовной энергии, он отводит именно гению Чехова.

Так, в статье «Без стиля» (1908) критик утверждает, что колоссальное влияние Чехова на таких писателей, как Б. К. Зайцев и И. А. Бунин, выливается в досадное подражание ему. По мнению Философова, эти авторы, находясь под мощным воздействием художественного дара своего старшего современника, подобно Горькому («Завтрашнее мещанство» (1904)), утрачивают творческую индивидуальность, лишаются стиля: «В одном сборнике есть рассказ Зайцева – *Гость*, в другом рассказ Бунина – *Астма*. Оба написаны отлично, оба напоминают хорошего Чехова. < ... > Рассказ ведётся интересно, с большой наблюдательностью. Есть и быт, и настроение, и веяние смерти – словом, всё, что нужно. Но закройте книгу и вспомните потом, кто написал *Астму* и кто *Гостя*, к какому помещику приехал становой и к какому исправник. Вы забудете. Два вполне литературных произведения, а личности авторской нет. Она исчезла и как-то подозрительно слилась с обликом Чехова» [10, с. 220].

Статья Философова «Липовый чай», опубликованная в 1910 году, была написана, как отмечает сам автор, «к пятилетней годовщине со дня смерти А. П. Чехова» [10, с. 329]. Показательно то, что параллельно в этом же номере газеты «Русское слово» вышла в свет и работа Мережковского под названием «Брат человеческий». Одновременность публикации статей Философова и Мережковского о Чехове в этом издании можно расценивать как факт эстетической солидарности критиков. Оба автора выступают под одним «идейным флагом» и создают своеобразный психологический портрет Чехова.

Общность их критического метода определяется тем, что в своих статьях Философов и Мережковский особым образом используют знаменитый принцип «по поводу», реализующийся в деятельности В. Г. Белинского, Н. А. Добролюбова, Н. Г. Чернышевского, А. А. Гри-

горьева и многих других авторов XIX века. Этот принцип, наследованный Философовым и Мережковским, по сути, выражает национальную специфику русской критики в целом. Для обоих критиков размышления о Чехове выливаются в манифесты жизнотворчества, имеющего религиозный смысл. Тем не менее, критические опыты Философова и Мережковского в определённой мере разнятся и содержанием, и жанровой формой, и стилем. В статье Мережковского весьма значимо мемуарное начало. Автор «Брата человеческого» стремится воссоздать, прежде всего, облик Чехова-человека, припомнив все нюансы, возникавшие в его отношениях с писателем [11]. Философов же в данной статье предлагает своеобразный «силуэт» Чехова-художника, наиболее полно воплотившего в своей личности черты творца «чистого искусства». Он отмечает: «Чехов до самой смерти остался только художником. Он избегал высказываться по каким бы то ни было вопросам, занимавшим общество.

Конечно, ему приходилось сталкиваться с людьми, самыми разнообразными, высказывать свои мнения. <...> Непринуждённая беседа, меткие характеристики, крайне переменчивое настроение, тонкая, впечатлительная душа, разрешающая свою трагедию в юморе» [10, с. 329]. Творческая индивидуальность Чехова видится Философову исключительно в проекции «эстетического созерцания»: «У него (Чехова. – Н. К.) была своя логика – художественное творчество» [10, с. 329]. Категория «эстетического созерцания» в критическом мышлении Философова противостоит «религиозному действию». Эта оппозиция восходит к общим принципам литературной критики Мережковского, стремящегося осмыслить особенности художественного творчества писателя, его жизнь и мировоззрение как некое нерасторжимое единство [6, с. 135–138].

Показательно, что Философов и Мережковский почти буквально совпадают в определении творческой миссии Чехова, далёкого в литературе от «учительства». Оба они называют его художником, ставшим читателям «братом» [10, с. 329; 11, с. 251]. В своём авторском мифе о Чехове Философов также отождествляет его писательскую деятельность с профессиональными занятиями медициной. В таком подходе к интерпретации творческой личности Чехова критик перекликается с В. В. Розановым. Последний в своей статье «А. П. Чехов», напечатанной в «Юбилейном Чеховском сборнике», тоже отмечал влияние врачебной практики на прозу писателя. Но он говорил о «медицинской» жёсткости и предельной объективности художественного повествования Чехова, лишённого пафоса сентиментальности. Розанов заявлял, что «Мужики» Чехова были написаны «рукою не беллетриста, а медика» [12, с. 129]. В статье Философова Чехов, напротив, уподобляется «вра-

чу, который помогает не столько своими знаниями, правильной постановкой диагноза, сколько совсем особенным, душевным отношением к пациенту» [10, с. 329].

И Философов, и Розанов одним из главных художественных достижений Чехова считают развитие весьма характерного для русской литературы типа «маленьких» людей. Философов называет их также «незаметными», «серыми» [10, с. 329], а Розанов – «средними» [12, с. 130–131]. В галерею «маленьких» людей Философов вписывает и дядю Ваню, и Иванова, и Треплева, и Астрова, и Вершинина, и сестёр Прозоровых. Отношение Чехова к «незаметным» людям он характеризует через символический образ «липового чая», которым сердобольная нянька Марина потчует профессора Серебрякова. В контексте рассуждений критика «липовый чай» становится метафорой творчества Чехова, наполненного жалостью и состраданием писателя ко всем «маленьким людям» (не только к его героям, но и к читателям): «Но ведь и старая нянька Марина не вылечила капризничавшего профессора, не создала ему успеха, не вернула на кафедру.

Однако она, несомненно, ему помогла. В атмосферу общего недомогания и раздражения она внесла нежную, человеческую ласку. Признала за профессором право быть таким, какой он есть, признала законность его капризов.

– Пойдём, светик... Я тебя липовым чаем напою, ножки твои согрею, Богу за тебя помолюсь» [10, с. 330].

Философов стремится подчеркнуть, что мироощущение Чехова коренится в глубинах русского национального сознания, что оно впитало в себя простонародную мудрость (собственно, ведь и липовый чай издавна считается средством именно народной медицины).

Особенности творческого мышления автора «Дяди Вани» Философов раскрывает по-чеховски сжато и лаконично. В его критическом методе, как у Мережковского, большую роль играет субъективно-художественное начало. Чтобы акцентировать образный минимализм, сдержанность Чехова-прозаика, Философов охотно прибегает к символическим ассоциациям, выраженным с помощью оригинальных авторских метафор. Например, он пишет: «У Чехова никаких глубин и высот, Пелионов и Осс» [10, с. 331]. В этой фразе критик иронически пересоздаёт приведённое несколько ранее в тексте статьи крылатое выражение, восходящее к «Одиссее» Гомера (песнь 11) [13] и характеризующее «космизм» и гиперболизм, присущие художественному видению Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского: «Они воздвигали Пелион на Оссу» [10, с. 331]. Особую «почвенность» чеховского творчества Философов передаёт через пейзажную зарисовку срединной России, сопровождая её ци-

татой из плача Ярославны (героини «Слова о полку Игореве»), в котором звучат потаённые струны русской души: «Серенький русский пейзаж, с ёлочками и берёзками, бесконечная степь, где как бы слышится плач „зегзицы“ Ярославны: „О, ветре, ветрило, чему, господине, насильно веешь?“» [10, с. 331]. Показательно, что аналогичный мифотворческий приём использует в своей «юбилейной» статье «А. П. Чехов» и Розанов. Он также уподобляет художественный мир писателя-современника картине, запечатлевшей неброскую природу «равнинной» России: «...Небо без звёзд, без силы, ветер без негодования, непогодь, дождь, серо, сумрачно <...>» [12, с. 111].

В сущности, Розанов объективно солидаризируется с Философовым в оценке «чеховщины»: «Он (*Чехов. – Н. К.*) стал любимым писателем нашего безволия, нашего безгероизма, нашей обыденщины, нашего „средненького“» [12, с. 132]. Но как бы жёстко ни характеризовал Розанов «слабости» чеховского творчества, он остаётся верен убеждению, что автор «Вишнёвого сада» смог очень глубоко раскрыть специфику русского национального характера. А потому закономерен заключительный аккорд его «юбилейной» статьи: «В нём (*Чехове. – Н. К.*) есть бесконечность – бесконечность нашей России» [12, с. 132]. По мнению же Философова, Чехов не исчерпал до конца жизнь России, поскольку смог художественно воплотить в своих произведениях только один полюс национального сознания. Отсюда желание критика – дополнить творчество Чехова исканиями Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского, очертивших в своей прозе противоположный полюс русской ментальности. С точки зрения Философова, эти писатели компенсируют в художественном мире Чехова лакуны, вызванные отсутствием у него серьёзного и глубокого интереса к философско-религиозным вопросам. Духовному максимализму Толстого и Достоевского критик резко противопоставляет погружённость Чехова исключительно в трагедию земной, обыденной жизни: «Достоевский лелеял русских мальчиков, которые по трактирам “о Боге спорят”. Толстой учит, как перехитрить зло, бороться с ним непротивлением. „Мальчики“ Чехова никогда не говорят о Боге, да и вообще мало говорят. Им всё как-то некогда, жизнь заела» [10, с. 331].

В статье «Повседневный героизм Толстого», опубликованной в 1911 году, Философов сопоставляет склад творческой личности Чехова и его великого современника – Л. Н. Толстого. Он обращается к материалам дневника В. Ф. Булгакова, последнего секретаря автора «Войны и мира» («У Л. Н. Толстого в последний год его жизни» (М., 1911)). По мнению критика, «повседневный героизм» великого писателя состоял не только в его неустанном духовном самосовершенствовании, «де-

лании» самого себя, но и в активном поиске истины, т. е. смысла жизни [10, с. 406]. Философов приводит воспроизведённые в дневнике Булгакова слова Толстого, сказанные с осуждением как в адрес Чехова, так и в адрес его восторженных, но поверхностных почитателей, не способных глубоко постичь природу творчества своего любимого писателя: «То обстоятельство, что Чехов не знал и не нашёл смысла жизни, представляется всем каким-то особенным, в этом видят что-то поэтическое» [10, с. 404]. Цитата этого высказывания Толстого, почерпнутая из дневника Булгакова, укрепляет идейную позицию Философова, отрицающего «чеховщину», как отказ от напряжённого поиска смысла жизни, как нежелание обретения духовной опоры в религиозной вере. В контексте рассматриваемой статьи понятие «повседневный героизм», проецируемое на жизнь и творчество Толстого, становится смысловым эквивалентом категории «религиозное действие», а словосочетание «повседневный трагизм», характеризующее миропонимание Чехова, выступает как перифраз выражения «эстетическое созерцание». Отсюда возникает подразумеваемое Философовым противопоставление типов творческой личности: Толстой, как носитель истинно религиозного и деятельного отношения к миру, и Чехов, как писатель, замкнувшийся в чистой художественности, психологически ослабленный своим безверием и лишённый дара духовного роста.

Показательно, что в жёстком осуждении «беспорывного», «негероического» Чехова критик совпадает не только со своими конфидентами (Гиппиус и Мережковским), но и с другим строителем «нового религиозного сознания» начала XX в. – В. В. Розановым. Философов в чём-то продолжает вектор оценок творчества Чехова, намеченный Розановым в статьях «Литературные новинки» («Новое время», 16 июня 1904 года) и «Писатель-художник и партия» («Новое время», 21 июля 1904 года). В статье «Литературные новинки» Розанов, не называя слово «чеховщина», по сути, писал о ней же. Он проницательно подчёркивал, что герои «Вишнёвого сада» утратили духовную энергию, сам смысл жизни: «Вишни цветут, а люди блёкнут» [14, с. 168].

В статье «Писатель-художник и партия», написанной уже после смерти Чехова, оценка творческой личности Чехова остаётся у Розанова сложной, неоднозначной, но при этом согретой искренней любовью и состраданием к ушедшему из жизни писателю, затравленному «направленческой» критикой. Вместе с тем Розанов называет Чехова выразителем настроений «безвременья», периода, когда в русской литературе «поскучнело» [14, с. 183]. Мысль о губительной роли «чеховщины» он, как и Философов, выражает в яркой образно-иносказательной фор-

ме: «Всё мокро, серо. Дождит. И вязнут крылья в тумане, не подымая вверх» [14, с. 183].

Таким образом, характеристика творческой личности Чехова, сложившаяся в театральной и литературной критике Философова 1900–1910 годов, отличается амбивалентностью. В этот период он рассматривает наследие Чехова как художественную вершину русской литературы начала XX века и вместе с тем как некоторый предел в её движении. Чеховский путь в отечественной словесности представляется ему уже исчерпанным, не имеющим духовной перспективы. Оценки, данные Философовым роли Чехова в литературном процессе рубежа веков, во многом перекликаются с критическими высказываниями его современников: Мережковского, Гиппиус, Розанова. В опосредованной форме они транслируют идеи строительства «нового религиозного сознания». Но при этом Философов не только иллюстрирует и развивает чужие критические концепции, но и открывает новые грани творчества Чехова, по его мнению, завершившего в русской литературе линию «повседневного трагизма».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гиппиус З. О бывшем // Гиппиус З. Дневники : в 2 кн. / под общ. ред. А. Н. Николюкина. – М. : Интелвак, 1999. – Кн. 1. – С. 89–164.
2. Коростелев О. А. Литературная критика Дмитрия Философова // Критические статьи и заметки 1899–1916 / сост., предисл., примеч. О. А. Коростелева. – М. : ИМЛИ РАН, 2010. – С. 3–21.
3. Философов Д. В. «Дядя Ваня» (Первое представление в Петербурге 19 февраля 1901 г.) // Московский Художественный театр в русской театральной критике: 1898–1905 / сост., вст. ст. к сезонам, примеч. Ю. М. Виноградова, О. А. Радищевой, Е. А. Шингаревой ; общ. ред. О. А. Радищевой. – М. : Артист. Режиссёр. Театр, 2005. – С. 186–189.
4. Мережковский Д. С. Полн. собр. соч. : в 24 т. – М. : Типография товарищества И. Д. Сытина, 1914. – Т. 14. – 240 с.
5. Философов Д. В. Театральные заметки. «Чайка» // Мир искусства. – 1902. – Т. 8, № 11. – С. 46–51.
6. Коптелова Н. Г. Проблема рецепции русской литературы XIX века в критике Д. С. Мережковского (1880–1917 гг.). – Кострома : КГУ им. Н. А. Некрасова, 2010. – 343 с.
7. Тамерли Г. И. Чехов и Гауптман // Тамерли Г. И. Синхронный диалог Чехова с культурой. – Таганрог : Изд-во Таганрог. гос. пед. ин-та им. А. П. Чехова, 2014. – С. 54–70.
8. Полоцкая Э. А. Чехов и Мейерхольд // Литературное наследство. Т. 68: Чехов. – М. : Изд-во АН СССР, 1960. – С. 417–434.
9. Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем : в 30 т. Серия вторая. Письма : в 12 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. – Т. 8. – М. : Наука, 1980. – 712 с.
10. Философов Д. В. Критические статьи и заметки 1899–1916 / сост., предисл., примеч. О. А. Коростелева. – М. : ИМЛИ РАН, 2010. – 680 с.

11. Мережковский Д. С. Брат человеческий // Мережковский Д. С. Акрополь: избранные литературно-критические статьи. – М. : Книжная палата, 1991. – С. 247–252.
12. Розанов В. В. А. П. Чехов // Юбилейный Чеховский сборник : ст. – М. : Заря, 1910. – С. 115–132.
13. Берков В. П., Мокиенко В. М., Шулежкова С. Г. Большой словарь крылатых слов русского языка. – URL: <http://getword.ru/ru/slovari.php?word> (дата обращения: 7.04.2020).
14. Розанов В. В. О писательстве и писателях. – М. : Республика, 1995. – 734 с.

**CHARACTERISTIC OF A. P. CHEKHOV'S CREATIVE PERSONALITY IN
THEATER AND LITERARY CRITICISM D. V. FILOSOFOV 1900–1910:
ECHOES WITH D. S. MEREZHKOVSKY AND V. V. ROZANOV**

N. G. Koptelova

The article examines the characteristics of the creative personality of A. P. Chekhov, presented in theatrical reviews and literary critical articles by D. V. Filosofov in 1900–1910. There are traces of her rolls with statements about Chekhov by D. S. Merezhkovsky and V. V. Rozanov. Its echoes with statements about Chekhov by D. S. Merezhkovsky and V. V. Rozanov are traced.

A. P. Chekhov, D. V. Filosofov, creative personality, characteristics, theatrical and literary criticism, D. S. Merezhkovsky, V. V. Rozanov.

УДК 18: 8.01

**Н. С. ГУМИЛЕВ
О ПРОБЛЕМЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО МАСТЕРСТВА**

О. Е. Малая

В данной статье рассматривается отношение Н. С. Гумилева к проблеме художественного мастерства через анализ критических работ поэта, в связи с чем показана роль формы, техники, ремесла, таланта, вдохновения в поэтическом творчестве.

Н. С. Гумилев, художественное мастерство, техника, форма, ремесло, ремесленничество, творчество, талант, вдохновение.

Проблема художественного мастерства красной нитью проходит практически через все теоретические работы и критические выступления Н. С. Гумилева. По верному замечанию П. Лукницкого, «о чем бы он ни писал, чье бы творчество ни разбирал и ни оценивал, он непременно будет говорить о ремесле, об умении мастера выразить себя в слове» [3, с. 146].

В сборнике «Чужое небо» (1912 г.), самом акмеистическом, по признанию самого Гумилева, поэт поместил переводы из Теофиля Го-

тье. Среди них стихотворение «Искусство», где устами любимого поэта Гумилев говорит об искусстве как о трудном ремесле:

...Чеканить, гнуть, бороться –
И зыбкий сон мечты
ВОЛЬЕТСЯ
В бессмертные черты.

Точнее было бы сказать, что это стихотворение было творческим кредо самого Гумилева независимо от того, приверженцем какого литературного направления он был. Чем неподатливей, «бесстрастней» исходный материал, тем интереснее с ним работать, тем ценнее будет созданное произведение искусства, которое проживет в веках. Так, уже в 1908 г. в рецензии на роман А. М. Ремизова «Часы» Гумилев пишет: «Можно ли построить роман не работой мозга, а работой нервов? Ремизов своими «Часами» показывает, что это невозможно. В самом деле, теперь, когда так велик наплыв в литературу людей безграмотных и бездарных, но старающихся перещегоолять друг друга оригинальностью, истинные творцы должны особенно беречь культ формы, делающий их завоевания не бесплодными и роднящий их с драгоценными заветами старины: и с пластичностью Эллады, и с золотыми молниями романтизма, и с патриархальной простотой натурализма.

Мы стосковались по строгому искусству, нас влекут не крикливые афиши современных выставок, а уже испытанные очарования музеев. Мы любим писателей-продолжателей, писателей с длинной родословной. Но для Ремизова нет прошлого. Его творчество возводит свой род не дальше Андрея Белого и Пшибышевского. Подобно последнему, он подходит к душевным переживаниям не со строгим художественным методом, а растерянно, как фотограф, которому поручено сфотографировать бурю» [1, с. 211].

Итак, по Гумилеву, настоящий художник должен уметь организовать «работу нервов», т.е. свои впечатления, мысли, чувства, «работой мозга», т.е. строгим художественным методом. Это сложное искусство, и доступно оно только писателям-продолжателям, которые берегут культ формы, ценя и умело используя опыт предшественников. Среди современников примером такого писателя для Гумилева является В. Я. Брюсов. В рецензии на сборник стихов последнего читаем: «Даже в самых враждебных ему кругах Брюсов заслужил репутацию мастера формы. Он разделяет мечты Малларме и Рене Гиля о возвращении слову его метафизической ценности, но не прибегает ни к неологизмам, ни к намеренным синтаксическим трудностям. Строгим выбором выражений, отточенной ясностью мысли и медной музыкой фраз он достигает

результатов, которые не всегда доставались на долю его французских собратьев. Вечно-непокоренное слово уже не борется с ним; оно нашло своего господина.

Последнее время часто слышатся нападки на Брюсова из самых противоположных лагерей. Его упрекают в гордости, в самомнении, в презрении к реальной жизни. Уже давно люди привыкли считать поэтов чиновниками литературного ведомства, забыли, что духовно они ведут свой род от Орфея, Гомера и Данте. Брюсову поставлено в вину, что он это вспомнил» [1, с. 76–77].

Итак, уже в 1908 году Гумилев провозглашает «культ формы», но не самой по себе, а как связи с многовековой поэтической традицией. По его глубокому убеждению, недостаточное внимание художника к форме является признаком его безграмотности либо бездарности, и тут не спасет даже оригинальность. Два года спустя Гумилев приводит и анализирует конкретный пример такой безграмотности и бездарности, рецензируя поэтический сборник И. Б. Симановского: «Иосиф Симановский снабдил свою книгу предисловием. В нем, после совершенно бессвязного изложения «идеи» своей книги... он довольно верно говорит, что «не техника, а оригинальность начинаний и созданные им образы могут быть залогом таланта в юном поэте».

Но – увы – образов в «Новом мире» нет совсем, их нельзя создать такими примитивными средствами, как – начиная существительные с большой буквы, а оригинального в этой книге... только – ее какая-то особенная дикая несуразность.

Ведь, если молодой поэт проденет себе в нос кольцо или будет ходить задом наперед, этого еще нельзя назвать многообещающей для русской литературы оригинальностью. Хуже всего, что Иосиф Симановский совсем не владеет русским языком. Вместо «бился» он пишет «биялся», вместо «корчах» – «корчáх», «изгас» – вместо «погас»; у него встречаются выражения вроде «пульсовы стуки», «в извив цепеня», «жаждный крик».

Единственным оправданием ему может служить то, что книга издана в Бобруйске» [1, с. 95].

В более поздней рецензии (1915 г.) на сборник В. В. Пруссака Гумилев продолжает эту тему: «...у Владимира Пруссака есть как будто мысль, очень распространенная для молодых поэтов и крайне для них губительная – желание быть не таким, как другие, пусть мельче и пошлее, только не как другие. Но, увы, только пройдя общий для всех людей путь, можно обрести свою индивидуальность, и нет такого смрадного закоулка мысли, где бы уже не сидел какой-нибудь шевелящий усами мыслитель-таракан» [1, с. 195].

Действительно, первой ступенью художника к настоящему творчеству, к обретению индивидуальности является овладение ремеслом. Ремесло (не ремесленничество!) – это совокупность приемов, выработанных в данной отрасли к данному моменту, овладение которыми необходимо для полноценного успеха в данной сфере деятельности. Эти приемы являются результатом определенного обобщения опыта людей в той или иной сфере. Они могут быть теоретически обоснованы, следовательно, овладение теорией имеет прямое отношение к ремеслу.

Какую же роль ремесло играет в искусстве? Уже в начале своего творческого пути Гумилев серьезно задумывается над этим вопросом. Так, в письме к В. Я. Брюсову от 24 марта 1907 г. он пишет: «Одно меня мучает и сильно – это мое несовершенство в технике стиха. Меня мало утешает, что мне только 21 год... я просто мечтаю и хочу уметь писать стихи, каждая строчка которых заставляет бледнеть щеки и гореть глаза» [2, с. 168]. Таким образом, молодой поэт уверен, что истинно художественное произведение, «заражающее» читателя, можно создать, только отлично владея техникой стихосложения.

Развитие этой мысли находим в рецензии Гумилева на сборник стихов М. А. Кузмина «Осенние озера» (1912 г.): «...техника, находящаяся в полном развитии, никогда не заслоняет образа, а только окрыляет его» [1, с. 155]. Однако даже самая развитая техника не всесильна. Гумилев отмечает это, раскрывая цель своей будущей книги по теории поэзии: «...поэтов она не научит писать стихи, подобно тому, как учебник астрономии не научит создавать небесные светила. Однако и для поэтов она может служить для проверки уже написанных вещей и в момент, предшествующий творчеству, даст возможность взвесить, достаточно ли насыщено чувство, созрел образ и сильно волнение, или лучше не давать себе воли и приберечь силы для лучшего момента. Писать следует не тогда, когда можно, а когда должно. Слово «можно» следует выкинуть из всех областей исследования поэзии» [1, с. 63]. Гумилеву были близки слова Делаакруа: «Надо неустанно изучать технику своего искусства, чтобы не думать о ней в минуты творчества», их Гумилев приводит и комментирует в одной из своих последних статей – «Читатель»: «Действительно, надо или совсем ничего не знать о технике, или знать ее хорошо. Шестнадцатилетний Лермонтов написал «Ангела» и только через десять лет мог написать равное ему стихотворение. Но зато «Ангел» был один, а все стихи Лермонтова 40-го и 41-го года прекрасны» [1, с. 63].

Таким образом, Гумилев очень точно подмечает роль техники, ремесла в поэтическом творчестве: он не отрицает роль таланта, озарения, творческой интуиции, вдохновения художника, но при этом показывает,

что талант, подкрепленный знанием техники, овладением ремесла, неизмеримо сильнее, работоспособнее, нежели талант, не обремененный этими знаниями.

Такая позиция особенно актуальна перед лицом модернистских новаций, в которых проявляется тенденция к пренебрежительному отношению к ремеслу, и Гумилев критиковал их первые проявления. Так, уже в 1911 г. он подвергает критике модернизм, избрав мишенью то его качество, которое подметил Хосе Ортега-и-Гассет: художник-авангардист меньше всего «умеет», он главным образом «дерзает». В рецензии на сборник стихов С. А. Алякринского Гумилев пишет: «Он модернист: когда вы встретите у него неряшливую рифму, он скажет вам, что это ассонанс; если вы спросите его о какой-нибудь строчке, для которой нет места в метрических схемах, как бы изысканны они ни были, он объявит, что ритм ее ласкает его ухо; если вы выразите недоумение по поводу выражения «излучные зовы дня», он повернется к вам спиной.

Есть от чего смутиться робкому читателю. Но перелистайте его книгу – и вы успокоитесь. Он не имеет понятия о том, что такое ассонанс, он совершенно невинен в ритмических новшествах, его душа не утонченнее по переживаниям вашей, он типичный любитель, но только пишет не под Надсона, а под Бальмонта и Блока. Он развил наиболее спорные особенности таланта этих двух поэтов, он затемнил их темные выражения, поднял крик в тех местах, где они возвышают голос, и хотел испугать. Его не поймут, думал он, – но ведь сперва не понимали и Брюсова. И всегда может отыскаться критик, не настолько образованный, чтобы заниматься более сложными явлениями, который объявит его единственным подлинным поэтом среди стольких версификаторов, несущим миру «весеннюю весть» [1, с. 115–116].

Гумилев в своих рецензиях неоднократно обращается также к футуризму, он считает, что у этого направления нет будущего (*в дальнейшем эти слова подтвердились.* – О. М.), так как «футуристы построили свои теории на полном презрении к искусству прошлого, а это неизбежно оказывает очень дурное влияние на их художественное развитие, на их вкус и их технику» [1, с. 271]. В своей оценке футуризма Гумилев не одинок. Так, например, в «Эстетических фрагментах» Г. Г. Шпета читаем: «Футуризм «творит» по теории – прошлого у него нет – беременность футуристов – ложная. Классики проходили школу, преодолевали ее, становились романтиками, романтики через школу становились реалистами, реалисты – символистами; символисты могут стать через школу новыми классиками. Футуристы, не одолевшие школы, не одолевают и искусства, будут в ней не хозяевами, а приказчиками, хотя бы и государственными» [5, с. 362].

Однако, по Гумилеву, при всей своей необходимости техника, ремесло не должны быть самоцелью, они должны подчиняться содержанию произведения. Если этого нет, то перед нами не художник, а ремесленник. Ремесленник, по Гумилеву, – это человек, который владеет техникой, но работает без вдохновения, имеет мысль, которую хотел бы донести до читателя, зрителя, слушателя, но она, как правило, элементарна и банальна, как и используемые средства ее воплощения.

Гумилев на протяжении всей своей критической деятельности жестоко критиковал и высмеивал ремесленников. Так, в рецензии на книгу поэта, пишущего под псевдонимом Негин (1910 г.), говорится: «В книге нет ни одной сколько-нибудь не фальшивой строчки, ни одной сколько-нибудь не банальной мысли» [1, с. 114]; в рецензии на книгу В. Г. Кульчинского (1911 г.) находим развитие этой мысли: «Владимир Кульчинский едва ли даже просто способен: он только вял. В своей вялости он пользуется самыми заезженными мыслями, чувствами и образами; начав рисовать какую-нибудь картину, он никогда не доводит ее до конца, никогда у него не было желания употребить новую рифму, новый размер. Его книга – современная Телемахида: ее тоже можно заставлять читать в виде наказания» [1, с. 122]; В. В. Пруссаку (рецензия 1915 г.) критик советует «сперва рассеять в своих стихах туман шаблона, чтобы о нем можно было говорить, как о поэте» [1, с. 196].

О резко отрицательном отношении Гумилева к таким «служителям искусства» свидетельствуют и воспоминания современников поэта. Так, В. И. Немирович-Данченко в очерке «Рыцарь на час» пишет: «До ярости доводили его статьи, затасканные приемы архивной словесности у молодых начинающих дарований. Сгнившие, навязшие в зубах сравнения, обычная, все нивелирующая плоскость, пошлые приемы мещанского юмора, заимствованные, тысячу раз повторявшиеся рифмы» [4, с. 230].

Но бывает так, что поэт, уже достигший определенных вершин мастерства, все же становится ремесленником. Почему? Он начинает копировать самого себя и штамповать свои собственные приемы. Именно от этого предостерегает Гумилев начинающего талантливое, оцененное им поэта М. Цветаеву. В рецензии 1912 г. на ее сборник «Волшебный фонарь» читаем: «Свободно и ясно пролегает путь гения от тем к темам, от приемов к приемам, но всегда к одному и тому же вечному великому Я... Суровым трудом, постоянным напряжением достигает талант разнообразия, без которого нет большого творчества. И всегда грустно видеть, когда настоящий поэт ищет осторожно и кропотливо, жалея отойти от уже найденного, и отказывается от спасительного головокружения завоевателей» [1, с. 145].

Итак, прочь любые штампы, шаблоны, трафареты. Настоящий мастер тот, кто, обладая несомненным талантом, развивает его, овладе-

вая техникой своего искусства, и на этой основе обретает в процессе творчества свое неповторимое лицо и свободу от всякого рода банальности. Гумилев в своих рецензиях не перестает об этом напоминать.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гумилев Н. С. Письма о русской поэзии. – М. : Современник, 1990. – 383 с.
2. Гумилев Н. С. В огненном столпе. – М. : Сов. Россия, 1991. – 416 с.
3. Лукницкая В. Николай Гумилев: Жизнь поэта по материалам домашнего архива семьи Лукницких. – Л. : Лениздат, 1990. – 302 с.
4. Николай Гумилев в воспоминаниях современников. Репринтное издание. – М. : Вся Москва, 1990. – 316 с.
5. Шпет Г. Г. Эстетические фрагменты // Шпет Г. Г. Сочинения. – М., 1989. – С. 345–472.

N. S. GUMILEV ON THE PROBLEMS OF ARTISTIC SKILL

O. E. Malaya

This article examines the attitude of N. S. Gumilyov to the problem of artistic skill through the analysis of critical works of the poet, in connection with which the role of technology, craft, talent, and inspiration in poetic creativity is shown.

N. S. Gumilev, artistic skill, technique, form, craft, handicraft, creativity, talent, inspiration.

УДК 821.161.1

АМБИВАЛЕНТНОСТЬ КАК КОМПОЗИЦИОННАЯ ОСНОВА РАССКАЗА Н. А. ТЭФФИ «СОСЕД»

С. Б. Силкина

В статье рассматривается амбивалентность как основной способ организации художественного текста в рассказе Н. А. Тэффи «Сосед».

Комическое, амбивалентность, Тэффи, деталь, Россия, дом, эмиграция.

Природа комического основана на внутренних противоречиях – в ней заложена возможность одновременного сосуществования двух противоположных точек зрения. Двойственность художественного впечатления, возникающего при чтении рассказов Тэффи, создается автором как на уровне субъектной, так и на уровне объектной организации текста.

Для прозы Тэффи характерна особая форма повествования – непосредственно-прямая речь – оно чаще всего ведётся от третьего лица, но выдержано в речевой манере персонажа. Таким образом, читатель получает возможность усвоить кругозор и логику героя и при этом наблюдать за ним со стороны [1, с. 139].

С первых слов рассказа «Сосед» намечается оценочная оппозиция в изображении пространства: в дешевых домах, с грязненькими лестницами и без лифта жить оказывается куда приятнее, чем в больших, важных домах с дорогими квартирами [2, с. 104]. Парижанин Поль знакомится с семьёй Узбековых. «Лерюссы» – странные и чудесные существа – поют во время работы, угощают, когда нечего есть. Их дом становится для четырехлетнего соседа неиссякаемым источником восторженного изумления: там есть икона, клетка для канарейки, которую скоро купят, корзинка, в которой прежде жил кот, – он теперь ушел в больницу, – круглая кофейная мельница, борщ со свеклой и бинокль. Упоминание о бинокле, на наш взгляд, символично – его можно рассматривать как метафору наблюдения одного явлением двумя глазами.

Особого внимания заслуживает фамилия «лерюссов» – Узбековы. С одной стороны, она построена по типичной словообразовательной модели русской фамилии: Ивановы, Петровы, Сидоровы, но, с другой стороны, узбек – это уже не русский – для русского он иностранец. Таким образом, имя героини рассказа, Кати Узбековой, приобретает амбивалентный характер – оно русское и нерусское одновременно.

«Леруссы» едят на обед борщ и чёрный хлеб. Сидеть на чёрном хлебе для человека в России означает жить впроголодь, но в эмиграции статус чёрного хлеба меняется, достать его непросто, и то, что дома расценивается как еда бедняка, в эмиграции оказывается деликатесом. То же амбивалентное значение сопровождает и борщ: в словаре В. И. Даля борщ – род щей, похлебка из свекольной кваша – традиционное блюдо восточных славян. Для француза русский и малоросс – представители единого народа. Для русского же читателя различие очевидно: борщ – основное блюдо украинской кухни, для русского стола предпочтительнее щи.

Особого внимания заслуживают клетка для канарейки, которую, как объясняют Полю, скоро купят, и корзинка, в которой прежде жил кот, который ушел в больницу. Клетка и корзинка, как нам видится, – символические детали, представляющие собой смысловое ядро рассказа. Клетка – предмет, сочетающий коннотации как тюрьмы, плена, так и жилища, дома. Опустевшее жильё без жильцов – символ оставленной России, «лерюссы» – только временные жильцы в Парижском муравейнике, скоро «папа-лерюсс» получит работу, и они покинут его. Любопытно, что кот уже не живёт в корзинке – он ушёл в больницу (читай: умер), тогда как птице ещё только предстоит заселиться в приготовленную для неё клетку – канарейку скоро купят. Такое тесное соседство прошлого и будущего отчасти нивелирует горькое ощущение бесприютности у читателя – такого же, как Узбековы, такого же и как сама Тэффи, русского эмигранта.

При упоминании в одном контексте кота и птицы в читательском сознании возникает наслоение ассоциативных связей противоположной семантики. Кота и канарейку можно воспринимать как антагонистов, как хищника и добычу – тогда возникают представления, связанные с революцией и гражданской войной, в этом случае эмиграция для человека – чудесное спасение, бегство от гибели.

Но возможно и противоположное прочтение: сосуществование кота и птицы – олицетворение гармонии и уюта, идеализированного на чужбине образа родного дома. В нём, как в Эдемском саду, всякое живое существо чувствует себя в безопасности. Только вот «леруссам» больше нет возврата в Россию – они изгнанники, вынужденные искать приюта на чужбине. При таком прочтении возникают мотив первородного греха и сопутствующие ему мотивы вины и изгнания, но вслед за ними – упование на будущее, когда волк будет жить вместе с ягненком, и малое дитя будет водить их...

Художественное время в рассказе «Сосед» отсылает нас к жанру святочного рассказа – основные события разворачиваются в канун Рождества. Но читательские ожидания не оправдываются: сразу после праздников происходит катастрофа – «лерюссы» съезжают. Для них это перемена к лучшему, но для маленького Поля рождественское время сопряжено с непоправимой утратой, что разрушает традиционное жанровое представление о святочном рассказе.

Со временем Поль забудет о «странных и чудесных существах, которые пели, когда у них не было денег, угощали, когда нечего было есть, и завели клетку для канарейки, которой не было» [3, с. 428]. Мелодия песенки про Дунюшку и лесок, сохранившаяся без слов в памяти Поля, – метафора проникновения русского искусства в общеевропейское, его ассимиляции в новой культурной среде.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Тэффи Н. А. Малое собрание сочинений. СПб. : Азбука, 2018. – 608 с.
2. Лотман М. Ю. Структура художественного текста. – СПб. : Искусство, 1998. – 285 с.
3. Есин А. Б. Принципы и приемы анализа литературного произведения : учеб. пособие. – 3-е изд. – М. : Флинта : Наука, 2000. – 248 с.

THE AMBIVALENCE AS THE MAIN COMPONENT OF HISTORY N. A. TAFFY “THE NEIGHBOUR”

S. B. Silkina

In this article, the ambivalence is under consideration as the main way of organization of a literary text.

Comic writing, ambivalence, Taffy, detail, Russia, home, emigration.

УДК 791.62 (470.41-25)

«МОСФИЛЬМ» 90 ЛЕТ НАЗАД. ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ

Ю. О. Хомякова

В статье рассказывается история возведения административного корпуса «Мосфильма» в 1927–1931 гг. – незаслуженно забытого «гиганта первой пятилетки». Двое из руководителей строительства «Мосфильма» были расстреляны как вредители.

«Мосфильм», «Совкино», «Союзкино», К. М. Шведчиков, М. Н. Рютин, Е. Ю. Брокман, В. М. Воинов, архитектура, строительство, звукофикация.

Каждый, кто впервые попадает на территорию «Мосфильма», не может не отметить крайнюю запутанность всего кинокомплекса и нерациональность расположения корпусов. Если в этот момент сказать, что архитектор «Мосфильма» был расстрелян как вредитель, то первой реакцией будет что-то вроде «Так ему и надо!», далее последует вопрос: «Что, в самом деле?..» Затем повиснет неловкое молчание. На современном «Мосфильме» уже не осталось живых свидетелей тех событий 1930 г., когда в советском кино дважды за семь месяцев сменился руководитель. Поэтому судить о том, почему мосфильмовский, образно говоря, *genius loci* потребовал «кровавого жертвоприношения», нелегко.

«Мосфильм» никогда не упоминается при перечислении великих строек первой пятилетки – отчасти потому, что, например, ДнепрогЭС или Уралмаш до сих пор носят те же названия, а будущий «Мосфильм» назывался иначе: «Фабрика Совкино имени Первого десятилетия Октябрьской революции». Вокруг неё предполагалось построить «киногородок имени тов. Красина»: туда же планировали перевести учебные заведения кино и их общежития. Проекты «киногородка имени тов. Красина» в едином стиле с кинофабрикой разрабатывали Пётр Помазанов, Дмитрий Булгаков, Георгий Яковлев, Одетта Марморштейн [1, с. 605]. Концепт киногорода произвёл сильное впечатление на Бенито Муссолини, который в 1931 г., после тяжёлого краха итальянской кинопромышленности, тоже начал в Риме строительство большого комплекса под названием *Cinecitta*, т. е. «Киногород».

Однако, в отличие от большинства гигантов первой пятилетки, которые строились с применением американских или немецких технологий, советская киноиндустрия – от плёнки и аппаратуры до капитального строительства – была стопроцентно отечественной. Задача полной независимости от импорта была поставлена высшим руководством, и к началу Великой Отечественной войны СССР был полностью обес-

печен всем необходимым для любого вида съёмок, включая военные. Однако поиск «методом проб и ошибок» был нелёгким.

На «фабрике Совкино имени Первого десятилетия Октябрьской революции» предполагалось развернуть полностью завершённый цикл фильмопроизводства. Место выделили в подмосковной деревне Потылихе. 20 ноября 1927 г. состоялась торжественная закладка фундамента. По воспоминаниям Г. Александрова, «там, где теперь стоят внушительные корпуса крупнейшей в мире киностудии, зеленели рощи и луга, паслись стада. Собравшиеся на торжество киноработники торжественно вырубали несколько кустов, и начальник главка К. М. Шведчиков, вооружившись мастерком, неловкими движениями набрасывал раствор на первый кирпич будущего киногиганта. На стендах были выставлены форэскизы мосфильмовских корпусов, и, хотя звуковое кино властно заявляло о своём пришествии, студию запроектировали в расчёте на немое кино» [2, с. 116].

Как такое могло произойти? Ведь в 1926–1927 гг. Совкино даже провело конкурс на лучшее здание кинофабрики, в котором приняли участие ведущие архитекторы Москвы и Ленинграда – Иван Леонидов, Илья и Пантелеймон Голосовы, Даниил Фридман, Сергей Чернышёв, Глеб Глущенко, Игорь Ткаченко [1, с. 606]... Некоторые – например, проект И. Ткаченко – были слишком авангардными, зато вариант Г. Глущенко, если бы он был осуществлён, на долгие годы мог бы решить проблему всех производственных помещений в одном большом здании. Однако в дело пошла работа Василия Войнова и Евгения Брокмана, занявшая на том конкурсе лишь третье место: это была упрощённая и «удешевлённая» версия проекта Глущенко.

Возможно, сыграли роль личные связи Брокмана: Евгений Юрьевич (по другим данным, Юльевич), пехотный прапорщик первой мировой войны, всегда ухитрялся пристроиться то на автоскладе, то в санчасти при штабе, а в сорок лет попал в киевскую строительную контору, откуда он также вовремя ушёл и через три года удачно перестроил здание Госкино в Гнездниковском переулке. Вскоре Брокман занял должность руководителя планово-техноэкономического отдела «Совкино».

По-видимому, основную работу проводил Василий Михайлович Войнов, выпускник Московского училища живописи, ваяния и зодчества и архитектурной мастерской И. Жолтовского. Проект Брокмана и Войнова предполагал в съёмочном павильоне площадью в 4500 кв. м раздвижные стены для одновременной съёмки пятнадцати картин; пусковая мощность обещала выпуск от 60 до 100 фильмов в год... В каком-то смысле замысел Войнова и Брокмана на сорок с лишним лет опередил концепт знаменитого французского Центра Помпиду, в котором

и внутренние стены, и даже этажи – раздвижные. Но чем это обернулось для кинофабрики и для её строителей?..

Начало 30-х – крупные реорганизации, «выпрямление генеральной линии» и рост внутривластных коллизий, о которых широкие массы трудящихся не так уж много и знали. Впоследствии вину за это истории приписали Сталину с его тезисом об усилении классовой борьбы (тезис, кстати, первоначально был не сталинский, а ленинский, впоследствии его неоднократно признавали ошибочным). Под ударом оказался главный киноруководитель – Константин Матвеевич Шведчиков, старый большевик, с 1924 г. возглавлявший акционерное общество «Совкино». В классовую борьбу при социализме Шведчиков не верил и, в соответствии с задачами периода нэпа, активно привлекал к работе толковых специалистов «из бывших». Это позволило создать фундамент нашей киноиндустрии. Не в последнюю очередь благодаря грамотной политике Шведчикова состоялся «золотой век» советского кино 20-х гг. Однако самые яркие фильмы того периода преследовал зрительский неуспех. Даже «Броненосец „Потёмкин“» по просьбе прокатчиков был снят с экрана и заменён голливудским «Робином Гудом» с участием Дугласа Фербенкса – именно импортные фильмы и обеспечивали финансовый приток.

Теперь руководству «Совкино» поставили в вину отсутствие картин, которые были бы одновременно и «классовыми», и «кассовыми». Первый удар получили выходцы из русского дореволюционного кино, которых «разоблачали как правую группировку», – Пётр Чардынин, Владимир Гардин, Лев Кулешов и Константин Эггерт. Затем досталось и «левым», т. е. авангардистам круга Сергея Эйзенштейна и Дзиги Вертова. Для Шведчикова это означало отстранение от руководства кинематографом, а для искусства – смену почерка.

При Совнаркомоме был образован Кинокомитет. Акционерное общество «Совкино» прекратило существование. 13 февраля 1930 г. было образовано всесоюзное объединение «Союзкино»: кинематограф вышел из сферы Наркомпроса и перешел в ведение ВСНХ. Председателем правления «Союзкино» стал Мартемьян Рютин: он возглавлял «Союзкино» с 5 марта по 19 октября 1930 г. За это время самым важным событием стало преобразование Московского государственного техникума кинематографии в ГИК, Государственный институт кинематографии, – приказом ВСНХ от 5 августа 1930 г. Уже поэтому не рассказать о Рютине было бы несправедливо.

Один из тех, кого впоследствии причисляли к «ленинской гвардии, расстрелянной Сталиным», Рютин на самом деле ни в какой «ближний круг» вождя революции не входил. Мартемьян Никитич, сын крестья-

нина Иркутской губернии, родился в 1890 г. и до 1923 г. не выезжал из Восточной Сибири. Рютин, как и Сталин в своё время, закончил семинарию и через пять лет вступил в РСДРП. После Октябрьской революции Рютин дорос до командующего войсками Иркутского военного округа, а на партийной работе за три года добился таких успехов, что его в 1923 г. перевели в Дагестан, а затем и в Москву – тоже по партийной части.

В 1927 г. Рютин лично участвовал в подавлении троцкистского путча – ездил по Москве в автомобиле, кидал в ораторов-оппозиционеров камнями и картошкой, врвался в их квартиры вместе с «боевиками», отряды которых были созданы по его предложению. Его рвение было оценено, и в 1927 г. Рютин, делегат XV съезда ВКП(б), выступил с речью о том, что легализация партийных фракций и открытые дискуссии станут началом распада партии. За это Рютина избрали кандидатом в члены ЦК. Если бы кто-нибудь сказал тогда, что через год Рютин уйдёт в «правую оппозицию», этому не поверил бы и сам Мартыян Никитич...

В 1928–1930 гг. Рютин, будучи заместителем главного редактора газеты «Красная звезда», не принял сталинскую политику в деревне и методы индустриализации. Он поддержал «правых». В ноябре 1929 г., когда «правую оппозицию» разгромили на пленуме ВКП(б) и вывели из ЦК её лидеров, т. е. Бухарина, Рыкова и Томского, Рютин не стал публично каяться и признавать ошибки. Очевидно, за это его и «бросили на кино»: хозяйственно-организаторскую работу трудно не завалить, после чего расправа над «изменником» была неминуема.

Для начала Рютин занялся известной ему аппаратной работой. При разработке аппарата «Союзкино» за основу взяли структуру «Совкино»: теперь в прямое подчинение переходили все республиканские кинофабрики, кроме украинских. Шведчикова оставили в «Союзкино» на должности первого зампреда правления. Главной задачей стала звукофикация. На XVI съезде ВКП(б), утвердившем факт превращения СССР из аграрной страны в индустриальную, работали кинооператоры «Союзкино» – проводили и немые, и звуковые съёмки.

Однако предварительный осмотр помещений «объединённой фабрики Союзкино» выявил их полную неготовность! Долгое время только в одном из павильонов на Потылихе можно было снимать звуковое кино: во всех остальных, как ни кричи: «Тишина на площадке!», всё происходившее за стеной было слышно.

Началось следствие, в ходе которого архитектор Войнов даже не был арестован: он поехал в Иваново и исполнил заказ на звуковой кинотеатр, ранее полученный на пару с Брокманом (в дальнейшем кинотеатр был основательно перестроен, в нём ничего не сохранилось от первоначального).

чального облика). Затем Войнов вернулся в Москву, где принял участие в сооружении звукового кинотеатра «Великан», разбомбленного во время Великой Отечественной войны.

А Брокман, как выяснилось в ходе следствия, практически не имел архитектурного образования. Строительство велось без плана, мало того — непосредственное возведение стен началось только с 1930 г.! Лжеархитектор Евгений Брокман, кинорежиссёр-журналист Анатолий Ардатов, сменивший его на должности в «Союзкино», и руководивший строительством кинофабрики Анатолий Данашевский были обвинены во вредительстве. Но было ли оно? Людям нашего времени проще предположить банальное казнокрадство. Однако в те времена срыв такого строительства расценивался исключительно как саботаж и диверсия.

Вскоре, т. е. 23 сентября 1930 г., Рютина исключили из партии, за единство которой он так нещадно боролся. 19 октября его отстранили от должности, а в конце октября 1930 г. арестовали за предпринятую им попытку объединения партоппозиционеров. Все ошибки, допущенные за время руководства Рютина кинематографом и даже ранее, на него и свалили. В 1931 г. Рютина освободили по личному ходатайству Менжинского, но в 1932 г. арестовали повторно, и с тех пор Мартемьян Никитич на свободу уже не выходил. 10 января 1937 г. он был расстрелян за участие в правой контрреволюционной организации.

20 ноября 1930 г. в московском клубе кинороботников состоялось общее собрание сотрудников «Союзкино». Сам Шведчиков от имени правления признал факт невыполнения плана и перечислил объективные причины отставания, но не признал никаких «диверсий». За Шведчикова это сделали участники собрания, заявившие, что в «Союзкино» налицо «оппортунистическая линия руководства» и «несомненные элементы вредительства»¹. На другой день после собрания, т. е. 21 ноября 1930 г., председателем правления «Союзкино» был назначен Борис Захарович Шумяцкий.

Через полгода Данашевского, Ардатова и Брокмана приговорили к смертной казни. Но за Данашевского вступился американский писатель Эптон Синклер, написав письмо И. В. Сталину². Не исключено, что были приняты во внимание объективные обстоятельства: наша промышленность не могла обеспечить качественными материалами огромное количество строек первой пятилетки. Политбюро ЦК ВКП(б) признало возможным освободить Данашевского и даже вернуть его к работе на кинофабрике «Савецкая Беларусь» (через четыре года он умер сам). У Брокмана с Ардатовым таких заступников не нашлось. Вот их и расстреляли.

«Вредительский» проект Войнова и Брокмана так и не был доведён до конца. Производственные помещения пришлось срочно переустраивать. Для ликвидации катастрофы пришлось привлекать выдающегося организатора советского кинопроизводства, в конце 1929 г. лишённого избирательных прав и арестованного, – «бывшего владельца кино „Русь“ гр. Алейникова, в своё время одного из деятелей общества фабрикантов и заводчиков кино, <...> душителя „большевизма“ на кинопредприятиях, снятого из „Межрабпомфильм“ за проведение идеологически вредной политики»³.

К счастью, местом лишения свободы были не Соловки, а Сокольники. Там построили какие-то бараки и согнали таких, как Моисей Никифорович Алейников, – не имевших никакой доказанной вины, кроме дореволюционного прошлого. Их возили на Лубянку, допрашивали, потом возвращали... Алейникова утром под конвоем доставляли на Потылиху, где он занимался организационными вопросами, а вечером под конвоем же увозили в Сокольники. Через некоторое время Моисея Никифоровича освободили, и с 1936-го по 1944 г. он работал редактором на спасённой им киностудии, уже носившей название «Мосфильм».

Был ли правильным подход команды Шведчикова не только к строительству, но и к «звукофикации»? С одной стороны, ещё в конце 20-х годов советское кино получило два института – Научно-исследовательский кинофотоинститут (НИКФИ) и Научно-исследовательский институт киностроительства. (Тогда, в 1929 г., разработки на Потылихе велись уже два года, и вся эта история лишней раз доказала, что объекты кинопроизводства – особого рода промышленная архитектура, требующая специализации).

Но, с другой стороны, разработка звуковой технологии – с тем чтобы выбрать самую эффективную в практическом применении – велась в разных организациях. Научный отдел «Межрабпомфильма» испытал звуковую систему Тагера, научно-исследовательская лаборатория Киевской кинофабрики – аппарат «Н-4» системы Никитина, в Ленинграде шли испытания системы Шорина: именно она, как лучшая в сравнении с другими, стала основной в советском кино. Но такое, как выражались в те времена, «распыление сил» и привело к катастрофе. Ведь надо было ещё наладить массовое серийное производство, да ещё в стране, где, в отличие от Европы и США, индустриализация только началась.

И вот результат: в октябре 1930 г. «Союзкино» заказало 1000 звуковых проекторов. Однако цена их возросла с 9000 до 27 000 рублей за аппарат, а к маю 1931 г. был получен только 1 аппарат вместо планируемых 47! Советским кинофабрикам ещё долго пришлось выпускать немые фильмы, звуковые варианты немых фильмов, звуковые фильмы

и немые варианты звуковых фильмов [3, с. 44–45]. Так что «звукопроницаемые» павильоны кинофабрики на Потылихе всё равно заполнили съёмочные группы.

Первые годы после пуска кинофабрики на Потылихе работники ездили туда на трамвае, а линия доходила только до Дорхимзавода (нынешний адрес – Бережковская набережная, д. 20, т. е. половина нынешнего пути троллейбусом от м. Киевская). Чтобы продлить трамвайную линию, не хватало медной проволоки. Тогда кинематографисты собрали целую гору медных вещей: их переплавили на проволоку, и трамвай приблизился к месту работы.

Но и в первые годы звукофикации на всю кинофабрику было только два телефона. В центральном павильоне не были настланы полы, не было постоянной электропроводки – кабели втаскивали временно. Впоследствии Иван Пырьев вспоминал: «После ночных съёмок творческую группу развозили на грузовике, который в дневное время доставлял на студию уголь... Снимали мы в холодных павильонах. Зимой обычно температура здесь не превышала 3–4 градусов тепла... Но работали весело, увлечённо, потому что горячо любили наше искусство и отдавали ему все свои молодые силы» [4, с. 31].

Однако, вопреки мифу о том, что «Сталин расстрелял всех старых большевиков», судьба Шведчикова сложилась благополучно. Решением ЦК ВКП(б) его оставили первым заместителем Шумяцкого, но вскоре перевели на курортное дело, а в 1935 г. наградили орденом Трудового Красного Знамени. К тому времени Шведчиков был уже директором Всесоюзного объединения курортов и в кино больше не вернулся. Став соседом Шумяцкого по «Дому на набережной», Шведчиков, в отличие от Бориса Захаровича, благополучно пережил «Большой террор», скончался в 1952 г. и был похоронен на Новодевичьем кладбище.

Войнов вступил в Союз архитекторов и в 1954 г. унёс с собой в могилу все тайны злополучного строительства. Нелишне напомнить, что в 1926–1927 гг. закладывалась и Киевская кинофабрика, которая должна была стать больше и мощнее московской: такова была культурная политика тех лет. Возможно, и это повлияло на выбор проекта Войнова и Брокмана – более дешёвого, как казалось... Кровавая жертва, принесённая на строительстве «Мосфильма», была не последней в его истории.

В 1989 г., когда внутрипартийные оппозиции перестали считать преступлением, Рютин был посмертно реабилитирован. Брокмана и Ардатова тоже признали необоснованно репрессированными.

План перестройки «Мосфильма» был разработан к 1940 г., но его воплощению помешала война. Модернизация прошла только в 1954–

1957 гг., когда генеральным директором студии стал Иван Пырьев. В дальнейшем, особенно благодаря Карену Шахназарову, «Мосфильм» был основательно модернизирован. Но иронический отзыв Довженко об этой студии, где «везде далеко и никуда не прямо», навсегда остался актуальным. В эклектике «Мосфильма» отразилась сама история отечественного кино.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ РГАЛИ. – Ф. 2497. – Оп. 1. – Д. 5.

² РГАСПИ. – Ф. 558. – Оп. 11. – Д. 804. – Л. 10–17; Д. 753. – Л. 14.

³ РГАЛИ. – Ф. 2497. – Оп. 1. – Д. 43. – Л. 111–112.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Хан-Магомедов С. Архитектура советского авангарда : в 2 кн. Книга вторая: Социальные проблемы. – М. : Стройиздат, 2011. – 712 с.
2. Александров Г. Эпоха и кино. – М. : Изд-во полит. лит., 1976. – 78 с.
3. Тейлор Р. Борис Шумяцкий и советское кино в 30-е годы: идеология как развлечение масс // Киноведческие записки. – 1989. – Вып. 3. – С. 38–67.
4. Пырьев И. О пройденном и пережитом. – М. : Союз кинематографистов СССР, Бюро пропаганды советского киноискусства, 1979. – 160 с.

MOSFILM 90 YEARS AGO. SACRIFICE

Yu. O. Khomyakova

The article tells the story of the construction of the administrative building of Mosfilm Studio in 1927–1931 – the undeservedly forgotten “giant of the first five-year plan”. Two of Mosfilm Studio construction managers were executed as pests.

Cinema, Mosfilm, Sovkino, Soyuzkino, K. M. Shvedchikov, M. N. Ryutin, E. Yu. Brockman, V. M. Voinov, architecture, construction, sound engineering.

Раздел 4

Личность в социально-философской и психолого-педагогической рефлексии

УДК 321

ФЕНОМЕН ЛИЧНОСТИ И ГРАЖДАНИНА В XXI ВЕКЕ

О. А. Коряковцева

В статье рассматривается специфика формирования гражданина XXI века. Сделан акцент на формирование гражданской идентичности молодежи. Автор изучает личность гражданина через идеи экзистенциальной феноменологии.

Личность, гражданская идентичность, экзистенциальная феноменология, молодежь.

Состояние современного общества, его особенности и тенденции развития, безусловно, связаны с процессами «глобализации», увеличения интенсивности информации и степени открытости, размывания национально-культурных границ. Очевидно, что данные процессы оказывают сильнейшее влияние на экономическую, политическую, гражданскую, культурную и другие сферы жизни общества. Но, кроме того, они ведут и к трансформации самоосмысления и самосозидания каждой личности.

Поскольку современная общественная ситуация определяется неустойчивостью традиционно сложившейся системы ценностей, стереотипов мышления и поведения, утратой мировоззренческих ориентиров, то идеалом в обществе становится самостоятельная, активная и конкурентоспособная личность, которая вынуждена самоопределяться в условиях «кризиса идентификации». Особенно сложным процесс самоопределения и социализации представляется для молодой, становящейся личности. Указанные тенденции настоятельно требуют философского осмысления сущности человеческого бытия и специфики его существования в эпоху постиндустриального информационного общества.

Сегодня активизируются процессы конструирования, изменения и реактуализации идентичностей. Прежние социальные механизмы

идентификации не соответствуют потребностям общества, а новые еще только формируются. С одной стороны, новый тип социальности основан на сети микросообществ, которые соединены между собой все время развивающимися информационными связями и часто не зависят от социальной стратификации, уровня материального достатка, возраста участников и даже их мировоззрения. Это явление называется трайбализмом. С другой стороны, мировая глобализация вовлекает во взаимодействие разные сообщества и культуры и требует развития идентичностей, диалектически противоположных социальной стандартизации. В связи с названными процессами основными характеристиками социального бытия становятся толерантность, плюрализм, космополитизм, глобализм.

Таковы условия «открытого общества», где в индивидуальном и общественном сознании возрастает неуверенность, рушатся традиционные ценности и фундаментальные социальные структуры. Проблема выбора и самоопределения индивида усложняется, он «вынужден находить собственные решения в ответ на возникающие коллективные противоречия» [4]. Речь идет не просто об индивидуализации, а о «массовом субъективном повороте» [17]: люди стремятся найти собственный путь к самореализации, что особенно значимо для молодежи.

Американский социальный философ А. Этциони справедливо утверждает, что если XX век – это борьба идеологий, то социальные процессы XXI века будут определяться вызовами идентичности [16].

Для России, как и для всего мирового сообщества, характерен кризис как индивидуальных, так и коллективных идентичностей, наблюдаются проявления полиидентичности и «размытой идентичности» [8]. Но феномен современной России в том, что её социальная система находится в состоянии трансформации и являет собой переходную форму между коллективной и индивидуалистической [5].

В современной науке понятие идентичности достаточно плюралистично, но представленным выше выкладкам на 100 % соответствует определение идентичности, данное А. Туреном: «...осознанное самоопределение социального субъекта» [13, с. 83]. В данном аспекте экзистенциальная ситуация осознания бытия-с-другими является основой идентичности, способной преодолеть как существующий кризис социума, так и кризис индивидуальности.

Таким образом, отправной точкой для решения проблем формирования социальной, и в том числе гражданской, идентичности послужила созвучная, по нашему представлению, современному гуманитарному личностно-ориентированному подходу к образованию экзистенциальная феноменология Э. Гуссерля [3] и А. Шюца [15]. В основе данной философской концепции лежит представление о субъективно осознанной со-

циальной коммуникации и взаимодействию людей как базисе идентичности.

Именно экзистенциальная феноменология выводит смысл вещей из субъективности (правда, в её обусловленности миром, физиологией и множественностью), а не из сущностно обоснованной объективности. Именно в ней нашли свое отражение «вечные» темы экзистенциальной философии как атеистической, так и религиозной ориентации, которые стремились разрешить Ж.-П. Сартр и А. Камю, М. Хайдеггер и К. Ясперс, Н. А. Бердяев и Ф. М. Достоевский, М. Буббер и Э. Фромм и др. Это вопросы о соотношении индивидуального и коллективного, о смысле человеческого существования и его перспективах, о свободе и разрушении ядра традиционного общества, о сущности и причинах социального отчуждения [6].

Философское осмысление сущности человеческого бытия и специфики экзистенции человека в каждый исторический период приобретает свое звучание. В социально-практическом аспекте исследования указанных экзистенциальных проблем в условиях постиндустриального информационного социума, общественной трансформации и ускоренного включения в интеграционные процессы становятся крайне значимыми.

Предлагаемые нами пути преодоления кризиса самоопределения современного молодого человека, в том числе и формирования его гражданской идентичности, опираются на методологическую скрупулезность и глубину осмысления важнейших аспектов человеческого существования, присущих экзистенциальной феноменологии. Выявление истоков и адекватных способов решения проблем человека и общества в условиях модернизации России как в сфере духовности и морали, так и в процессе выбора ценностей и основ взаимодействия с другими людьми с позиций гражданственности – вот основное содержание наших исследований в рамках научной лаборатории «Изучение гражданской идентичности студенческой молодежи: сущность, условия развития, перспективы [9].

Одной из характеристик экзистенции человека в экзистенциальной феноменологии становится «со-бытийность»: бытие с другими и темпоральность одновременно, – что имеет как позитивный, так и негативный смыслы. Негативный смысл связан с постоянным существованием человека в пространстве публичности, что ведет к отказу от реализации своих возможностей бытия. Позитивный смысл заключается в признании возможности индивидуализации человека не в самоизоляции, а в со-бытии с другими, где только и возможно постижение уникальности каждого.

Очевидно, что отказ экзистенциальной феноменологии от субъект-объектных методических приемов естественных наук и развитие гуссерлевской идеи интуитивного видения сущности привели к решению «мировоззренческой» задачи преодоления духовного и культурного кризиса человечества в целом и личности в частности посредством процесса взаимного раскрытия и преобразования, результатом которого являются перемены целостного мировосприятия человека. Экзистенциальный выбор, переход от одного модуса к другому требуют изменения образа мышления, осознания человеком самого себя и своей роли в общей системе, а также – проявления воли.

От чего же зависит этот выбор? Несомненно, как от личностной позиции человека, так и от окружающего его социума.

К изучению личности в философии прослеживаются три подхода:

1. Личность = уникальность, индивидуальность (Боэций, Юм, Кант).
2. Личность = совокупность общественных отношений (Маркс, Энгельс).
3. Личность = дуализм индивидуального и социального, единичного и общего, индивидного и коллективного (Гегель, Бентам).

Безусловно, личность как аспект философского рассмотрения многогранна и многоаспектна. Но феноменологический подход требует обращения к идеям основоположника философской антропологии М. Шелера. По его мнению, собственная сущность человека находится за пределами его биологического и социального существования, она лежит в его духовности, возможности человека быть личностью [14].

Выдающийся представитель русского религиозного экзистенциализма Н.А. Бердяев называл личность духовной сущностью и считал, что «активность человеческого духа» должна определять «активность его действий» [1, с. 21; 2, с. 353]. Данную точку зрения поддерживаем и мы [7]. Именно на этих постулатах мы предлагаем выстраивать технологии формирования гражданственности молодежи.

Еще одним направлением, которое развилось в недрах феноменологии, является социальная феноменология, основоположником которой стал австрийский философ и социолог Альфред Шюц. Он исходил из концепции «жизненного мира» Э. Гуссерля как непосредственно переживаемого опыта и идеально-типизирующей синтетической методологии М. Вебера. Как социолог А. Шюц искал в сущем мире причины появления и существования всех стабильных систем взаимодействия, всех крупных устойчивых социальных структур. Но ему важно было понять, как та или иная объективность возникает в ходе обычного человеческого взаимодействия и в чем смысл ее существования для общества и личности. Таким образом, социальная феноменология учитывает

жизненные реальности человеческого мира посредством обращения к его жизненным смыслам. А Человек в истории общества существует и как ее «предпосылка», и как ее «результат». Следовательно, смыслы, конституируемые социальным субъектом, и составляют сущностную основу социально-гуманитарного объекта познания. Отсюда становится очевидным, что смысловая структура социальной реальности задана смыслами социокультурного сообщества. Таким образом, методология социальной феноменологии кажется нам действенным инструментом познания объективированной субъективности, который позволяет понять субъективное восприятие социальных процессов, т. е. «субъективную мотивацию действующего лица» [11], что особенно важно в работе с молодежью.

Современная философия личности развивает идеи как экзистенциальной, так и социальной феноменологии (В. В. Губин, Е. Н. Некрасова, Э. В. Ильенков, С. Крапивенский, Н. М. Смирнова и др.), подчеркивая, что физиологическая индивидуальность выступает лишь предпосылкой для того, чтобы индивид стал личностью, которая формируется под воздействием социальной среды. Личность – это сплав социально-общего и индивидуально-неповторимого, коллективное в личности индивидуализируется, превращается в смысложизненное, а значит, становится индивидуально-духовным. И нельзя не согласиться с О. А. Митрошенковым, что личность в своей сущности – это индивидуально-духовное в человеке, возникшее на основе индивидуально-природных задатков и факторов социальной среды (О. А. Митрошенков). А мерилем уровня индивидуально-духовного и его тождества общечеловеческому духовному, на наш взгляд, выступает деятельность личности. «Активность духа» порождает соответствующую ему «активность действий».

Вышесказанное делает необходимым обращение к двум «вечным вопросам» философии: в чем смысл человеческого существования и каково в нем соотношение индивидуального и коллективного? – поскольку они непосредственно связаны с самоопределением современной молодежи, а значит, и с формированием ее гражданской идентичности [10].

Общество создается людьми, его история – это деятельность человека, преследующего свои цели. Любое первичное действие принадлежит индивиду, включенному своим происхождением, воспитанием и профессией в определенные группы и в общество в целом. Внутренний мотив – это, прежде всего, потребности: материальные и духовные; индивидуальные и общественные; стратегические и сиюминутные; здоровые и нездоровые, – которые часто вступают в противоречие. Для формирования гражданской ответственности необходимым условием является, чтобы потребности индивидуальные и общественные совпадали, чтобы

сиюминутные порывы не побеждали. Так, например, перестройка в России не удалась, поскольку сиюминутные потребности и индивидуальные интересы определенных слоев общества взяли верх. Встает целый ряд вопросов: гражданственность – это духовная или материальная потребность? Индивидуальная или общественная? Стратегическая или сиюминутная? Какой интерес лежит в ее основе?

Общеизвестно, интерес есть осознание потребности, продукт общественного развития, причина индивидуальных и групповых человеческих действий. Определенные интересы часто возникают под воздействием идеологии (например, нацизм), поэтому неудивительно, что с «уходом» коммунистической идеологии в российском обществе остро встал вопрос о Национальной Идее, необходимость которой в работе с молодежью неоднократно подчеркивается в наших работах [8].

Побуждением к конкретному действию является стимул как отражение интереса в сознании людей. Активное деятельностное отношение человека к миру, т. е. общественно-историческая практика, требует в первую очередь формирования у молодежи активности духа, иначе субъективный фактор в истории не сработает. Мы согласны с С. Крапивенским [12], что общество развивается усилиями субъектов, но в ходе социальной деятельности меняется и сам Человек.

Гражданская деятельность – часть общественной (социальной) практики. Следовательно, сегодня требуется расширение пространства такой социальной практики, в ходе которой молодой человек осознавал бы себя Гражданином. Но при этом не следует забывать о ряде биологических особенностей детей и подростков, прямо влияющих на социальную жизнь, на которые указывают А. Розе (США) и Я. Щепаньский (Польша) [12]: длительная зависимость детей от родителей (долгая опека со стороны взрослых); медленное взросление; долгое обучение и социализация; пластичность, врожденные импульсы и потребности. Все это способствует развитию сложных образцов поведения и приспособлению, в том числе и социализации, а значит, именно в этот благоприятный период роста человека необходимо закладывать основы гражданской идентичности и в системе социальных связей формировать социокультурные мотивы.

Традиционная модель сопряжения индивидуального и коллективного определялась тем, что человек может проявляться как индивид только в пределах, заданных его социальной группой. Но в XXI веке изменения социума и культуры, их плюрализм и внутренняя противоречивость провоцируют развитие метакультурной индивидуальности. Сегодня отношения индивида и социума эластичны и многогранны, а значит, созданы условия для более широкого проявления его индивидуаль-

ности. Автономия индивида растет, что, с одной стороны, ведет к одиночеству и возможности манипулировать его сознанием и поведением, а, с другой стороны, способствует возвышению самости Человека, укрепощает его творчески.

Эта противоречивость отражается на развитии потребностей и мотивов современного человека. В развитых слоях общества, где забота о пропитании уходит на второй план, материальное богатство уже «не обожествляется», Человек ищет другие точки приложения своим силам, например, распространяются антииндустриальные, антиглобалистические теории, растет активность экологических движений и т.п. Меняется характер требований к содержанию и результатам труда, наступает глубокий перелом в общественных настроениях. Так ли это в России?

Вероятно, российское общество в целом сегодня живет идеей «заработать на приличную жизнь» и мы еще не насладились благами цивилизации. Но в то же время в нашем сознании еще сохранились традиционные для Руси идеи святости, странничества, подвижничества и жертвенности во имя Высшего Блага, которым всегда почиталось Благо общества и Отечества. Все сказанное подтверждается результатами экспериментального исследования гражданской идентичности молодежи, представленными в монографии.

Но опыт прошлого как образец для подражания сегодня не совсем годится, хотя в ответах ряда студентов акцент с количества (степень материального достатка) переносится на качество и новизну благ и услуг, на возможности проявить свою самостоятельность и способности в профессии и общественной жизни. Очевидно, что нужны новые способы ориентации молодых в действительности.

Массовый стандарт в отличие от ценностей традиционной групповой культуры не закрепляет личную идентичность, не дает готового ответа на вопросы: Кто Я и с кем Я? К чему Я должен стремиться и почему?

Сегодня молодому человеку приходится делать собственный выбор из возможных вариантов, определять свое отношение к себе и к миру. Поле свободного самоопределения широко. На ранних этапах становления личности этот выбор очень труден. По нашему мнению, задача системы образования – помочь в главном: в становлении и развитии гражданской идентичности. Иначе в России не может быть сформировано развитое гражданское общество, о котором так много говорят видные политики и СМИ. Кроме того, следует помнить, что в самой молодежной среде в связи с недоверием к интеллектуальной компетентности общественных и политических институтов и их информации идет поиск новых форм социальной активности и общения, который выражается в повсеместном распространении неформальных движений.

Следовательно, эффективная модернизация современного образования невозможна без философского осмысления. Философия образования призвана определить философско-антропологическую основу понимания личности ребенка, сущности и целей образования; выявить гносеологические принципы процессов познания и обучения; обозначить методологическую основу дидактики. Для исследования процессов в молодежной среде и условий формирования гражданской идентичности особенно важно делать акценты на ценностную шкалу и мировоззренческие ориентиры личности в современной культуре, определять социокультурные основания жизни личности и общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бердяев Н. А. Мое философское мирозерцание // Н. А. Бердяев о русской философии. – Свердловск, 1991. – Ч. 1. – 287 с.
2. Бердяев Н. А. Смысл творчества // Бердяев Н. А. Философия творчества, культуры и искусств : в 2 т. Т. 1. – М. : Искусство, 1994. – 542 с.
3. Гуссерль Э. Избранные работы. – М. : Территория будущего, 2005. – 465 с.
4. Давыдов О. Б. Диалектика индивидуальной и коллективной идентичностей // Научно-техническое и экономическое сотрудничество стран АТР в XXI веке : материалы всерос. науч.-практ. конф. – Хабаровск, 2011. – С. 43–47.
5. Доссэ Т. Г., Бугайчук Т. В. Идентичность как объект исследования социальных наук // Ярославский педагогический вестник. – 2013. – Т. 2, № 3. – С. 212–217.
6. Коряковцева О. А., Доссэ Т. Г. Феноменологический подход к формированию гражданской идентичности российской молодежи // Ярославский педагогический вестник. – 2016 – № 6. – С. 29–35.
7. Коряковцева О. А. Общественно-политическая активность молодежи: сущность, технологии и опыт компаративного анализа. – Ярославль : ЯГПУ, 2008. – 188 с.
8. Лекторский В. А. Проблема идентичности в современном российском обществе и школа. – М. : 2009. – 349 с.
9. Молодежь России: феноменология гражданственности : коллективная монография / под науч. ред. О. А. Коряковцевой. – Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 2014. – 162 с.
10. Смирнова А. Г. Идентичность в меняющемся мире. – Ярославль : Принт-М, 2002. – 130 с.
11. Смирнова И. М. Социальная феноменология в изучении современного общества. – М. : Канон+ ; РООИ «Реабилитация», 2009. – 400 с.
12. Социальная философия / отв. редактор С. Э. Крапивенский. – Волгоград : Изд-во Волгоград. гос. ун-та, 2000. – 320 с.
13. Турен А. Возвращение человека действующего. – М. : Научный мир, 1998. – 204 с.
14. Шелер М. Избранные произведения / пер. с нем. ; сост., науч. ред., предисл. А. В. Денежкина; послесл. Л. А. Чухиной. – М. : Гнозис, 1994. – 413 с.
15. Щюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. – М. : РОССПЭН, 2004. – 1056 с.
16. Этциони А. От империи к сообществу. Новый подход к международным отношениям. – М. : Ладомир, 2004. – 384 с.
17. Taylor, Ch. 1989: Sources of the Self: The Making of the Modern Identity. – Cambridge : Cambridge University Press. – P. 108.

PHENOMENON OF PERSONALITY AND CITIZEN IN THE XXI CENTURY

O. A. Koryakovtseva

The article examines the specifics of the formation of a citizen of the XXI century. Emphasis is placed on the formation of the civic identity of youth. The author studies the personality of a citizen through the ideas of existential phenomenology.

Personality, civic identity, existential phenomenology, youth.

УДК 141.32

ПРОБЛЕМА ОСНОВАНИЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ В ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ ЭПОХИ

В. Ю. Яковлев

В статье анализируются основания рациональности в контексте ценностно-смысловой трансформации экзистенции человека в условиях современного развития информационных технологий, формирования цифрового пространства общества, как условия жизнедеятельности человека.

Онтология, антропология, экзистенция, бытие человека, рациональность, наука, миропонимание, философия, цифровая реальность, культура, коммуникация.

Проблема оснований рациональности как основанном на разуме отношении человека к миру является классической для философии, независимо от ее направленности. Потребность в экспликации априорных предпосылок разума возникает всякий раз, когда в самой человеческой деятельности происходят радикальные трансформации, ставящие под сомнение устоявшиеся идеалы и принципы мышления, ставится вопрос о мировоззренческих основаниях культуры, в которой разум и научно-технический прогресс являются определяющими факторами жизнедеятельности человека.

Актуальность проблемы обусловлена тем, что идеалы и нормы классической рациональности, которая сформировалась в эпоху модерна, в настоящее время переживают кризис, характеризующий неблагополучие современной техногенной цивилизации с ее антропогенными, экологическими, социально-гуманитарными проблемами, результатом которых становится «коррозия» мировоззренческих принципов человека, его неразумного отношения к миру.

В таких обстоятельствах вопрос о рациональности с необходимостью приобретает метафизический, антропологический характер, ибо, говоря о рациональности, мы, по сути, имеем в виду особый тип экзистенциального отношения человека к миру, социальное бытие человека. Проблема рациональности включает в себя онтологическую составляющую того, как соотносятся разумные и неразумные аспекты сознания и деятельности, научные и ненаучные формы мышления, рациональные и иррациональные модусы сознания, исторические типы рациональности в их социально-культурной детерминации.

«Разум и экзистенция» называется известная работа К. Ясперса, в которой речь шла о судьбах культуры в духовных коллизиях массового общества, в котором «разум не осуществляется» в его системном соотношении со смыслом бытия человека. В западном обществе не приметно произошли глубокие ценностно-смысловые трансформации, «не-что чудовищное: распад всех авторитетов, радикальное разочарование горделивого доверия к разуму, разложение всех связей, которые, казалось бы, делают отныне возможным все, абсолютно все» [1, с. 11]. Это не частное заблуждение, а субстанциональный процесс существования человека в мире в ситуации ценностной аберрации, которую Ф. Ницше кратко охарактеризовал словами: «Бог умер», – поэтому все дозволено. На пути отрицания традиционных ценностей на карту ставится само существование человека в экзистенциальном его измерении, в контексте которого способ социального бытия человека определяет сущностные основания его жизнедеятельности. Природа этих изменений анализируется К. Ясперсом в кантовском смысле – как априорное условие возможности бытия человека в мире. Пафос его экзистенциальной философии заключается не в манифестации механической связи разума и экзистенции, а в их онтологическом взаимодействии.

Трансформация метафизических принципов современной культуры знаменуют поиск новых смыслов рациональности, которые должны способствовать гармонизации норм деятельности человека и его духовно-практического отношения к миру. Говоря об экзистенции, современная философия поднимает вопрос о смысле бытия в антропологическом, метафизическом его ракурсе: почему вообще есть сущее? Как оно соотносится с человекоразмерным бытием, сопричастным со смыслом «подлинного» и «неподлинного» человеческого существования.

Призыв быть, а не существовать в отчужденном техногенном мире, основной мотив экзистенциальной философии, т.к. вместе с ростом техногенной цивилизации возрастает процесс отчуждения людей от результатов их собственной деятельности, которая становится выше своего создателя, подчиняет и подавляет его. В XX веке в эпоху господ-

ства техники человек становился функциональным «винтиком» и придатком производства. В результате этого процесса, как метафорически отметил О. Шпенглер: «Властелин мира сделался рабом машины. Она принуждает его, нас, причем всех без исключения, ведаем мы об этом или нет» жить и действовать по ее лекалам [2, с. 458].

Наряду с техногенными источниками отчуждения современная эпоха характеризуется новой «мерой» отчуждения человека. Для «поколения Z», включающего людей, родившихся в начале XXI века, цифровые виртуальные сети являются априорной средой жизни, более значимой для коммуникации, чем реальным мир в его повседневности. В процессе перехода к цифровому информационному обществу, основанному на компьютерных технологиях, глобальной сети интернет, персональных гаджетах, изменяется не только техника, но и сам человек в его экзистенциальном пространстве, которое подчиняется чуждым для его природы законам.

Создание новых компьютеризированных технологий, привнесение их в жизнь порождает фундаментальные изменения всех сторон социальной деятельности, включая «культурные индустрии», к которым относят рекламу, телевизионное и интернет-вещание, киноиндустрию, медийное производство, дизайн, индустрию развлечений. Концепт «культурная индустрия» объединяет два противоположных понятия: культуру с ее совокупностью индивидуальных смыслов, творческим началом и индустрию как сферу массового производства, основанного на унификации и формализации актов творчества. В сфере кинопроизводства, например, эти противоположные начала образуют единое целое: техника тиражирования киноплёнки не просто позволяет обеспечить «непосредственное массовое распространение кинофильмов, скорее, она прямо-таки принуждает к этому» [3, с. 72].

Вместе с тем, техническая возможность тиражирования уникального произведения искусства нивелирует и упрощает духовный результат. «Несмотря на весь достигнутый прогресс в сфере техники изображения, в сфере регулирования и специализации, несмотря на всю неумность функционирования, хлеб, который скармливает культуриндустрия человеку, остается не чем иным, как камнем стереотипа» [4, с. 187]. Понятие культурной индустрии М. Хоркхаймер и Т. Адорно использовали для экспликации нового способа реализации культурного проекта, который стал доминирующим в условиях капитализма, где творческая деятельность приобретает форму товара, ценность которого определяется не столько художественными достоинствами произведения, сколько экономической логикой рынка.

В современную эпоху появились новые средства аудиовизуального тиражирования культуры и искусства. Специфическое отличие инноваций в том, что не только копия культурного продукта, а само его содержание с помощью новых технологий создается индустриальным способом. Экспозиционные возможности компьютерной техники при создании произведения, опирающиеся на эффекты человеческого восприятия, позволяют смоделировать такую виртуальную ситуацию, которая невозпроизводима самим человеком в принципе: они позволяют поместить зрителя, например, в каплю воды или взглянуть на Землю со стороны Юпитера. Привлекательным свойством этого специализированного сегмента рынка стало то, что потребители объектов культурного назначения сами стали выступать в роли понимающих и взыскательных экспертов.

Взаимодействие мультимедийных цифровых технологий, компьютерных сетей интернет, телевидения и других средств аудио- и видеокоммуникации создает условия для экспансии культурных индустрий в сферу СМИ, развлечения, образования, открывает перспективы для интерактивного взаимодействия потребителя и производителя символических продуктов: социальных смыслов и текстов. Динамичное развитие компьютерных технологий коммуникации способствует сближению культурных индустрий с производством электронных устройств, осуществляющих автоматизированную обработку данных (big data), социальных медиа, сети интернет с индивидуальными характеристиками контента, выбираемого по желанию потребителя, ведет к расширению сферы цифрового пространства современного человека, которое формируется информационно-коммуникативной средой внутри общества, как его «дополнительная» реальность. Эта новая цифровая онтология, ставшая средой коммуникации, средством получения информации, знаний, образования и досуга, существует по своим объективным законам, которые нуждаются в рефлексивном осмыслении для противодействия гуманитарным издержкам и дисфункциям их развития. Наиболее значимыми свойствами этой социальной онтологии с ее гетерогенными способами легитимации и социальными практиками являются:

1. Праксеологический эффект цифровой реальности: характеризует «реальный» в социально-практическом отношении, а не «виртуальный» способ воздействия на личность в системе коммуникации.
2. Полиструктурный симбиоз компьютерных технологий, культурных индустрий, конструирования социальных смыслов и модальностей.
3. Атомизация социальных контактов пользователей интернета в процессе социализации и адаптации в обществе, формализация общения.

4. Риски трансформации социальной идентичности личности в контексте многообразных поведенческих ценностей, изменение представлений человека о самом себе в процессе анонимного общения. Утрата идентичности чревата маргинализацией личности в системе социально-культурных отношений.
5. Коммодификация творческой деятельности посредством овеществления ее результатов и оценки со стороны потребителей целевой аудитории, способной определять релевантную ценность культурного продукта представленного на глобальном рынке. Аудиторией потребителей потенциально выступает все общество (например, в телеиндустрии). При этом телевизионная аудитория в свою очередь сама становится специфическим «товаром» для медийных компаний, нуждающихся в ресурсах заказчиков рекламного бизнеса, оплачивающих доступ к целевой аудитории.
6. Приоритет эмоционального воздействия информационно-коммуникативного контента над его смыслом и содержанием.
7. Когнитивные искажения восприятия и интерпретации лавинообразного потока информации в сети интернет, которые возникают в результате дисфункций мышления, перцептивной системы интерпретации чувственных образов реальности. Тенденция находить информацию, которая подтверждает сложившееся собственное мнение, а не противоречит ему. Объективная информация, не укладывающаяся в «прокрустово ложе» исходной картины мира, отвергается или маркируется как не существенная, не важная.
8. Гибридный характер психологического целеполагания индивидом в процессе информационного поиска в системе СМИ и коммуникации.

Стремительно развивающаяся информационно-коммуникативная среда изменяет жизненный уклад, видоизменяет личность, общество и культуру современного человека. Данные трансформации затрагивают не только «внешние» системы коммуникации, но отражаются на структурах мышления. В процессе «цифровизации» социума происходит модификация сложившейся системы общественных отношений и возникновение новых связей, не предполагающих непосредственной интеракции человека: виртуальные логины, сетевые имена (nickname), компьютерные IP-адреса пользователя, которые открывают доступ или блокируют путь в мир виртуальных вещей, существующих не автономно, а благодаря информационным базам данных.

Совокупность направлений и качественные границы этих изменений динамичны и многообразны, гетерогенны, не полностью ясны, одна-

ко будет ошибочно отрицать экзистенциальное воздействие цифровых технологий на человека в процессе перехода к цифровой экономике.

Мы живем в мире цифровых технологий, информационная среда дает возможность познавать мир, работать над совместными проектами, обмениваться опытом, общаться независимо от места нахождения. Однако эти технологии как продукт деятельности человека не являются нейтральным средством: они изменяют сознание и мышление современного человека. Если риски и дисфункции этого процесса не взять под контроль, то они могут неявно влиять на привычки, мнения, действия людей таким образом, что потребитель информации этого даже не заметит.

Цифровое пространство, в которое погружен современный человек, становится новой метафизической реальностью, наделяющей виртуальный мир реальными человеческими смыслами и переживаниями. Сегодня человек потребляет столько информации в день, сколько за всю свою жизнь в недавнем прошлом. Набрав в поисковой строке интернет-браузера информационный запрос, мы получаем огромный массив данных, который не в состоянии прочитать и осмыслить. Онлайн-коммуникация, социальные сети, электронные форумы и библиотеки дают возможность исследования и структурирования больших объемов информации, и одновременно с этим ставят перед современным пользователем интернета новые проблемы.

Это связано с тем, что получение достоверной объективной информации – сложный, медленный процесс, не гарантирующий быстрого положительного результата, в то время как повседневное получение информации – быстрый, эмоционально комфортный процесс, настроенный на подтверждение мнения. Обилие неструктурированной информации, многообразие стандартов и фильтров ее отсеивания приводит неподготовленного человека к отказу от критического ее осмысления, руководствуясь в оценке информационных данных конформистскими стереотипами, ориентированными на коллективное социальное верование.

Примером когнитивных дисфункций является феномен постправды (post-truth), тесно связанный с культурой постмодерна, характеризующий невосприимчивость общественного сознания в «цифровом обществе» к объективным фактам и доводам. Быстро обновляемый контент, поток информации, обрушивающийся на потребителя каждый день, не способствует выявлению и рациональной оценке логических доводов сообщений СМИ, критическому анализу информации. Верифицированные факты перестают соотноситься с реальностью, а отождествляются с мнениями.

Понятие истины в постмодернистской философии объявляется не только устаревшим, но и вредным, так как вера в нее может приводить

к бессмысленным жертвам и репрессиям. Выход из кризиса современной метафизики видится в плюрализме интерпретаций, в иронии по отношению к «большим нарративам» классиков (Ж. П. Лиотар). Мерилом правды становится не истина, а личное предубеждение, ангажированное медийным рынком, где каждый имеет право на собственное мнение, а факты производятся и конструируются в цифровом пространстве коммуникации.

Эффекты постправды мы обнаруживаем в контенте, который эксплуатируется бизнесом и рекламой, апеллирует к легким популистским решениям и, по сути, является манипуляцией, вводящей в заблуждение, так как информации пытаются придать искаженный смысл, который резонирует с предубеждениями граждан. Факты, не вписывающиеся в медийный нарратив, отвергаются, а восприятие информации выстраивается вокруг мнений и предубеждений.

Таким образом, новая цифровая среда жизнедеятельности современного общества объективно предполагает соответствующую рискам этическую систему коммуникации в информационных технологиях, ставит экзистенциальный вопрос о смысле бытия человека в мире информационных систем, функционирующих по иным законам, отличным от классических законов природы, общества и мышления. Мы несем ответственность за свое бытие, и освободить от нее никто нас не может.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ясперс К. Разум и экзистенция. – М. : Канон+ ; РООИ «Реабилитация», 2013. – 336 с.
2. Шпенглер О. Человек и техника // Культурология. XX век. Антология. – М. : Юристь, 1995. – С. 454–494.
3. Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости // Избранные эссе / под ред. Ю. А. Здороваго. – М. : Медиум. 1996. – С. 66–91.
4. Хоркхаймер М., Адорно Т. Диалектика Просвещения. Философские фрагменты. – М., СПб. : Медиум-Ювента, – 1997. – 312 с.

THE PROBLEM OF FOUNDATIONS OF RATIONALITY IN EXISTENTIAL AND CULTURAL CONTEXT MODERN ERA

V. Yu. Yakovlev

The article analyzes the foundations of rationality in the context of the value-semantic transformation of human existence in the context of the modern development of information technologies, the formation of the digital space of society, as a condition of human life.

Ontology, anthropology, existence, human being, rationality, science, worldview, philosophy, digital reality, culture, communication.

УДК 008.2; 17.023.1; 004.9:351

**«ФИЗИКИ» И «ЛИРИКИ»
КАК ПЕРСПЕКТИВНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ
СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ДИСКУРСА:
К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ
НОВОГО ТИПА РОССИЙСКОГО ИНТЕЛЛИГЕНТА**

Н. Е. Мусинова, И. П. Петрюк

В статье доказывається актуальность экзистенциальной дискуссии «физиков» и «лириков» в свете формирования нового типа мышления современного общества – «электронного» мышления. Обосновывается необходимость формирования нового типа российского интеллигента с позиции гуманизма и духовно-нравственных ценностей.

«Физики» и «лирики», новый тип российского интеллигента, «электронное» общество, «электронное» государство, «электронное» мышление.

Современное экономически озабоченное общество капитализма, похоже, пришло в тупик. Идеалы, обозначенные в денежном эквиваленте, себя во многом дискредитировали. Да и были ли они? Если да, то связаны ли они с идеями гуманизма? Скорее нет, поскольку главное в обществе жесткой рыночной конкуренции – капитал, прибыль предприятия, фирмы и т. д., зачастую любой ценой, в обход закона (какое там правовое государство?!), морали (какое там гражданское общество?!). Особенно ярко эта патовая ситуация обозначилась в условиях пандемии 2020 года. Опустим здесь размышления о конспирологических теориях, что-де крупные корпорации договорились и, прикрывшись мировой эпидемией коронавируса, «под шумок» занимаются переделом сфер экономического влияния – отсюда девальвация ряда валют, скачки (вплоть до отрицательных показателей!) цен на нефть и т. д. и т. п. Будем считать, что всё это чудесным образом совпало. И мировое сообщество перешло в иной формат жизнедеятельности. Государства большинства стран мира «вынуждены» принять соответствующие меры. Какие? Не только «посадить» людей на карантин (акция «сидим дома»), но и перевести общество на виртуальную, цифровую платформу взаимодействий. При этом и государство не пало, и мир не развалился.

Обучение школьников и студентов худо-бедно осуществляется. Учителя быстро, опытным путем освоили программы по дистанционному обучению. Сами собой «отпали» недееспособные производства и структуры (и без них обошлись). Многие элементы государственной системы шустро перешли в виртуальное пространство, в онлайн-режим:

предоставление в электронной форме государственных услуг населению, электронные пропуска, электронные договоры, электронные подписи, электронные деньги и т. д. По сути – формирование электронного мышления человека и общества.

Это новый тип мышления (*безусловно, экономическая составляющая осталась, но уже не только она*). В чем его особенность? И каковы пути развития? И не исчезнет ли сам человек в бесконечных электронных алгоритмах и инструкциях в этом электронном мире, где есть бесконечный набор личных кабинетов с логинами и паролями? Где все документы существуют «в цифре»: свидетельство о рождении, паспорт, трудовая книжка и т. д.? Где люди «добровольно» соглашаются на обработку своих личных данных? Где повсеместно работают программы по распознаванию лиц? А в условиях пандемии COVID-19 осуществляются онлайн-конференции, онлайн-совещания, онлайн-путешествия, онлайн-свадьбы, онлайн-похороны?

Здесь-то и должна актуализироваться экзистенциальная дискуссия «физиков» и «лириков». «Физики» – люди с математическим складом ума, рационалисты, ученые, технари; «лирики» – гуманитарии, философы, люди искусства, мечтатели. Эта приблизительная характеристика двух условных групп людей, которая сформировалась еще в 60-е годы прошлого века, а то и раньше. Кстати, само выражение, противопоставляющее значение физиков-ученых, работающих в области точных наук, значению поэтов, творящих по иррациональному вдохновению, возникло из так озаглавленного стихотворения Бориса Слуцкого, напечатанного в «Литературной газете» 13 октября 1959 года: «Что-то физики в почете, что-то лирики в загоне. // Дело не в сухом расчете, дело в мировом законе» [4]. В активной дискуссии, развернувшейся тогда в советской печати, было установлено, что главная мысль стихотворения Б. Слуцкого следующая: наука и искусство являются теми взаимодействующими элементами развития общества, которые формируют гармоничную человеческую личность. После этой дискуссии слова «физики» и «лирики» стали употребляться в значении: люди науки (технари) и люди искусства (гуманитарии).

Как мы знаем, в то время физики и лирики (к слову, не только в нашей стране) спорили между собой, за кем будущее человечества. В настоящее время вопросы будущего и движущей силы развития человеческой цивилизации тоже стоят очень остро. Для нашей страны в свете процесса глобализации этот вопрос также крайне актуален, тем более что Россия, несмотря на мощное давление извне, не собирается терять своё геополитическое влияние и социокультурную идентичность в современном полицентричном мире. В лоне этой дискуссии и должен

сформироваться новый тип российского (русского, если угодно) интеллигента, «обладающего критическим способом мышления, высокой степенью социально-психологической рефлексии, способностью к систематизации знаний и опыта» [1] в условиях нового типа общества и государства.

Какой он, современный российский интеллигент, способный не только осмыслить происходящее, критически подойти к пониманию сложных процессов «цифровой» «матричной» действительности, но и предложить пути спасения человека-гражданина в рамках лучших традиций гуманистической морали?

Обобщенный образ интеллигента (если его попытаться создать) отечественного «разлива» в разные исторические периоды развития нашей страны несколько менялся – была в нем и философствующая отрешенная брезгливость, и предреволюционная жаркая «идейность», и «застойный» созерцательный конформизм, и бунтующее романтическое диссидентство, и продуктивная поисковая диалогичность, и т. д., но всегда – высокий уровень интеллекта и вариативность мышления, которое сопрягало «старое» и «новое», «горнее» и «дольнее», разум и чувство, свободу и волю и определяло вектор прогрессивного развития нашего общества. То есть (в хорошем смысле слова) российскому (русскому) интеллигенту безразлично собственное историко-культурное наследие, но в то же время он готов к его переосмыслению, если для этого есть веские причины.

Современное электронное общество формирует электронное мышление, которое должно зиждиться на образовании нового типа, на новейших педагогических технологиях, основной принцип которых – **синтез** физико-технического и гуманитарного знания [2]. Можно предположить, что лет через пять в мире не останется ни одного университета без базового курса цифровых технологий. Уже сегодня прогрессивно мыслящим работодателям требуются, скажем, не просто пресловутые IT-специалисты, а такие, у которых на первом месте стоят вопросы коммуникации в межкультурной среде, умения презентовать свой проект и объяснить перспективы и результаты своей работы не только целевой аудитории «компьютерщиков», но и самым разным категориям лиц, в том числе иноязычных. А для этого однозначно нужны гуманитарные знания, которые лежат за границами IT-профессии.

На современном этапе развития техники и технологий возникает «парадоксальная» ситуация – «лирики» должны стать немного технарями, и это не только компьютерная грамотность и навыки работы с высокотехнологичными гаджетами, которые широко вошли в нашу жизнь, но и способность ориентироваться в последних достижениях химии,

физики, механики, которые активно входят в наш быт [3]. Любой человек, в том числе и «лирик», должен уметь отличать правду от вымысла в том огромном информационном потоке, который на него обрушивается на каждом шагу. И это важно не только с практической точки зрения (покупка бесполезных или малополезных товаров, оплата ненужных услуг и др.). Это важно и с позиции эмоционального состояния: осознание обмана производителя (или продавца), неспособность соответствовать современному уровню создают не только дискомфорт, но и постепенно формируют состояние стресса, что проявляется в раздражительности, постоянном недовольстве собой и окружающими, апатии, хронической усталости и в ряде других негативных проявлениях.

Поэтому можно говорить о необходимости взаимного движения физиков и лириков навстречу друг к другу. Как показывает развитие общества, это нужно обеим сторонам.

Соответственно, со временем человечество будет иметь все больше **гибридных образовательных траекторий развития**.

Если этого не будет, то алгоритмичная цифровая экономика, сфера услуг, многофункциональное взаимодействие индивидов «на удалёнке» и т.д. превратит человека (и общество) в некий управляемый «бездушный» механизм, цель которого – в кратчайшую единицу времени выполнить ту или иную операцию. То есть органическая социальная система будет превращаться в механическую систему. Этого нельзя допустить, ибо на этом пути наше будущее predetermined – люди рано или поздно «по доброй воле» превратятся в биороботов с большей оперативной памятью и выносливостью, чтобы быть конкурентоспособными в мире электронного кодированного техницизма.

Чтобы уберечь себя от несвойственной антигуманистической (по сути, нечеловеческой) цивилизации, уже сегодня человек-интеллектуал, Интеллигент, высокий уровень IQ которого органически сопряжен с высоким духовно-нравственным уровнем, воспитанный в ценностном диалектическом социокультурном дискурсе, обязан об этом позаботиться и сориентировать интеллектуальную футурологическую дискуссию соотечественников в гуманистическое русло, а там и другие страны подтянутся.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Большая российская энциклопедия : [в 35 т.] / гл. ред. Ю.С. Осипов. – М. : Большая российская энциклопедия, 2004–2017.
2. Мусинова Н. Е. Проблема сохранения исторической памяти в условиях «интернет-просвещения» современного общества // Историческая память и духовный опыт формирования российской государственности : сб. тр. II Междунар. науч.-

практ. конф. (в рамках фестиваля русской культуры «Русский характер», Кострома, 13 сентября 2019 г.) – Кострома : КГУ, 2019. – С. 10–16.

3. Петрюк И. П. Искусственный интеллект – сопроцессор аналогового мозга или его альтернатива // Актуальные проблемы современного российского общества: традиции и новации. Парадигма мира как условие прогрессивного развития человечества : сб. науч. ст. Вып. 6 / под ред. Н. Е. Мусиновой ; Т. В. Мойсюк. – Кострома : ВА РХБЗ, 2017. – С. 298–304.
4. Слуцкий Б. А. Физики и лирики // Собрание сочинений : в 3 т. – М. : Художественная литература, 1991. – Т. 1. – С. 351.

**“PHYSICISTS” AND “LYRICISTS” AS A PROMISING DIRECTION
OF SOCIO-CULTURAL DISCOURSE:
TO THE QUESTION OF FORMING A NEW TYPE RUSSIAN INTELLECTUAL**

N. E. Musinova, I. P. Petryuk

The article proves the relevance of existential discussion “physicists” and “lyricists” in the light of the formation of a new type of thinking in modern society – “electronic” thinking. The author substantiates the necessity of forming a new type of Russian intellectual from the position of humanism and spiritual and moral values.

“Physicists” and “lyricists”, a new type of Russian intellectual, “electronic” society, “electronic” state, “electronic” thinking.

УДК 101.3

ЧЕЛОВЕК ПЕРЕД СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИЕЙ

В. Н. Тарковский

В статье анализируется природа и генезис философского мировоззрения как альтернативы религиозному и обыденному мировоззрениям.

И. А. Дедков, М. К. Мамардашвили, современная философия, личность, экзистенциализм, феноменология, нравственность, мораль, перестройка.

Игорь Александрович Дедков 16.11.91 запишет в своем дневнике: «...А дни славные. Чем дальше, тем больше невольно сравниваешь происходящее с семнадцатым и ближними к нему годами. Я даже не характер событий имею в виду, а состояние тогдашних людей. В брежневские времена ощущение беспомощности было, но оно было инерционным, и с ним свыклись: издалека шло. Но вот после 85-го нарастало иное чувство: или просто жизнь пошла желанным, совпадающим с твоим умонастроением курсом, и стало казаться, что и при твоём соучастии тоже, – что-то вроде „наша берет!“, или в самом деле личная вовлеченность в события стала больше (выборы, всякие митинги и т. п.). Но сейчас я себя ловлю на знакомом ощущении: та же, еще более возросшая

беспомощность, словно физические силы – не духовные, затеяли тяжбу и не брезгующие средствами (хотя бы сам способ расчета с партией – подписание на глазах у Горбачева и миллионов телезрителей Ельциным Указа, обнародование, с оттенком садизма, второго Указа накануне праздников и т. п.), безмерно превосходят мои физические и нравственные силы. Разыгрывается старый испытанный, российский вариант, освященный традицией: на глазах у нации выходящие из-под контроля начальствующие лица управляют (или пытаются это делать) страной, насаждая повсюду себе подобных и лично преданных. Под разными названиями, но восстанавливается, регенерируется все та же структура и система, пренебрегающая строительством жизни снизу» [1, с. 536].

Сформировавшись как личность в советском обществе, он с энтузиазмом воспринял эпоху перестройки. Возлагаемые на нее надежды окончательно рухнули к 1991 году. Развал СССР, Указ от 6 ноября 1991 г. о запрете деятельности КПСС и коммунистической партии РФ на территории России (в 1992 году Конституционный Суд все же признает легитимность первичных организаций) положили с неизбежностью начало новой социально-политической реальности. И. А. Дедков саркастически называет формирование новой эпохи «славными днями». Так мы сейчас воспринимаем события, происходящие в России в начале 90-х годов.

То, что автор был неординарной личностью, профессионально занимающейся литературой и публицистикой, свидетельствует до сих пор сохранившийся интерес к его деятельности. Костромской тридцатилетний период условно можно назвать литературным. Цензура не приветствовала критики «снизу» в средствах массовой информации, поэтому единственным форматом высказать свою гражданскую позицию был круг товарищей или личный дневник. «Ощущение беспомощности было, но оно было инерционным, и с ним свыклись...» Московский период (с 1987 г.) характеризуется активной общественной работой и тоской по такой привычной для него литературной работе. Запись от 4.11.87 г. «...Что за жизнь! Здешняя суета, вздор, какая-то рассредоточенность, – и милый исчезнувший покой дома...» [1, с. 500]. Московский взгляд изнутри на перестройку к 1991 году приведет к окончательному разочарованию в ней как коммуниста и патриота своей страны. «...Еще более возросшая беспомощность, физические силы (не брезгующие средствами) безмерно превосходят мои физические и нравственные силы».

Вышенаписанное обосновывает актуальность и правомерность тесной связи творчества И. А. Дедкова с понятиями «личность» и «эпоха», при чем здесь понятия «современная философия» и «человек», вынесенные в качестве ключевых в название статьи?

Небезынтересно хотя бы поверхностно сравнить мироощущение и миропонимание Игоря Александровича и советского, грузинского философа Мераба Константиновича Мамардашвили (1930–1990). Оба – дети военных, не москвичи. Мамардашвили заканчивает философский факультет МГУ в 1954 году. Дедков заканчивает факультет журналистики в 1957 году. Свою неординарность проявили оба в студенческие годы. Пути их не пересекались, хотя оба пользовались огромной популярностью в своей среде.

Для дальнейшего сравнения согласимся с тем, что философ и преподаватель философии – это деятельности, мало связанные друг с другом, как и литератор, и преподаватель литературы, математик и преподаватель математики и пр. И. Кант (1724–1804) до самых последних лет своей жизни был преподавателем, но мог себе позволить заниматься философией и никогда не смешивал их, в отличие, например, от Г. Гегеля.

М. К. Мамардашвили – философ, занимающийся преподаванием курсов «Современная европейская философия (XX век)», «Феноменология» и др. В первом упомянутом курсе, читаемом студентам ВГИКа в 1978–1979 годах, он так начинает первую беседу: «...философия не сообщается, ее нельзя преподавать». В интервью журналу «Юность» в 1988 он дает более позитивную формулировку: «Философия – это сознание вслух». Для И. А. Дедкова «сознание вслух» – это общение с товарищами, литературная деятельность и ведение дневника.

Сознанием, как и мировоззрением, обладают все люди. Философ называет это обладание умением «подставлять под термины и утверждения наглядные картинки». Ф. Ницше, которого он всегда любил цитировать, называл это умение «инстинктом стада». «Инстинкт стада видит в середине и среднем нечто высшее и наиболее ценное: это – то положение, которое занимает большинство, и тот образ поведения и действия, которые ему свойственны... На середине нет места для страха: здесь ни в чем не ощущается одиночества; здесь мало простора для недоразумения; здесь господствует равенство; здесь собственное бытие ощущается не как упрек, а как истинное бытие; здесь царствует довольство» [3, с. 144–145].

В одном из последних своих очерков «Проблема человека в философии» М. К. Мамардашвили под этим углом зрения рассматривает современную культурную ситуацию в нашей стране. «Наше положение я определил бы как положение «прислоняющихся неумех». Все мы живем, прислоняясь к теплой, непосредственно нам доступной человеческой связи, взаимному пониманию, чаще всего неформальному. Закон же предстает перед нами как нечто предельно формальное и лишенное необходимого оттенка человечности... Мы как бы компенсируем вза-

имным пониманием и человеческим обогревом неразвитость нашей социальной гражданской жизни» [2, с. 9]. Подобного рода существование, в надежде, что «меня пронесет, если я не подниму голову и не отстранюсь от этой человеческой связи» («погибают всегда другие»), по его мнению, мешает человеку мыслить, адекватно оценить свое положение в «современном» мире, реализовать свое призвание.

«Физические силы – не духовные», по выражению И. А. Дедкова, «насаждают повсюду себе подобных и лично преданных». Аналогично у философа – «все мы живем, прислонясь к теплой, непосредственно нам доступной человеческой связи». Гений Ф. Ницше еще лаконичней – «человеческое – слишком человеческое».

Требования формирующейся морали новой эпохи «превосходят мои физические и нравственные силы». Мораль – форма контроля общественного мнения за поведением и образом мысли конкретного человека. Нравственность – это духовная способность, отвечающая на вопрос: «Что я должен делать?». Коллизия нравственности и морали – классика большинства произведений искусства со времен Древней Греции. Нам будет интересно посмотреть, что предлагает И. А. Дедкову его современник и соотечественник в уже упоминаемом очерке.

«...Без того, что тебя могут забросать камнями, не может открыться пространство человеческого мышления и человеческого существования, пространство Гомо сапиенс! Следовательно, когда мы говорим о человеке, то, как ни странно, разговор должен быть построен на основе абстракций, максимально устраняющих непосредственно, по-человечески доступные нам вещи» [2, с. 9].

Автор – экзистенциалист, а не, как утверждает «Википедия», феноменолог. Ну, читал лекции по феноменологии как преподаватель, но феноменологию интересуется процесс понимания, интенциональность (направленность), формирующая сознание. Поэтому того же классика социальной феноменологии Альфреда Шюца (1899–1959) в коллизии мораль – нравственность интересуется «наивно-естественная установка человека», а экзистенциальную философию со времени С. Кьеркегора (1813–1855) – отделение человека от «всякой обуславливающей его жизнь и тяготеющей над ним целостности» (социальных институтов, мира идей, понятий). Помимо программной установки сюда, в подтверждение сказанному, можно отнести известное тесное отношение с французской культурой (Альбер Камю, Жан-Поль Сартр – лидеры экзистенциальной философии и лауреаты Нобелевской премии по литературе), стиль написания работ и то, что сейчас называют «индексом цитирования». Экзистенциализм не философский, а имманентный такому уровню литератора присущ и И. А. Дедкову.

Известно, что в самой экзистенциальной философии сложились две формы: предполагающей существование Бога и преобладающей, которая не исходит из существования Бога. «Совет» философа литератору, какой форме соответствует? Если первой, то речь идет о религиозном мировоззрении. В общих чертах задача религиозной философии – гармонизировать веру как духовную способность и знание. Например, если Христос носитель истины, то, как эта абсолютная истина коррелируется с развивающейся естественнонаучной картиной мира, социальной, политической и экономической реальностью здесь и сейчас?

«Забрасывание камнями», прежде чем стать метафорой, было одним из жестоких средств наказания. В современной европейской культуре метафора ассоциируется с библейским сюжетом. Читаем в книге «Деяния»: «Стефан же, будучи исполнен Духа Святого, возрев на небо, увидел славу Божию и Иисуса одесную Бога. Но они, закричавши громким голосом, затыкали уши свои, и единодушно устремились на него, и, выведши за город, стали побивать его камнями. Свидетели же положили свои одежды у ног юноши, именем Савла. И побивали камнями Стефана, который молился и говорил: Господи Иисусе! Приими дух мой. И, преклонив колена, воскликнул громким голосом: Господи! не вмени им греха сего. И, сказав сие, почил».

Стефан совершил нравственный поступок. Зная, что ему грозит смерть в соответствии с первым законом Талмуда – «Я есть Бог твой и не может быть у тебя других богов», он берет на себя ответственность, как сказал бы Ф. Ницше, преодолеть «инстинкт стада». Выступить против «разыгрывающегося старого испытанного (иудейского) варианта (существования), освященного традицией» (И. А. Дедков) и мобилизовать силы для отказа быть «прислоняющимся неумехой» (М. К. Мамардашвили). С другой стороны, в глазах своих соплеменников он аморальный человек, покусившийся на самое святое, преступник, достойный самого сурового наказания.

Коллизия нравственность – мораль не является открытием христианской культуры, как хотят представить. Внутри этой культуры каждая конфессия создает и развивает свою нравственность, свой ответ на вопрос: «Что я должен делать?» Формируется своя антропология, социальная философия, аксиология. К межрелигиозным распрям добавляются межконфессиональные проблемы. Если к ним добавить национальные, классовые, корпоративные интересы, понятно, что такая коллизия становится невыносимой и создает «ощущение беспомощности» (И. А. Дедков).

Уже стойки и их наиболее радикальные сторонники – киники начали формировать идеологию космополитизма. Когда Эпиктету (50–130 н. э.)

сказали, что его зовет отец, то он спросил, а кто это такой? А моральная норма – уважай отца и мать свою была формой существования любого родового строя. Для такого рода мышления, да и существования вообще необходимы особые условия. К этим условиям относят по сей день свободу вероисповедания, свободу совести, свободу передвижения и прочие свободы. Отделив веру как духовную способность от нравственности, философия теперь ответственна за формирование и развитие последней. Идея «экзистенциального озарения» в философии по К. Ясперсу должна прийти на смену религиозному откровению. На наш взгляд, аналогичный подход и у М. К. Мамардашвили, поэтому по форме и языку его тексты напоминают проповеди.

Человек, приходя в современный мир, оказывается в политической, экономической, социальной реальности, созданной до него философами (не путать с преподавателями философии). Философ решает проблемы, связанные с развитием веры, знания и нравственности. Например, в области естественнонаучного знания философом является И. Ньютон. Напомню, ЮНЕСКО признает годом возникновения науки – 1687, потому что в этом году вышло первое издание его книги «Математическое начало естественной философии». И. Кеплер, А. Эйнштейн и другие в этом же ряду. В экономике ярким представителем философского мировоззрения является А. Смит. В политике – К. Маркс, Аристотель, Петр I и др.

Таким образом, человек вынужденно оказывается перед современной ему философией. Как мы в свое время в СССР. Своей популярностью феноменология обязана тем, что ее цель – узнать, как человек постигает ее.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дедков И. А. Дневник 1953–1994. – М. : Прогресс-Плеяда, 2005. – 802 с.
2. Мамардашвили М. К. Проблема человека в философии // О человеческом в человеке // под общ. ред. Фролова И. Т. – М. : Политиздат, 1991. – 384 с.
3. Ницше Ф. Воля к власти : пер. с нем. – М. : АСТ, 2019. – 480 с.

MAN BEFORE MODERN PHILOSOPHY

V. N. Tarkovsky

The article analyzes the nature and Genesis of the philosophical worldview as an alternative to religious and everyday worldviews.

I. A. Dedkov, M. K. Mamardashvili, modern philosophy, personality existentialism, phenomenology, morality, morals, perestroika.

ХАРАКТЕРИСТИКА ОСОБЕННОСТЕЙ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ГОТОВНОСТИ К ЛИЧНОСТНОМУ САМООПРЕДЕЛЕНИЮ ПРИЕМНЫХ ДЕТЕЙ

Е. С. Жильцова

В статье дается общая характеристика особенностей педагогической помощи, которую необходимо оказывать приемным детям в процессе их личностного самоопределения.

Приемные дети, личностное самоопределение, готовность к личностному самоопределению, педагогическое сопровождение.

Изучение того, как протекает процесс личностного самоопределения, является одной из важнейших междисциплинарных проблем, разрабатываемых в рамках ряда гуманитарных наук. Несмотря на особенности интерпретации сущности процесса, можно с уверенностью говорить о том, что личностное самоопределение – это духовно-нравственный и ценностно-смысловой стержень человека. При личностном самоопределении человек определяет себя, решает, каким он хочет быть на основе выработанных в обществе и принятых им критериев становления личности. Поэтому от успеха этого процесса зависит благополучие человека, его жизнь.

Как показал анализ документов, в которых отражены основы современной государственной образовательной политики, процессу личностного самоопределения будущего поколения уделяется сегодня большое внимание. Например, в Федеральных государственных образовательных стандартах нового поколения среди личностных результатов освоения образовательной программы основного общего образования выделено формирование осознанного и ответственного нравственного выбора, готовности и способности к построению дальнейшей индивидуальной жизненной траектории на основе личностного выбора в соответствии с общепринятыми нормами морали и нравственными ценностями [12, с. 3]. В программе «Национальная образовательная инициатива „Наша новая школа“» ключевым требованием к результатам обучения и воспитания обозначено формирование таких основополагающих качеств личности выпускника, как социальная ответственность, самостоятельность, способность к личностному самосовершенствованию. В целом, формируется представление о молодом гражданине России как о человеке с активной жизненной позицией, основанной на прочном нравственно-этическом фундаменте [11, с. 18–23].

В этой связи актуальным становится вопрос о необходимости формирования готовности подрастающего поколения к личностному самоопределению. Возникает потребность в организации комплексной работы, обеспечивающей наиболее благоприятные условия для индивидуального развития, социализации и личностного развития школьников.

На наш взгляд, в сложившейся ситуации большое внимание следует уделить приемным детям. Анализ научной литературы и опыта педагогических работников показал, что они нуждаются в особой поддержке. Во-первых, приемные дети имеют, как правило, негативный или обедненный жизненный опыт, приобретенный в родной семье или детском доме. Живя в приемных семьях, дети развиваются, осваивают важнейшие социальные роли, готовятся к будущей жизни, но, попадая в нее, они сталкиваются с трудностями во взаимоотношениях и взаимопонимании, что оказывает негативное влияние на процесс их личностного самоопределения. Тем временем, приемная семья как форма жизнеустройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, является наиболее перспективной и предпочтительной, в связи с чем также возникает необходимость грамотной организации педагогической поддержки проживающих в ней детей. Ситуация усугубляется еще и тем, что в практике педагогической работы до сих пор не сформирована целостная система поддержки личностного выбора приемных детей, направленная на вовлечение их в процесс индивидуального проектирования собственного личностного развития.

Таким образом, процесс формирования готовности к личностному самоопределению приемных детей затрудняется как незнанием родителями специфических особенностей приемных детей, неготовностью к трудностям и переменам в семейных отношениях, отсутствием знаний педагогического и психологического характера, так и отсутствием у педагогов, участвующих в процессе образования детей из приемных семей, «ориентиров» профессиональной деятельности. Наблюдается и отсутствие организации взаимных действий педагогов и приемных родителей. Вместе с тем, необходимо уточнить, что процесс личностного самоопределения человека происходит именно в школьном, раннем подростковом возрасте. В этот период ребенок взрослеет, взаимодействует со взрослыми и сверстниками, участвует в различных видах совместной деятельности. Поэтому процесс обучения в школе является частью общего процесса формирования индивидуальности и социализации ребенка, его личностного развития.

Проанализировав выявленные особенности, мы пришли к выводу, что работа по формированию готовности к личностному самоопределению детей из приемных семей должна проводиться в школе, педагогами

и психологами, и эта работа должна носить системный характер. При этом важно учитывать тот факт, что приемные дети обучаются вместе с детьми из родных семей, и с этической точки зрения нецелесообразно выделять их в особую группу. Таким образом, педагогическим работникам необходимо организовать работу со всем классом, но ее содержание должно учитывать, прежде всего, особенности процесса личностного самоопределения приемного ребенка. Возникает вопрос: каким должно быть содержание этой работы?

Для ответа на этот вопрос нами было проведено теоретическое исследование, подобраны диагностические методики, позволившие выявить основные направления педагогического сопровождения формирования готовности к личностному самоопределению приемных детей.

Выводы сторонников психологического подхода (С. Л. Рубинштейн, В. Ф. Сафин, Л. И. Божович, Г. П. Ников, А. П. Чернявская, К. А. Альбуханова-Славская и др.) помогли нам прийти к выводу о том, что проблему формирования готовности к личностному самоопределению человека следует рассматривать в тесной связи с проблемой субъектности личности.

В традиционном понимании субъектность определяется как «свойство индивида быть субъектом активности» [3, с. 8]. Применительно к человеку, быть субъектом – значит быть носителем идеи Я, а это, в свою очередь, означает, что человек мыслит, воспринимает, переживает и осуществляет себя в качестве причины себя самого. В работах А. В. Брушлинского [3, с. 6] акцентируется внимание на том, что любой человек не рождается, а становится субъектом своей деятельности, общения и других видов активности.

Понятие «субъект» рассматривается автором как более широкое определение, чем «личность», и представляет собой «всеохватное понятие человека, обобщенно раскрывающее неразрывно развивающееся единство всех его качеств: природных, социальных, общественных, индивидуальных» [3, с. 6–11]. Таким образом, субъектность – это основа личности. Приобретая личностно значимый смысл, субъектность становится для личности инструментальной ценностью. Она является своего рода ориентиром на конструктивное и продуктивное взаимодействие с окружающей средой, т. е. с социумом, и обеспечивает процесс самоопределения личности. Таким образом, понятия субъектности и готовности к личностному самоопределению взаимообусловлены и дополняют друг друга.

На основе ключевых идей развития индивидуальности школьников О. С. Гребенюка [4, с. 1–94] с учетом сравнительной характеристики развития кровных и приемных детей (Ж. А. Захарова [7, с. 101–105],

И. С. Морозова, К. Н. Белогай и Т. О. Отт [2, с. 12–23], А. Г. Рудов, Г. К. Красницкая [8, с. 8–9] и др.), специфических особенностей приемных детей (Г. Семья [10, с. 108–118]; Е. С. Жильцова, А. П. Чернявская [6, с. 14–17]; А. П. Чернявская, Л. В. Байбородова, Л. Н. Серебренников, И. Г. Харисова [1, с. 239–246]) и рекомендованных Н. Н. Посысоевым и Л. Г. Жедуновой [9, с. 178–186] направлений психолого-педагогической работы с приемными детьми, мы предполагаем, что в качестве основных «компонентов» готовности к личностному самоопределению можно назвать следующие сущностные сферы личности: интеллектуальная, эмоциональная, волевая, предметно-практическая, экзистенциальная, мотивационная, сфера саморегуляции.

Для более точной и достоверной оценки уровня личностного самоопределения приемных детей нами были выбраны и проведены следующие диагностические методы: методика самооценки (Дембо-Рубинштейн) для учащихся 1–4 классов, мониторинг развития индивидуальности (О. С. Гребенюк, В. Н. Белкина); методика «Отношение к моральным нормам поведения» (Е. Прошицкая); методика «Самооценка уверенности в себе»; анкета «Потребность в успехе» (Ю. Орлов) для учащихся 5–7 классов; анкета «Кто я?» (М. Кун и Т. Макпартленд, модификация Т. Румянцевой) для учеников 8–9 классов. Проведенная нами диагностика, в ходе которой сравнивались показатели детей, проживающих в приемных семьях, и детей из родных семей, также показала необходимость и актуальность организации и проведения комплексной педагогической работы с личностью приемного ребенка.

Дадим общую характеристику полученным результатам. Итак, анализ средних показателей развития всех сфер индивидуальности у детей из родных семей и детей из приемных семей выявил достаточно существенные различия в развитии интеллектуальной, эмоциональной и волевой сфер. Эти различия означают, что у детей из приемных семей менее развиты познавательное и творческое мышление, сообразительность и гибкость ума; менее выражены познавательные процессы – внимание, воображение, память и восприятие. В эмоциональном плане дети из приемных семей имеют более низкую самооценку и высокий уровень тревожности.

Ответы приемных детей позволяют сделать вывод, что они легко раздражаются и расстраиваются по пустякам, чувствуют себя неуверенно в классе и боятся школьных неудач. Приемные дети также испытывают трудности в общении и болезненно реагируют на замечания, что свидетельствует об их низком уровне самооценки.

К основным трудностям в волевой сфере относятся неспособность снять нервное напряжение, неуверенность в преодолении трудностей,

а также некоторая неспособность контролировать себя. Анализируя результаты других направлений, можно отметить, что дети из родных семей имеют более развитую эмоционально-экзистенциальную и волевою сферу.

Полученные в ходе исследования практические выводы позволили нам определить цель педагогического сопровождения формирования готовности к личностному самоопределению приемных детей – расширение этических знаний у детей из приемных семей, формирование осознания нравственных ценностей и осознанного нравственного выбора, развитие навыков самоконтроля и самоуважения, необходимых для управления своими эмоциями и оптимизации межличностного взаимодействия.

Для реализации поставленной цели нами разработана и предложена программа сопровождения детей с первого по девятый классы. Программа отличается по целям и задачам для каждого возраста от 7 до 15 лет. Основная идея программы заключается в том, что должны быть созданы условия для того, чтобы дети из приемных семей приобретали опыт социальной деятельности путем включения их в решение реальных и виртуальных (имитируемых) ситуаций, способствующих стимулированию внутреннего самопознания и определению своей личностной позиции. Известно, что любые человеческие способности развиваются в его личной деятельности.

При работе с приемными детьми это положение приобретает особое значение. Мы полагаем, что наиболее эффективными формами работы в этом случае можно считать те, которые «помогают» приемному ребенку добровольно включаться в деятельность, осознавать ее значимость для себя. В качестве основных форм организации работы нами выделены: моделирование и разыгрывание проблемных ситуаций, ролевые игры и проблемные игры (например, диспут «Права и обязанности подростков: перспективы и реалии», игра «Светофор эмоций», «Прояви инициативу!» игра-проблематизация «Письмо без «ошибок»); упражнения, направленные на формирование адекватной самооценки и позитивного образа „я“ (упражнение Я + мое «Я», тренировка рефлексии и самоконтроля); формирование рефлексивной позиции детей из приемных семей (беседа-обсуждение «нравственных поступков», решение этических дилемм), а также дискуссии, викторины и различные конкурсы.

Главное, чтобы у ребенка из приемной семьи появилась возможность выбирать (свою роль, партнеров по выполнению работы, характер помощи и т. д.) и принимать самостоятельные решения, отстаивать и обосновывать свою позицию, идею, свой выбор. Тогда он научится «проверять» и оценивать себя, сможет определять смысл своих поступков, желаний, своего поведения, эмоционального состояния и т. д.

Это важно для того, чтобы в будущем в любой личностно-значимой ситуации приемный ребенок смог осознать свое уникальное предназначение, смог ответить самому себе на главные вопросы жизни: «Кто я?», «Какой я человек?», «Что для меня «хорошо», а что «плохо»?», «Какая моя жизнь?» и т. д. Тогда, возможно, он постепенно придет к пониманию того, что жизнь дается человеку всего один раз, поэтому ее надо прожить достойно... Здесь хочется привести цитату из литературно-критического очерка И. А. Дедкова: «Хороший это обычай: в день, когда много лет назад умер этот человек, говорить о его продолжающемся, неизменном присутствии в мире живых» [5, с. 8]. Эта цитата ещё раз подтверждает, что жизнь человека измеряется не только хронологическими рамками. Гораздо важнее то, каким содержанием, личностным смыслом она была наполнена.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Формирование саморегуляции младших школьников в образовательном процессе / Л. В. Байбородова, О. Г. Кузнецова, А. П. Чернявская, В. Н. Белкина, И. Г. Харисова // 4-я Междунар. междисциплинар. науч. конф. по общественным наукам и искусствам SGEM 2017, 24–30 августа 2017 года. Кн. 3, Т. 4. – С. 239–246.
2. Белогай К. Н., Морозова И. С. Эмпирическое исследование структуры родительского отношения // Психологическая наука и образование. – 2008. – № 4. – С. 12–23.
3. Брушлинский А. В. Проблемы психологии субъекта. – М. : Ин-т психологии РАН, 1994. – 109 с.
4. Гребенюк О. С. Основы педагогики индивидуальности : курс лекций / Калинингр. ун-т. – Калининград, 1995. – 94 с.
5. Дедков И. А. Пейзаж с домом и окрестностями // Дедков И. А. Во все концы дорога далека: литературно-критические очерки и статьи. – Ярославль, 1981. – С. 8.
6. Жильцова Е. С., Чернявская А. П. // Особенности профессионального самоопределения детей, проживающих в приемных семьях // Вестник науки и практики. – 2017. – № 9. – С. 14–17.
7. Захарова Ж. А. Детский дом: быть или не быть // Социальная педагогика. – 2008. – № 1. – С. 101–105.
8. Красницкая Г. С., Рудов А. Г. Создание и функционирование школы приемных родителей : метод. пособие. – М. : БФ «Семья», 2008. – С. 8–9.
9. Основы психологии семьи и семейного консультирования : учеб. пособие для студентов высших учебных заведений / под общей ред. О. Н. Посысоева. – М. : ВЛАДОС-ПРЕСС, 2004. – С. 178–186.
10. Семья Г. Национальная стратегия действий в интересах детей в России и стратегия Совета Европы по правам ребенка // Психологическая наука и образование. – 2016. – Т. 21, № 1. – С. 108–118.
11. Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года (утв. распоряжением Правительства РФ от 29 мая 2015 г. №996-р) // СПС «КонсультантПлюс». – URL: www.consultant.ru (дата обращения: 10.08.2020).
12. Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования. – М., 2011. – 41 с.

**CHARACTERISTICS OF PEDAGOGICAL SUPPORT
FOR THE FORMATION OF READINESS
FOR PERSONAL SELF-DETERMINATION OF FOSTER CHILDREN**

E. S. Zhiltsova

The article provides a general description of the features of pedagogical support that must be organized for foster children in the process of their personal self-determination.

Foster children, personal self-determination, readiness for personal self-determination, pedagogical support.

УДК 81'42; 811.161.1

**ЛИНГВОТОЛЕРАНТНОСТЬ ЛИЧНОСТИ:
ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ**

О. Н. Путина, О. В. Байбурова

В статье выявляются и характеризуются языковые средства актуализации лингвотолерантности на примере дискурса повседневности.

Лингвотолерантность, лингвоконфликтогенность, языковая личность, дискурс повседневности, дискурсивный маркер, прагматический потенциал, функция, контекст.

В эпоху глобализации, национальной и этнической дивергенции обращение к изучению толерантности языковой личности становится особенно актуальным. В свете межкультурной коммуникации проблема лингвотолерантности обретает как теоретическую, так и практическую значимость. Применение функционального подхода дает возможность выявлять различные языковые средства актуализации лингвистической толерантности дискурса, позволяющие сглаживать возможные национальные, культурные и психологические барьеры, понижая тем самым градус лингвоконфликтогенности.

Мы полагаем, что понятие *лингвотолерантность личности* следует рассматривать, прежде всего, через другое, ставшее классическим понятие *языковой личности*. Ю. Н. Караулов определяет *языковую личность* как «совокупность способностей и характеристик человека, обусловливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов)» [4, с. 3]. В связи с этим можно утверждать, что речевое поведение личности является индикатором эрудиции, особенностей интеллекта, мотивации, эмоционального состояния и проявляется в выборе слов и построении высказывания [10, с. 382].

По типу речевого поведения личность рассматривается как лингвотолерантная или лингвоконфликтогенная. *Лингвотолерантная лич-*

ность характеризуется сохранением неприкосновенности коммуникативного пространства партнера, сбалансированным диалогом с последовательной сменой коммуникативных ролей, владением стратегиями и тактиками ухода от конфликтных тем [1, с. 4–6]. Для *лингвоконфликтной личности*, напротив, типичны нарушение коммуникативного пространства партнера, затруднение полноценного обмена информацией, проявление вербальной агрессии, отсутствие выработки общей стратегии взаимодействия и, как следствие, эффективного общения [7, с. 67].

Большинство специалистов исследуют толерантность на материале политического, правового, социального, экономического дискурсов. Наше исследование направлено на изучение лингвотолерантности личности в рамках диалогического дискурса повседневности, который мы рассматриваем как систему элементов разной степени сложности и комплексности, функционально объединенных в структуру общей концепцией. В отличие от других видов дискурса повседневный дискурс является наиболее частотным, характеризуется неинституциональными принципами объединения участников, локальностью целей, открытостью тематической структуры, наличием свободных психологических установок участников дискурса, первичностью коммуникативных стратегий и жанров речевого общения, а также особой интертекстуальной активностью и высоким уровнем вариативности [9, с. 51–52]. В качестве примеров данного вида дискурса мы обращаемся к репликам диалогов на русском и английском языках из следующих корпусов: Национальный корпус русского языка (НКРЯ) [6], British National Corpus (BNC) [12] и Corpus of Contemporary American English (COCA) [13].

Функциональный аспект исследования дискурса повседневности позволяет выявлять и изучать типичные языковые средства актуализации лингвотолерантности. Подобные «толерантные» средства направлены на уменьшение категоричности высказывания, понижение градуса коммуникации, смягчение негативной тональности речи. Примерами актуализации лингвотолерантности в дискурсе повседневности являются дискурсивные маркеры. Под *дискурсивным маркером* мы понимаем такие единицы языка, которые отражают отношения между элементами структуры дискурса, регулируют интеракцию между коммуникантами, активно «вписывают», «встраивают» высказывание в контекст [2, с. 91]. В качестве примеров лексических и лексико-синтаксических дискурсивных маркеров, выражающих лингвотолерантность, приведем следующие единицы:

1. Русский язык: *ну, типа, вроде, как бы, наверное, видимо, только, правда, так сказать, в принципе, практически, относительно, возможно, лишь, можно сказать, в некотором роде, в некотором*

смысле, некоторым образом, довольно-таки, примерно, приблизительно, не так ли, кажется, я думаю, я полагаю, я считаю и т. д.

2. Английский язык: *well, just, like, sort of, kind of, kinda, sorta, pretty, quite, rather, a bit, about, though, some, somewhat, roughly, relatively, basically, practically, principally, probably, perhaps, would you? would you mind? could you? don't you? aren't you? isn't it? more or less, in a sense, in a way, so to say, to put it mildly, it seems to me, as far as I can tell, I mean, I think etc.*

Прагматический потенциал любого из вышеперечисленных маркеров заключается в совокупности его функций, реализуемых в контексте. Следовательно, в качестве методов исследования мы выбираем контент-анализ как содержательную интерпретацию количественных данных, а также собственно лингвистический анализ, предполагающий описание языковых средств, участвующих в актуализации феномена лингвотолерантности. Более подробно рассмотрим следующие дискурсивные маркеры, являющиеся высокочастотными и типичными для жанра диалогического дискурса: *видимо* [11], *вроде* [8], *sort of* [5], *just* [3].

Видимо:

1. *Сколько помнится, одно из первых длинных рассуждений о катящейся в неизвестном направлении молодёжи было ещё у Гомера. Вот, **видимо**, с тех пор человечество всё деградирует... и деградирует... и деградирует (НКРЯ).*
2. *Сложно, очень сложно высказывать недовольство по этому фильму. Поэтому я ограничусь словами, что, **видимо**, это на любителя. Или просто мы, молодое поколение, немного по-другому понимаем жанр шпионского боевика (НКРЯ).*

В приведенных выше примерах дискурсивный маркер **видимо** выражает предположение, передает неуверенность в достоверности сказанного, минимизирует риск ошибочного высказывания.

Вроде:

1. *Я уже добрых несколько лет постоянно встречаю в русской сети упоминания о том, что беременные из-за своего гормонального состояния глупеют, что это нормально, что это **вроде** как научный факт. Это упоминают как всем известное и само собой разумеющееся. Раньше такого представления не было в России, а в Америке, **вроде**, нет и сейчас (НКРЯ).*
2. *Вот сын домой приехал, **вроде** всё нормально, настроение хорошее. Дочке получше **вроде**. Муж 2 раза с работы звонил, справлялся, как дела. **Вроде** грех жаловаться (НКРЯ).*

В данных примерах **вроде** актуализирует следующие функции: приблизительность, предположение, гезитацию.

Sort of:

1. *It's **sort of** silly in some cases, when the request is clearly an order which makes 'please' redundant, as in the potato order, but it would still seem awfully rude and abrupt not to include it. I find it funny, but understandable, when mothers ask their kids to 'please' do something, like stop hitting the cat, and then get really angry when their 'polite request' is not complied with immediately (COCA).*
2. *-They're not very well-made, though, are they? These California homes? They're just **sort of** bits of woods with plasterboard stuck on.
– We actually just moved into this Victorian terrace.
– Oh, yeah? It's brick-built, so it's really solid (COCA).*

Употребление дискурсивного маркера **sort of** позволяет придать высказыванию оттенок неуверенности, сделать суждение более мягким, менее категоричным, а также смягчить негативную тональность речи.

Just:

1. *I love Castle. And I've loved every episode this season so far. Except this one. I didn't enjoy the documentary style shaky-cam. It made it hard for me to watch. It also seemed like everyone was **just** a little out of character. It was amusing at first, having them play for the camera, but I thought it was overdone (BNC).*
2. *So I think it started on an informal basis, you know everyone was **just** a little bit fed up with the way they're being treated and the way you know been told how much we could earn, how we could earn it, when we could earn it and all this sort of palaver (BNC).*

Данные примеры с дискурсивным маркером **just** демонстрируют смягчение категоричности высказывания.

Рассмотренные в нашей работе дискурсивные маркеры выполняют в повседневном дискурсе прагматико-коммуникативную функцию, а именно позволяют выразить намеренное приблизительное обозначение, сомнения о подлинности факта, осторожность, вежливость, а также ограничить степень уверенности и минимизировать риски ошибочного высказывания. С помощью функционального подхода можно выявить различные средства актуализации лингвистической толерантности личности и дискурса в целом (лексические, лексико-синтаксические, прагматические, графические и т. д.). Владение «толерантными» единицами дискурса способствует обеспечению продуктивного общения и коммуникативной безопасности как отдельной личности, так и общества в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Воронцова Т. А. Типология речевого поведения (коммуникативно-прагматический аспект) // Cuadernos de Rusística Española. – 2009. – № 5. – С. 21–31.

2. Дискурсивные маркеры: прагмалингвистический и прагмалингводидактический аспекты : монография / С. В. Шустова, Е. Р. Журавлева, О. Н. Путина, Е. В. Исаева ; научн. ред. Е. В. Боднарук ; Перм. гос. нац. исслед. ун-т. – Пермь, 2020. – 152 с.
3. Давыденко Л. Г., Джевала С. С. Дискурсивный маркер JUST в английском языке как компонент реализации стратегии вежливости // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 3, Ч. 2. – С. 76–81.
4. Караулов Ю. Н. Русская языковая личность и задачи ее изучения // Язык и личность / отв. ред. Д. Н. Шмелев. – М. : Наука, 1989. – С. 3–8.
5. Медведева М. В. Дискурсивные функции «sort of» // Пятигорский государственный университет. Издания ПГУ. Университетские чтения. 2011. Часть 02. – URL: https://pgu.ru/editions/un_reading/detail.php?SECTION_ID=2864&ELEMENT_ID=9954 (дата обращения: 20.06.2020).
6. Национальный корпус русского языка // Сайт информационно-справочной системы НКРЯ. – URL: <http://www.ruscorgo.ru> (дата обращения: 20.06.2020).
7. Путина О. Н. Вербальная агрессия: функциональный аспект (на материале дискурсивных маркеров) // Актуальные проблемы филологии и методики преподавания иностранных языков. – 2020. – Т. 14. – С. 67–72.
8. Савченко Д. С. Предлог *вроде* как функциональная единица устной речи // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2014. – Вып. 3(27). – С. 31–41.
9. Тубалова И. В. Специфика организации дискурсов повседневности // Вестник Томского гос. ун-та. Филология. – 2011. – № 4. – С. 41–52.
10. Хруненкова А. В. Антиэтикетные формы речевого поведения в интолерантных ситуациях общения // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2008. – № 82-1. – С. 381–387.
11. Шилихина К. М., Смирнова В. В. Историческая динамика семантики и сфера действия дискурсивного маркера «видимо» // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2017. – № 2. – С. 107–112.
12. British National Corpus // BNC. – URL: <https://corpus.byu.edu/bnc> (дата обращения: 20.06.2020).
13. Corpus of Contemporary American English // COCA. – URL: <https://www.english-corpora.org/coca> (дата обращения: 20.06.2020).

LINGUO-TOLERANCE OF PERSONALITY: FUNCTIONAL ASPECT

O. N. Putina, O. V. Baiburova

The article identifies and characterizes the linguistic means of linguo-tolerance on the example of the conversational discourse.

Linguo-tolerance, linguistic conflictogenity, linguistic personality, conversational discourse, discourse marker, pragmatic potential, function, context.

УДК 801

КАКИХ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ОРАТОРОВ Я СЛУШАЛ И МОГ БЫ СЛЫШАТЬ

А. Б. Бушев

Статья представляет собой субъективный взгляд на интересных ораторов в постсоветском обществе.

Риторика, оратор, образ ратора.

Совсем недавно я получил в подарок от автора книгу по самообучению риторике А. А. Ворожбитовой [1]. Читая эту книгу, я пришел к выводу, что всем нам есть над чем здесь поразмышлять.

Ораторская культура студентов чрезвычайно низка. Информации сегодня доступно много, всякой – но парадокс: выступают всё хуже и хуже, студент сбивчиво и с ошибками зачитывает текст и не может оторваться от экрана своего сотового телефона, от бумаги (у него не выработан иной навык). Студент лихо выдает чужое за свое, он готовится по вторичным источникам, не может выделить приоритетные источники. Тяжело даются реферирование, анализ, операции сравнения, всякое рассуждение. В практическом плане при выступлении студент искреннее не представляет, что такое план выступления. Плюс сказываются особенности психики компьютерного поколения (это визуалы; любая информации доступна в два клика мыши, так зачем же ее держать в голове; довольно злое и небрежное отношение к авторитетам). На скороговорке выступления студент путает слова, страны, даты (гордо: «У меня дислексия!»). Идеал просмотрового чтения («приблизительное понимание») реализовался в устных выступлениях современных студентов. Еще хуже обстоит дело с умением слушать. Вчерашний школьник не обучен слушать своих коллег хотя бы из вежливости. То ли дело заняться своим смартфоном, пошептаться с подругой, отключиться от действительности и расслабиться, считая ворон в окне!

Тренингами (Таранов, Гандопас, Шипунов и др.) делу не поможешь. Тренинги часто представляют собой тренинга**кцию** – произнесения речи. Все это, безусловно, важные советы – не забудь чисто одеться и вымыть шею, при выступлении помни, где держать руки, как поставить ноги, говорить громче, каковы дыхание, паузация, тембр голоса, четкое произношение согласных и т. д. Но это актёрский тренинг. Это *как* сказать, а не *что* сказать.

Эффективный, успешный, яркий оратор – очень многогранное явление. Есть разные факторы влияния оратора – кто-то поражает новиз-

ной речи, кто-то здравомыслием, кто-то верой, кто-то логикой мысли, юмором, твердостью моральных качеств, стилем, культурой, широкой эрудированностью, уместностью выступления, контактом с аудиторией. Это и есть личность оратора, образ оратора. Есть разные, наконец, сферы речи, разные задачи выступлений.

Настоящая работа посвящена именно культуре устного выступления. Мы сразу исключаем из рассмотрения выступления письменные (скажем, в печати), даже устные чтения по тексту подготовленной речи. Нас интересуют ораторские выступления *impromptu*. Временные рамки – последние сорок лет. Но, с учетом записей на телевидении, наличием письменных трудов, позволяющих реконструировать особенности устных выступлений, временные рамки могут быть раздвинуты до последних 60 – 70 – 80 лет. Все более старинное уже представляется нам как памятники письменной речи.

Еще одно соображение, которое должно быть принято во внимание. Не каждому выдающемуся мыслителю удастся быть хорошим устным выступающим. Не каждый ритор – оратор. По этому поводу переживать не следует. Пример: А. Д. Сахаров не был выдающимся оратором. Есть ученые, которые лучше пишут, чем говорят. Их письменные труды важнее устных выступлений. Есть авторы, которые влияют на сознание масс письменными текстами (Солженицын, Пелевин). Некоторых вообще не волнует стиль. Так, Ч. Дарвин в предисловии к своей знаменитой книге писал: «О стиле я не заботился».

И, напротив, выдающийся оратор мог быть весьма посредственным деятелем, например, политиком. Пример: А. Ф. Керенский.

Так и в вузовской повседневности: оригинальный, интересный ученый и хороший преподаватель – не обязательно хороший оратор. Так и в масс-медиа: не каждый журналист прекрасен как оратор.

В своей жизни я слушал лекции коллег из тверских вузов, из многих вузов центральной России, москвичей и петербуржцев, уральцев, волгарей, представителей разных регионов. Как правило, исключительно региональные явления неяркие. Как правило, хороший оратор – национальное явление. Мне приходилось слушать представителей разных специальностей – медиков, юристов, филологов, философов, социологов, международников, историков, психологов, журналистов, политологов и т. д. Риторика шире лингвистики и шире филологии: без широкой образованности риторика – пустая трата времени.

Хороший оратор – национальное явление. Но есть и ораторы, у которых трансграничное влияние, особенно в мире англо- и франкофонии.

Второй фактор, который надо принять во внимание, – работа телевидения и масс-медиа. По сути дела, уходящее сегодня старшее поколе-

ние получало тренинг «из уст в уста»: стоит представить себе, что в пору университетской юности моего научного руководителя не было телевидения, а радио представляло собой информационное вещание, театр у микрофона и трансляции классической музыки. Вспомним, как происходил отказ от официозной монологичной риторики, выступлений по заранее написанному тексту, цензурированию всех публичных сообщений. Уже поколение, бывшее школьниками в восьмидесятых, могло видеть много интересных ораторов по телевидению. Работа канала «Российские университеты», встречи в студии «Останкино», «Острова», выступления на канале «Культура», «Академическая трибуна», умные ток-шоу, «Линия жизни» и т.д. Прекрасные передачи для школьников проводил Юрий Нагибин, в них можно было почувствовать его ораторское искусство. Конец восьмидесятых представил трансляцию политической риторики, позже появились культурологические передачи на телевидении. Например, все примерно представляют, что и как говорили Гейченко, Лихачев, Лотман, Андроников, как держались Гранин, Солоухин, Астафьев, Распутин, Чингиз Айтматов, Расул Гамзатов. Ощущается в новом веке и трансграничное влияние (например, Бегбедер, Этвуд). Благодаря масс-медиа, благодаря личным встречам мы можем представить себе, как говорят современные писатели – ярко выступают, например, Толстая, Вильмонт, Драгунский, Варламов. Риторика получила гражданство на телевидении, в интернете, на радио.

Сказывается при оценке сегодняшних ораторов риторическое обучение, его возрождение. Традиции риторики возрождаются в работах профессоров Рождественского, Волкова, Аннушкина, Михальской, Граудиной, Львова, Марченко, Смелковой, Клюева, Стернина, Ладыженской, Хазагерова, Мурашева, Безменовой, школы МГПУ и т. д. Возрожден интерес к диспозиции в докторской диссертации Ю. В. Шуйской [3]. Есть и современное понимание топики. Однако все это опровергается плагиатом из сети. Зачем план, зачем диспозиция, зачем топка, зачем этика оратора?!

Начинать оценку выступления надо с оценки темы. Что интересно для широкой аудитории, состоящей не только из специалистов по узкому вопросу?

Широкая образованность в самых различных сферах, широта взглядов оратора – необходимое условие успеха оратора. Обратное приходилось наблюдать в научной риторике. Приведем примеры из области филологии. Скажем, есть очень любопытные ученые с очень узкой темой. В. Г. Гак – знаток французского языка. Но не более того. Аудитория очень узкая. Или специалист по теоретической грамматике английского языка М. Я. Блох – его выступления были малоинтересны даже

для специалистов. А вот уже более широкая тема привлечет большее внимание – особенности литературного текста на английском языке, английский менталитет (В. П. Шестаков), немецкий менталитет (проф. Павлова, проф. Михайлов), немецкая история (Н. В. Павлов). Академик В. В. Виноградов – признанный оратор – демонстрирует очень крупные темы: не просто русистика, а история литературного языка как общественного явления, история русской мысли.

Есть мнение, что малые темы в науке спасают большие. Как правило, в рамках кандидатских диссертаций решаются узкие вопросы, небольшие. Есть знатоки определённой узкой темы – но их придется отвергнуть в качестве эффективных ораторов. Кому интересны выступления по диалектам Волгоградской области?! На незначительную аудиторию претендуют выступления по фольклору Тверского края, диалектам Орловщины, вариативности произношения английских слов... Надо связать эти темы с большими, а компетенции оратора не хватает. Сюда же надо отнести литературоведов, посвятивших себя одной-двум-трем фигурам, их биографиям (детали биографии Булгакова, работы о Бродском, работы Тименчика об Ахматовой). Есть узкие специалисты и по теории литературы: Г. Косиков, И. Ильин, И. Смирнов – знатоки современной западной литературной теории.

Смущает также чрезмерная связь гуманитарной науки с богословием. По этой причине на меня не производили впечатления выступления Г. Померанца. Итак, при оценке ратора явно фигурирует критерий: тематизм выступления, широта темы, интересность темы.

Широкая эрудированность оратора – неперемное условие интересного оратора. Вспомним, что Лихачёв, Лотман, Мелетинский, Бочаров, Гаспаров, Аверинцев, Бахтин интересны нам именно своей эрудицией. По контрасту с этим стоят сегодняшние выступления ученых из ИРЛИ и ИМЛИ – сегодня к ним предъявляют претензии, что там нет ученых хотя бы уровня Кожина, Палиевского. Многочисленных современных литературоведов я слушал на конференциях, на симпозиумах в фонде Достоевского, на телепередачах. Большинство докладов – работа для внутреннего применения узкопрофессионального сообщества. Это узкие специалисты, которые не могут связать свое выступление с современностью, с широким контекстом.

Мне приходилось слушать многих современных, в том числе модных, литературных критиков. Честно сказать, мало кто производил большое впечатление. Ни какая-нибудь Н. Б. Иванова или из противостоящего лагеря С. Куняев, ни такие примиряющие фигуры, как Л. Аннинский. Мне не приходилось видеть и слышать литературных критиков, устные речи которых производили бы на меня неизгладимое впе-

чатление. Как правило, сегодняшние критики лишены интереса к собеседнику. Никто из них не обращался ко мне со словами, что меня интересует. Кто я такой, почему я пришел их послушать. Это верный тест. Эти люди и мне не нужны.

Риторика ученых. В истории общественной мысли осталось предание о В. О. Ключевском, представления о Тимирязеве – лекторе, об И. П. Павлове, об акад. Крылове, акад. Виноградове.

Научная риторика начинается для каждого из нас с лекций университетских профессоров. У каждого свои воспоминания об эффективных лекторах. Так, один из них читал нам лекции по зарубежной литературе. Кандидат наук, автор незначительных работ, перевирал детали, литература казалась одной большой книгой, но было нечто, что привлекало внимание к его выступлениям. Помню любопытные лекции и по истории государства и права – тут соседствовали древнеславянский и чешский, крестьяне и дворяне, и все было исполнено интереса к современной жизни, с юмором.

Недавно в Санкт-Петербургском университете опубликовали на портале филологического факультета лекции. Увы – записи не производят впечатления. Лишь одна из лекторов начала с представления себя, т. е. продумала свой образ в глазах слушателя, захотела с ним познакомиться.

В молодости я занимался психологией и посещал знаменитые четверги в Институте неврологии РАМН. Запомнилась пионер нейрореанимации профессор Л. М. Попова – как легко она говорила в прениях, ее манера говорить, быстрая реактивность, манера выступать свободно, на грамотном русском языке. Актуально, по делу, мысль появлялась и проявлялась в речи, звучала история науки, которой она была свидетель. Это была устная разговорная речь специалиста.

Из психологов я слушал, например, Станислава Гроффа, представителей знаменитой петербургской школы психотерапии – увы, они не произвели на меня большого впечатления. Слышал А. А. Леонтьева – он тоже на меня не произвел большого впечатления, уже не говоря о других представителях теории речевой деятельности. Слушал психологов из Института психологии РАО, Института психологии РАН. «Чечевичная похлебка» современной психологии мало увлекает сегодняшних гуманитариев. Как мне представляется по письменным работам, особняком стоит фигура В. П. Зинченко.

Педагогическая риторика была представлена в СССР выступлениями педагогов-новаторов. Сегодня это руководящие кадры школ, министерства, психологи – не видно величин, к которым здесь можно прислушиваться.

Слушал я и цвет социологов на социологических конгрессах в Колонном зале Дома Союзов – впечатления от выступлений большого не осталось.

Из филологов помню замечательного проф. Ю. В. Ковалева из Воронежа. Я думаю, что О. Н. Трубачев, Н. И. Толстой и В. Н. Топоров – которых я не застал – воплощены для меня в этой фигуре. Остроумный, знающий цену себе и своим познаниям, он подкупал обширными знаниями в области славянской этимологии и общеславянских языковых корней. Любое слово имело для него историю славянских языков. Этим он напоминал впечатление от письменных работ В. М. Мокиенко, Н. Б. Мечковской. Он напоминал, насколько богаче делает менталитет знание нескольких славянских языков, общеславянский языковой фронт, славянская литература, литературные связи. Хотя я помню фестиваль «Славянские письмена», где было много сотрудников кафедр славянской литературы МГУ, переводчиков, но, к сожалению, они все в моих глазах представляли ремесленниками, пафоса славянского единства не возникало.

Помню слышанное мной единожды выступление замечательного профессора А. Б. Пеньковского из Владимира и – в последние годы жизни – Москвы. Читал недавно о нем в книге, где рассказывается про учебу Венечки Ерофеева во Владимире. Выпускник знаменитого Мосгорпеда, специалист по брянским диалектам, он производил впечатление знанием русской литературы, уровнем полемики, манерой держаться. Его письменные работы [2] не вполне дают представление о том, каков был этот ученый как выступающий, как лектор.

Неоднократно я слушал лекции проф. Литературного института В.П. Смирнова. Его называли «златоустом с Тверского бульвара». В его выступлениях представал литературный процесс, связи, история русской литературы, литература русского зарубежья, поэзия, которую он прекрасно знал и читал. Приходилось слышать и отрицательные мнения о манере В.П. Смирнова, чрезмерности его игры, рисовки. Написал он немного.

Помню лекцию русского историка-медиевиста из МГУ проф. Н. С. Борисова о причинах возвышения Москвы. Неутомимый путешественник по центру России, знаток русских летописей, свободно цитировавший их... Было интересно, лектор как бы воплощал собой для меня шахматовское наследие.

Как сейчас вижу покойную ироничную проф. МГУ Е. Л. Дубко (аттестованную как одну из лучших учениц школы этики академика А. А. Гусейнова) с очень необычной лекцией по антропологии бедности.

Германистика для меня воплощена в фигуре Н. А. Гучинской, профессора Герценовского пединститута. Неплохая оратор, с четкой логикой, с багажом знаний, доброжелательным стилем взаимоотношений с аудиторией. Ее приглашал проф. Г. И. Богин. Прекрасно помню, как выступал проф. Богин. Никогда не было письменного текста, с которого он зачитывал бы свое выступление. Это была устная речь с ее динамикой. И в то же время это не было стопроцентной импровизацией. За этим стояли прекрасная память, тренировка. Г. И. Богин еще в докомпьютерную эру возмущался: неужели дидактические усилия школы таковы, что школьники не могут упомянуть никакие стихи.

Помню замечательного профессора МГИМО Л. Г. Веденину, свободно рассказывающую о французской культуре, французских философах.

Много историков и дилетантов от истории нахваливали Н. И. Басовскую – однако мне не нравилось, как она выступает по европейской медиевистике, она перегружала меня знаниями.

Некоторые ораторы не блистали на трибуне, но демонстрировали мастерство устного разговора, социально-бытовое красноречие. Такой в моей памяти осталась коммуникативная мастерица проф. М. С. Карпенко из Киевского университета.

На этапе подготовки докторской работы меня особенно привлекали выступления русистов В. И. Аннушкина, В. Г. Костомарова, Н. И. Формановской.

Ритор Д. С. Лихачёв запомнился благодаря медиа. Остались записные книжки, заметки на полях, письма. Остался облик, выступления на съездах и т. д., беседы с корреспондентами. Они признаются образцовыми. Талант оратора Д. С. Лихачева проявился в позднебрежневское время при низком состоянии гуманитарной культуры в брежневский период, когда уже практически не осталось людей, получивших дореволюционную гуманитарную закалку. Да и та закалка была тоже весьма однобокой. То же самое можно сказать и о А. Ф. Лосеве. Есть фильмы, беседы в «Студенческом меридиане», замечательная книга А. А. Тахо-Годи. Чего стоил один фильм, где старый философ рассуждал о судьбе, ссылаясь на Бердяева, которого помнил по предреволюционной Москве...

Немногих риторов можно представить по печатным работам. Это печатные работы, за которыми видна личность. Например, А. А. Реформатский с его знаменитым учебником, начинающимся фразой «Nabent-suafatalibelli». Его можно представить и по мемуарам Натальи Ильиной. Его оригинальнейшая манера говорить отмечена Ахматовой как смешение пластов языка – и городского просторечья, и французской речи, речи образованных слоев, московских старожилов и т. д.

Посмотрим на иные сферы, кроме научной. Сегодняшнее время – время возрождения церковной риторики. Деятель церкви – не обязательно оратор. Это может быть исповедник, строитель, монах-постник. В сфере церковной риторики мне доводилось слушать А. Кураева. Живость, современность речи, современные темы, умение держать молодежную аудиторию. В качестве церковных златоустов выдвигались А. Владимиров, Д. Смирнов, сам патриарх, А. Мень. Ощущение от встречи с интересным явлением оставалось у меня только после встреч с проф. МДА А. И. Осиповым. Феномен этого оратора почувствовать могут все те, кто читает его довольно простые, но глубокие книги. Церковный дискурс необоснованно сегодня представляется целым стилем русской речи – например, в работах И. Б. Голуб и С. Н. Стародубец, А. А. Ворожбитовой. При выделении религиозной сферы общения надо отталкиваться от сферы общественного сознания, от видов дискурса.

Сегодняшний день демонстрирует и возрождение судебной риторики. Если читать старые судебные речи, то удивляешься их многословию. Пишут о разных подкупающих свойствах судебного оратора прошлого – честность, логика, милосердие, мягкий юмор. По-разному выступали и за разное ценились Кони, Спасович, Андреевский, Плевако. Есть современные докторские работы, старательно разыскивающие красноречие в вековой давности трудах! Если обратить внимание на самых выдающихся судебных говорунов сегодняшнего дня (Резник, Падва, Кучерена и т. д.), то можно отметить, что их выделяет не ораторское умение, а другие качества, очевидно, профессиональная компетентность. Не получается и сказать, что выступления советских и постсоветских юристов содержат для нас какие-то особые откровения. Каким языком изложено современное право, сетует Ю. М. Батулин. На памяти скандалы с высокопоставленными юристами. Право представляет собой в основном систему норм законодательства, по кодексам.

Сегодня видим возрождение политической риторики. Из интересных ораторов отмечу Н. А. Нарочницкую, ее выступления на телевидении и книгу. Среди робких исследований политической риторики сегодняшнего дня есть попытки изучать риторику первых лиц, президентские речи, есть рассказ о спичрайтерах первого президента.

Риторика деятелей искусства и искусствоведов. Прежде всего приходит на ум имя: Ирина Александровна Антонова. Интересны как ораторы были Б. А. Покровский, С. В. Образцов, В. И. Вульф, А. А. Аникст. Интересно выступала Н. П. Кончаловская (тут уже можно только реконструировать по мемуарам), С. В. Михалков. В какой-то мере этой риторике искусствоведов и деятелей искусства близко исполнение художественных текстов, мемуары актеров – летописи века. По трудам круп-

ных искусствоведов – Алпатова, Дживилегова, Врангеля, Муратова, Курбатова, Грабаря – учился Д. С. Лихачев писать интересной научной прозой. Надо назвать книги В. Н. Лазарева, Г. П. Бояджиева. К сожалению, я не мог слышать их выступлений. Всегда интересны выступления театроведов и киноведов, горизонты которых видны за пределами театроведения и киноведения.

Риторика в масс-медиа многолика журналистским профессионализмом: тут и наступательная риторика А. А. Проханова, и телевизионщики уровня Парфенова, Познера и т. д., и разговорное радио, и умное телевидение (несомненное мастерство Кс. Лариной).

Подводя итог: широкий тематизм, эрудированность, мастерство инвенции, личность – вот что привлекательно в ораторе. Необязательно ритор и оратор коррелируют. Иногда личность более ярка в письменной продукции. Необходимо задумываться об оригинальности, новизне выступлений. Важен баланс обобщений и фактов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ворожбитова А. А. Лингвориторика: основы речевого самосовершенствования. – Сочи : СГУ, 2018. – 176 с.
2. Пеньковский А. Б. Очерки по русской семантике. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 464 с.
3. Шуйская Ю. В. Топика и аргументация в различных теориях риторики : автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / МГУ им. М. В. Ломоносова. Филол. фак. – М., 2005. – 26 с.

PERFECT ORATORS I HAD LISTENED TO OR COULD HAVE LISTENED TO

A. B. Bouchev

The paper presents subjective impressions of perfect orators in post-Soviet society.
Rhetoric, orator, the image of orator.

УДК 008:14

ПЕРСОНАЛЬНЫЙ МОДУС СОВРЕМЕННОЙ ГОРОДСКОЙ ЭКСКУРСИИ: РОЛЬ ЭКСКУРСОВОДА И ЭКСКУРСАНТА

К. А. Кожанов

Приведены результаты исследования современной городской экскурсии как пространства коммуникации. Обоснован ряд аспектов тенденции возрастания роли личности экскурсовода и экскурсанта в экскурсионной практике.

Городское пространство, городская экскурсия, экскурсоводы, экскурсанты, экскурсоведение.

Современная практика экскурсионной деятельности в городах России свидетельствует о трансформации подходов к позиционированию роли экскурсовода и экскурсанта, повышении ценности субъективного знания и восприятия, появлении новых коммуникативных практик. Анализ данных тенденций позволяет выявить актуальные культурологические принципы экскурсоведения и проследить их взаимосвязь с процессами функционирования современной массовой культуры.

Для современной городской экскурсии характерно повышение значимости коммуникативного модуля: экскурсия предстает, в первую очередь, в качестве пространства личностного или группового взаимодействия экскурсовода и экскурсантов, нередко отставляя непосредственные объекты экскурсионного показа на второй план. Это подтверждает востребованность «живой» экскурсии как способа межличностного общения, несмотря на многочисленные попытки внедрения в данную сферу мультимедийного контента [10, с. 10].

Появление онлайн-средств бронирования сокращает дистанцию между гидом и потребителем, позволяя коммуницировать не только на экскурсии, но и при ее выборе и согласовании. Предметом выбора становится как экскурсия, так и экскурсовод – с возможностью ориентироваться на его анкету, отзывы экскурсантов и впечатления от онлайн-общения.

Всё больше экскурсий подразумевают активную коммуникацию участников друг с другом и с экскурсоводом [8]. Роль последнего дополняется функциями модератора (так, экскурсия «Дома как мусор» по заброшенным кварталам Канонерского острова в Санкт-Петербурге носит характер дискуссии о социально-бытовых проблемах микрорайона), тренера (в экскурсиях, включающих передачу навыков – например, «слепого» перемещения по городу с незрячим гидом [11]), игротехника (во множестве интерактивных и игровых экскурсий) [1, с. 57].

На фоне стремления государства стандартизировать экскурсионную работу [5, с. 3–9] заметны обратные тенденции – стихийный рост числа узкотематических экскурсий, повышение доли экскурсоводов-любителей. В позиционировании экскурсий значимыми становятся индивидуальность подхода и субъективный «авторский» взгляд, приближающие формат акции к авторской лекции, встрече с незаурядной личностью. Например, сервис «Спутник» преподносит экскурсии как встречи с «журналистами, историками, другими интересными людьми, которые увлеченно расскажут вам о местной культуре и истории. Каждая экскурсия является авторской и, поэтому, уникальной». Ценность межличностного общения выдвигается на первый план и сервисом «Tripster»: «Мы хотим, чтобы в любой точке мира вы могли встретиться

с близкими по духу людьми, которые понимают и разделяют ваши интересы и откроют для вас все самое увлекательное...» [12].

Экскурсия становится продуктом, неотделимым от личности создателя: «Бюро авторских путешествий» представляется как «творческое объединение краеведов, историков, культурологов, археологов, дизайнеров, художников, философов, каждый из которых нашел и реализовал себя в особой области знаний о Петербурге» [2]. Проект «Открытая карта» представляет экскурсоводов так: «Знатоки секретных кафе, мигрантских кварталов, проходных дворов и мира стрит-арта, урбанисты, историки и все, кому есть что показать в городе» [7].

В самопрезентации приоритизируются не образование и опыт работы в экскурсионной сфере, а иные характеристики, которые можно сгруппировать следующим образом:

Опыт и квалификация в сферах деятельности, связанных с тематикой предлагаемых экскурсий. Экскурсоводы презентуют себя как «поэт, литератор, экскурсовод» [9], «социолог города, научный сотрудник» [11], «журналист и главный редактор» [11]. Гид по гастрономическому Петербургу делится: «В ресторанном бизнесе я уже 11 лет» [11].

Жизненный опыт, связанный с тематикой и локациями экскурсий. В самопрезентациях встречаются отсылки к происхождению, местам проживания, стилю жизни: «Вырос во дворе ... „Фонтанного дома“ – с детства впитал в себя дух старого Петербурга», рассказ о событиях, приведших к экскурсионной работе: «С 2012 года погружена в мир творческих пространств Санкт-Петербурга», общественной деятельности: автор экскурсии «Креативные пространства для „чайников“» делится опытом организации культурных событий, рассказывает, «как двадцатипятилетние договариваются с олигархами, а потом – строят маленькие устойчивые проекты» [11].

Личные качества. Дилетантизм часто компенсируется искренностью и непосредственностью: «люблю рынки, готовить и разговаривать о еде» [11] или «В свое удовольствие изучаю историю, ее интересные переплетения... но еще много тайн остается нераскрытых», «Меня зовут Юлия. Очень дружелюбная, общительная и много знаю о Петербурге» [12].

Появление специализированных предложений, направленных на узкие сегменты аудитории, свидетельствует и о повышении внимания к личности экскурсанта. За последние годы появилось множество проектов, ориентированных на узкие социальные группы, потребности которых определяют контент экскурсии. Формирование новых аудиторий осуществляется по нескольким принципам:

По географической принадлежности. Появляются экскурсии, ориентированные на жителей не только конкретного города, но и района, микрорайона [4].

По социально-демографическим характеристикам: экскурсии, ориентированные на узкие или смешанные аудитории. Так, за последние 3 года в крупных городах появилось несколько сотен проектов, ориентированных на совместный досуг родителей и детей, в том числе – дошкольников [6].

По образу жизни. За последние годы появились экскурсии, предназначенные для приверженцев здорового образа жизни (совмещенные с занятиями спортом – беговые в проекте “Run.Tours” или велосипедные в проекте „ВелоРодео“), офисных сотрудников (проектом „Архи-Ланч“ экскурсии проводятся в обеденный перерыв по кварталам в окрестностях офиса), владельцев внедорожников, пассажиров транзитных рейсов во время пересадок.

Персонализация проявляется и в распространении индивидуальных экскурсий, нередко предполагающих включение в жизненный ритм клиента, ранее считавшихся атрибутом VIP-отдыха. Так, в 2018 году доля индивидуальных экскурсий по Санкт-Петербургу на сервисе «Спутник» составляла 27 % от общего количества предложений, в 2019 году возросла до 36 % [11].

Современная экскурсионная практика характеризуется способностью экскурсанта влиять на контент экскурсии. Отмечается повышение его гибкости, означающее необходимость экскурсоводу иметь множество «заготовок» (дополнительной информации, объектов показа, методических приемов), использование которых определяется коммуникативной ситуацией, интересами клиента. Материалы проведенных нами опросов гидов Санкт-Петербурга показывают, что содержание и маршрут индивидуальной экскурсии часто корректируются в процессе предварительного диалога: «Я встречаюсь с туристами, и мы решаем, куда ехать, на что сделать акценты. Вопросы задаются не в конце экскурсии, а с самого начала». Участие экскурсантов в формировании контента характерно и для групповых экскурсий. Так, И. Воеводский, проводя «экскурсии-импровизации», предлагает участникам выбрать темы из списка: «я могу предполагать, что попросят рассказать, но точно не знаю. Прямо перед началом экскурсии ... мне предложили поговорить о городских мифах, о модерне» [3]. Многочисленные игровые и интерактивные программы характеризуются вниманием не только к интересам, но и к действиям экскурсантов: последним предлагается выполнять интеллектуальные и «поисковые» задания, определяющие ход экскурсии. Каждый участник воспринимается не только как потребитель, но и как ключевая персона, формирующая контент экскурсии.

Проявлением внимания к личности как экскурсанта, так и экскурсовода можно назвать и появление экскурсий формата «от местных для

местных». С 2015 года в Санкт-Петербурге, а затем в Москве, Нижнем Новгороде, Ярославле проводится «Открытая карта» – фестиваль экскурсий, где «в роли гида может выступить любой человек, которому есть что показать и рассказать о своем городе». Организаторы предлагают следующие темы: «мастерские художников, протесты и пацифизм, коллинвинги и дом красоты, на ощупь с незрячим гидом, пешком по окраинам» и другие нетрадиционные ракурсы города, ориентированные не на гостей, а именно на местную аудиторию [7].

Выделяя тенденцию возрастания роли личности в современной экскурсионной практике, можно говорить о следующих аспектах этого процесса: повышение гибкости экскурсионного формата и появление предложений, основанных на изучении личных интересов экскурсанта и предполагающих его непосредственное влияние на процесс экскурсии, развитие персоналистского дискурса в содержании экскурсий, их тематике, влияние личности экскурсовода на их контент и популярность, приоритетность личных качеств гида по отношению к его профессиональным навыкам, надстройка функционального арсенала экскурсовода ролью модератора, тренера, игротехника.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Булыгина И. И. Традиции и инновации в экскурсионном деле // Учёные записки (АГАКИ). – 2017. – № 3(13). – С. 56–60.
2. Бюро авторских путешествий : офиц. сайт. – URL: <http://buro.sol-t.ru> (дата обращения: 08.06.2020).
3. Вариации о Петербурге. Экскурсия-импровизация Игоря Воеводского // Эkleктика. Агентство путешествий. – URL: https://eclectica.ru/catalog/excursions/excursions_in_st_petersburg (дата обращения: 08.06.2020).
4. Детские экскурсии из Мурино и Нового Девяткино // ВКонтакте. – URL: <https://vk.com/excursmurino> (дата обращения: 09.06.2020).
5. Лукина О. В. О национальных и профессиональных стандартах экскурсионной деятельности // Современное состояние и потенциал развития туризма в России : материалы XVI Междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. Е. В. Кулагиной. – Омск, 2019. – С. 3–9.
6. Неваляндия. Детские мероприятия // ВКонтакте. – URL: <https://vk.com/nevalyandiya> (дата обращения: 10.06.2020).
7. «Открытая карта» // Сервис поиска и бронирования экскурсий «Спутник» Санкт-Петербург : офиц. сайт. – URL: <https://www.sputnik8.com/ru/st-petersburg/category/openmap> (дата обращения: 08.06.2020).
8. Павел Перец : офиц. сайт. – URL: <https://peretzprint.ru> (дата обращения: 10.06.2020).
9. Петербургский краевед : офиц. сайт проекта. – URL: <https://kraevedspb.ru> (дата обращения: 10.06.2020).
10. Пугачева Н. А. От образного показа памятника к образу места. Из истории и опыта ГЭБа // Мир экскурсий. – № 1(9). – 2010. – С. 9–11.

11. Экскурсии по Санкт-Петербургу // Сервис поиска и бронирования экскурсий «Спутник» Санкт-Петербург : офиц. сайт. – URL: <https://www.sputnik8.com/ru/st-petersburg> (дата обращения: 08.06.2020).
12. Экскурсии по Санкт-Петербургу // Tripster : офиц. сайт проекта. – URL: https://experience.tripster.ru/experience/Saint_Petersburg (дата обращения: 09.06.2020).

PERSONAL MODUS OF MODERN CITY EXCURSION: THE ROLE OF A GUIDE AND AN EXCURSIONIST

К. А. Kozhanov

The results of a study of modern city excursions as a communication space are presented. A number of aspects of the increasing trend of the role of the personality of the guide and the excursionist in excursion practice are substantiated.

Urban space, city tour, guides, sightseers, guided tours.

УДК 316.454.3

БИОСОЦИОЛОГИЯ П. А. КРОПОТКИНА. ВЗГЛЯД СПУСТЯ СТОЛЕТИЕ

А. И. Авин

В статье рассматривается концепция П. А. Кропоткина о стремлении к взаимопомощи как движущей силе эволюции в связи с драматичными событиями XX и начала XXI века.

П. А. Кропоткин, биосоциология, стремление к взаимопомощи.

Одним из важнейших открытий XIX века стала эволюционная теория Чарльза Дарвина, представленная впервые в работе «Происхождение видов путем естественного отбора» в 1859 г. Ч. Дарвин предположил, что в популяциях животных существует конкуренция, благодаря которой выживают только те особи, которые обладают выгодными в данных конкретных условиях свойствами, позволяющими оставить потомство [6].

Эволюционная теория оказала огромное влияние на современников и последователей Ч. Дарвина. В психологии сформировалась концепция «социального дарвинизма», утверждающая, что важнейшей детерминантой развития человеческого общества также является борьба за выживание. Одним из сторонников социального дарвинизма был всемирно известный психоаналитик Альфред Адлер, который уже в начале своей карьеры поддержал постулат об агрессии и стремлении к превосходству как важнейших факторах индивидуальной и видовой эволюции. В начале XX века Адлер, развивая социальное направление в психоло-

гии, заложил основы и позже успешно развивал свою индивидуальную психологию, в которой одним из базовых является понятие «стремление к превосходству».

В дальнейшем А. Адлер пришел к выводу о том, что стремление к превосходству является фундаментальным законом человеческой жизни; это «нечто, без чего жизнь человека невозможно представить» [8]. Это «великая потребность возвыситься» от минуса до плюса, от несовершенства до совершенства и от неспособности до способности смело встречать лицом к лицу жизненные проблемы развита у всех людей. Трудно переоценить значение, которое Адлер придавал этой движущей силе. Он рассматривал стремление к превосходству (достижение наибольшего из возможного), как главный мотив в своей теории. Адлер был убежден в том, что стремление к превосходству является врожденным и что мы никогда от него не освободимся, потому что это стремление и есть сама жизнь [5].

Альтернативой социал-дарвинистской концепции и взглядам А. Адлера явилась концепция Петра Алексеевича Кропоткина о стремлении к взаимопомощи как движущей силе эволюции. Ученый-географ, историк, философ и публицист, теоретик анархизма, Кропоткин известен и почитаем во всем мире. Менее известны, но, как мне кажется, имеют большое теоретическое и прикладное значение труды П. А. Кропоткина в области биосоциологии.

Биосоциология – дисциплина на стыке биологии и социологии как попытка создать учение о социальной жизни не только человека, но и животных; стремится связать биологические процессы взаимодействий в социальных коллективах и сообществах животных.

П. А. Кропоткин пришёл к выводу о существовании в природе явления взаимопомощи; изложил свои взгляды по этому вопросу в монографии «Взаимная помощь как фактор эволюции». Монография была написана в 1902 г. и печаталась вначале фрагментарно, а полностью только после 1917 г. Возможно, по этой причине дальнейшее развитие высказанные в монографии идеи не получили.

В своей работе П. А. Кропоткин доказывает, что в природе лишь с первого взгляда побеждает хищник, что на самом деле в природе «множество видов безусловно слабых», которые гораздо лучше хищников «преуспевают в борьбе за существование и благодаря свойственной им общительности и взаимной защите они даже вытесняют соперников и врагов, несравненно лучше их вооружённых. Таковы муравьи, пчёлы, голуби, грызуны, олени... и так далее» [4]. Практика взаимопомощи в природе всегда ведёт к прогрессивному развитию. Взаимопомощь даёт

«такие преимущества видам животных, практикующим её, что совершенно изменяет соотношение сил не в пользу хищников».

Аналогично и у людей Кропоткин описывает ситуации, когда, например, человек при пожаре бросается с ведрами тушить дом соседа, с которым давно враждует, забыв об обидах. Следовательно, и здесь можно говорить о фундаментальной потребности во взаимопомощи, проявляющейся в полную силу в критических ситуациях.

П. А. Кропоткин изучал выживание видов, обитающих в условиях суровой природы Сибири, в отличие от теплой африканской саванны, где правит «закон джунглей», поэтому с первого взгляда его «стремление к взаимопомощи» выступает как альтернатива адлеровскому «стремлению к превосходству». Однако если рассматривать теории А. Адлера и П. А. Кропоткина как взаимодополняющие точки зрения на развитие живой природы, то становится очевидным, что они, не противореча друг другу, отразили две эволюционные доминанты, присущие в те времена двум цивилизациям:

- индивидуализм и конкуренцию, присущую благополучному западному миру, обитателям уютной Европы;
- коллективизм и взаимопомощь восточной цивилизации, поставленной географически и исторически в более сложные условия выживания.

Нельзя, конечно, отождествлять условия жизни животных и человека. Неправильно также говорить о том, что среда обитания человека была чем-то застывшим. Условия жизни изменялись, порою коренным образом, в связи не только с природными, но и социальными потрясениями. В прошлом причинами наибольших людских страданий были голод, стихийные бедствия и опасные инфекции. До середины XX-го века эти факторы были причиной ужасных катастроф, которые случались в Европе даже чаще, чем в других частях планеты. Урбанизация, высокая плотность населения в городах при отсутствии в то время научно обоснованных санитарно-гигиенических нормативов делала средневековую Европу наиболее уязвимой.

Грандиозные беды были связаны в первую очередь с периодически бушевавшими пандемиями. Чума, натуральная оспа, холера уносили миллионы человеческих жизней. Пандемия чумы в XIV-м веке уничтожила половину населения Европы. Пандемии провоцировали так называемые «психические эпидемии». Описаны многочисленные случаи коллективного помешательства, когда отчаявшиеся люди занимались «охотой на ведьм», в других случаях устраивали «пиры во время чумы» или «холерные балы». В каждом из этих явлений мы имеем дело с явлением деиндивидуализации [7] и наблюдаем коллективные дезадаптив-

ные реакции. Люди сбиваются в толпу, ищут поддержки, легко принимают идеи и лозунги, поддаются влиянию лидеров.

Беды, периодически обрушивавшиеся на человечество в прошлом, сменялись годами относительного благополучия, периодами победы (здесь значение слова «победа» мы рассматриваем как «по-беда», т. е. «после беды»; вспомним выражение «победная головушка» про человека, побывавшего в беде, пострадавшего в результате несчастья и несущего на себе следы перенесенного страдания, например, изуродованное оспой лицо).

Таким образом, в истории человечества циклы «беда-победа» чередовались с некоторой периодичностью. В XIX–XX-х веках в связи с достижениями цивилизации люди в меньшей степени стали зависеть от природных катастроф, но все больше страдали от катастроф «рукотворных». Сотни тысяч, а в XX-м веке миллионы человеческих жизней уносили войны.

Мировые войны вызвали небывалый рост патриотизма. За примерами не надо далеко ходить, сам П. А. Кропоткин достаточно неожиданно для многих соратников убавил революционный пыл и выступил с позиций обороны Отечества. Рост патриотизма народных масс всегда умело использовали правители, подогревая тенденцию к единению пламенными лозунгами. Самодержец Николай Второй обращался в годы Первой мировой к своим подданным словом «братцы», а вот до войны такое же обращение к рабочим премьер-министра Витте успеха не имело, было признано политической безвкусицей.

Летом 1941 г. И. В. Сталин назвал соотечественников «братья и сестры», Адольф Гитлер использовал в начале войны лозунг «один народ, одна империя, один вождь». В обиход вошло словосочетание «массовый героизм», который проявляли широкие слои населения. «На миру и смерть красна» – так говорили наши предки, имея в виду, что не страшно умереть на людях, все страдания легче перенести не в одиночку, а вместе с другими.

В последовавшее затем относительно благополучное послевоенное время в СССР по идеологическим соображениям прививался коллективизм и жестко пресекалась частная инициатива, блокировались индивидуализм и стремление к превосходству, что в итоге нередко приводило к безразличию, разгильдяйству и халатности граждан. Подавляемое стремление выделиться, опередить других трансформировалось в элементы косвенной агрессии по отношению к более успешным соотечественникам – в виде зависти, доноительства, сплетен, интриг и других негативных проявлений. Накопившееся по этой причине социальное напряжение и неудовлетворенность порядками привели к парадоксаль-

но быстрому развалу режима, как только в конце 80-х годов прошлого века были допущены послабления в виде политических свобод и частного предпринимательства.

В современном мире мы редко сталкиваемся с катастрофами, угрожающими самому существованию рода людского. В связи с этим доминирует тенденция стремления к превосходству, эгоцентризм граждан, нарциссизм как преобладающая акцентуация характера у населения развитых стран. Вспышки коллективных солидарных действий в мирное время случаются лишь спорадически, например, в виде агрессивных действий фанатов или столкновений с полицией.

Однако теперь уже понятие «беда» и связанные с ней тенденции солидарности и взаимопомощи в благополучные годы мы можем наблюдать не как реальное явление, а как «виртуальный», навязанный пропагандой конструкт. Власти, замечая чрезмерную тенденцию к индивидуализации и росту агрессивных тенденций внутри социума, признают потребность сместить локус агрессии населения вовне, на внешнего врага. Политологи в последнее время используют понятие «синдром осажденной крепости». Подобную стратегию использовали власти СССР, формируя образ страны «в кольце империалистов», грешат этим и современные руководители, указывая на злонамеренность многочисленных политических оппонентов, не подтверждающуюся, впрочем, на практике.

Любопытная ситуация наблюдалась на постсоветском пространстве в 90-х годах прошлого века. Произошел слом советских устоев, улучшились отношения с бывшими врагами, новых моральных ориентиров не предлагалось. И. А. Дедков назвал это положение «Иллюзия чистого листа», указывая на опасность такого вакуума в сознании населения и социально-политической жизни, грозившего развалом страны [1]. Однако трагедии не последовало. Либеральная экономика подстегнула конкурентные отношения в обществе, многие люди приняли вызов жестких условий рыночной экономики, поняв, что «спасение утопающих» есть дело их собственных рук. Парадигма эволюционного развития взяла верх, экономическая ситуация стала выправляться.

Совсем скоро, 11 сентября 2001 года, в США произошла катастрофа, которая мобилизовала американцев. Граждане активно обращались за психологической поддержкой и помогали другим. Люди встречались, разговаривали, сближались, помогая друг другу, они заново постигали свою культуру. Однако вскоре они отошли от этого курса и новый позитивный образ американского характера уступил место старому, досентябрьскому. А когда настала вторая годовщина трагедии, людям уже не хотелось собираться вместе: большинство предпочло почтить память погибших в одиночестве [3].

Современная проблема коронавируса в 2020 г. явилась катастрофой – пандемией с возможными ужасными последствиями для всей планеты. И вот мы снова наблюдаем стремление к солидарности и взаимопомощи. Люди объединяются через социальные сети, важнейшими провозглашаются принципы организованности и солидарности. Итальянцы, которые терпят наибольшие бедствия в связи с пандемией, стойко переносят ограничения карантина, выходят на балконы и распевают гимн своей страны, произносят пламенные патриотические речи, готовы идти на любые лишения и жертвы в связи с данной угрозой человечеству. Забыты социальное неравенство и проблемы эмигрантов, к властям уже нет никаких претензий, кроме как в недостаточной активности в общей борьбе с пандемией.

Психологическим основанием активизации стремления к взаимопомощи, по-видимому, следует считать высокую тревожность. Доказано, что высокая тревожность положительно коррелирует с копинг-стратегией «поиск социальной поддержки» и отрицательно связана со стратегией «планирование» [2]. Кроме того, высокая тревожность предрасполагает к формированию комплементарных отношений (отношений подчинения и доминирования). Человек либо сам стремится контролировать ситуацию, либо занимает зависимое, подчиненное положение. Данная закономерность отчетливо выявляется у тревожно-мнительных и ананкастных личностей, что хорошо известно психиатрам. Тревожные граждане охотно подчиняются и идут за лидером. Так называемые синтонные личности, т. е. созвучные другим людям, которых большинство среди нас, также нуждаются в таких случаях во внешней поддержке. С другой стороны, в человеческой популяции мы наблюдаем небольшой процент людей, поведение которых вполне может и не подчиняться данной закономерности. Такие черты характера, как индивидуализм, интернальность, параноидальность, обуславливают чрезмерное стремление к превосходству, которое блокирует должное проявление в критических ситуациях стремления к общности.

Таким образом, многочисленные социально-психологические наблюдения и исследования, а также исторические примеры, как в прошлом, так и в новейшей истории, указывают на то, что стремление к превосходству и взаимопомощи можно рассматривать как единый универсальный социальный инстинкт, представляющий собой механизм сохранения и развития вида. Сохранения – в ситуации критической, угрожающей самому существованию данной популяции. Развития – в более благоприятных условиях существования, обеспечивая внутривидовую конкуренцию и прогресс. Теория П. А. Кропоткина об универсальном механизме взаимопомощи не противоречит концепции социалдар-

винизма, а дополняет ее, указывая на диалектику проявления психобиологических детерминант поведения человека в разных исторических условиях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дедков Игорь. Дневник. 1953–1994 / сост. Т. Ф. Дедковой. – М. : Прогресс-Плеяда, 2005. – 790 с.
2. Ильин Е. П. Психология страха. – СПб. : Питер, 2017. – 352 с.
3. Ларсен С. Теория и методы в социальных науках. – М. : МГИМО : РОССПЭН, 2004. – 288 с.
4. Петр Кропоткин. Взаимопомощь как фактор эволюции. – М. : Луч, 2011. – 256 с.
5. Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности (Основные положения, исследования и применение). – СПб. : Питер, 1999. – 608 с.
6. Чарльз Дарвин. Происхождение видов путем естественного отбора. – М. : Книгозвук, 2009. – 704 с.
7. Янчук В. А. Введение в современную социальную психологию. – Минск : АСАР, 2005. – 768 с.
8. Adler A. The individual psychology of Alfred Adler: A systematic presentation of selections from his writings. – New York : Basic Books, 1956.

BIOSOCIOLOGY OF P. A. KROPOTKIN. LOOK AFTER A CENTURY

A. I. Avin

The article considers the concept of P.A. Kropotkin on the desire for mutual assistance as a driving force for evolution in connection with the dramatic events of the 20th and early 21st centuries.

P. A. Kropotkin, biosociology, the desire for mutual assistance.

УДК 140.8:21

ИДЕЯ ВСЕЕДИНСТВА КАК ФОРМА СУЩЕСТВОВАНИЯ МИРА В ФИЛОСОФИИ Е. Н. ТРУБЕЦКОГО

О. Ю. Новиков

В статье анализируются метафизические основы концепции всеединства в публицистических трудах Е. Н. Трубецкого как форма существования мира и человечества в целом.

Всеединство, Абсолют, христианство, человечество, русская философия, метафизика, идеал, трансцендентализм, бытие.

Е. Н. Трубецкой – русский философ, публицист, представитель религиозно-идеалистического направления русской философии XIX–XX веков. Его философское творчество связано религиозным возрождением

в России в начале XX в., которое в истории русской философии именуется религиозно-философским ренессансом [3, с. 279]. В этот период плеяда ярких мыслителей не только связывают свои философские идеи с христианством, но и пытаются религиозно осмыслить пути и задачи русской философии [2, с. 317]. Большинство из них, совершенно не разделяя установок секуляризма, ставят философию и религиозный «мир» рядом, т. е. рассматривают как тождественное. Однако следует отметить важную особенность мыслителей данного периода, которые проявляли интерес к трансцендентализму и были заняты преимущественно проблемами метафизики.

Тема всеединства была близкой ренессансной эпохе и большей части представителей религиозно-идеалистического направления. Эта глубокая и метафизическая тема была близка по своей сути равнозначной теме общественного идеала, она определяла поиск идеальной модели общества и человечества в целом в русской философии того времени.

Для того чтобы найти общезначимое мыслимое содержание, общую мысль, Е. Н. Трубецкой в своей книге «Смысл жизни» стремился сформулировать не только искомый смысл идеи всеединства, но и стремится изложить собственную трактовку этой идеи. Следует отметить, что философ предпринимает попытку раскрыть смысл идеи всеединства в соотношении «Бог – мир – человек». Он подчеркивает, что если в мире все двойственно, то, с одной стороны, в нем все охвачено стремлением к всеединству [6, с. 297]. «В этом общем стремлении отдельных его частей отражается то всеединство бытия – совершенного и полного, которое в Боге от века осуществлено». Но, с другой стороны, существует и противоположное, которое не стремится к всеединству: «все его части взаимно друг друга исключают и отталкивают» [7, с. 17].

В «Социальной утопии Платона» философ анализирует античные формы государственного устройства, которые помогают раскрыть общечеловеческий, всемирно-исторический смысл жизни человечества. Философ рассматривает социальные и политические учения Платона, главный смысл которых – осознание глубокой истины, что одна и та же безусловная цель должна лежать в основе как личной, так и общественной жизни. Главный, центральный жизненный вопрос – о том, «как следует жить» и определить единую и единственную цель существования. По сути это был поиск общей формы существования для всего человечества.

Трубецкой считает, что единственная достойная человека форма общежития есть та, где царствует правда божеская, а не человеческая. Но прежде всего следует рассмотреть существующие формы общественной жизни. Анализ этих форм предполагает реконструкцию идеальной формы существования общества, по сути это проблема обществен-

ного идеала или идеального государства. В нем чистое влечение к мудрости, господствующее в идеальном государстве, платоновской тимократии, сменяется господством чести, страстью честолюбия и властолюбия. Власть из средства становится целью. В этом случае высшая цель, которая составляет смысл существования государства и открывается дверь низшим, чувственным влечениям. Тимократия уклоняется от того коммунистического строя, который господствует в государстве идеальном, в ней имущество, движимое и недвижимое, составляет частную собственность. Рассуждая о модели идеального государства, философ рассматривает все формы государства, изложенные в учении античной греческой философской мысли, и принимает тезис Платона, который считает, что человек должен совершить поворот от мира тленного к безусловному, сверхчувственному благу. Трубецкой также утверждает, что весь социальный и политический строй идеального государства должен «выражать собою этот поворот души».

Идеальное общество или идеальное государство должно быть основано на правде, мудрости и силе, с этим связана единственная надежда на спасение человеческого общества. Мудрый человек – единственный обладатель откровения Безусловного. Философ пишет: «Задача спасения связывает людей в одно целое. Недостаточно, чтобы человек повернулся всем своим существом от тленного к нетленному: необходимо, чтобы вместе с ним все общество совершило такой же подъем и поворот; необходимо вообще вместить божественное содержание в человеческие формы, сделать человеческую жизнь «богоподобною и божественною» [5, с. 44]. Исходя из этого, Трубецкой считает, что цель идеальной формы существования, цель жизни – это спасение человека. Он прямо говорит, «что спастись при существующем общественном состоянии человек может не собственными силами, а только божественною помощью» [5, с. 46].

Философ понимает, что весь этот мир в непрерывной смене возникающих и исчезающих явлений стремится осуществить божественную идею, воплотить ее в себе; но он никогда не успевает в своем стремлении, а производит беспрерывно умирающие формы – нечто среднее между бытием и не бытием. Трубецкой, обращаясь к диалогам античной мысли, признает, что Платон ясно сознает, что основное требование для осуществления царства правды – объединение людей в совместном служении их сверхчувственной, загробной цели. Но при этом отмечает, что у него универсальное единство человеческого рода подменяется объединением национальным, и это объединение у него оправдывается утилитарным мотивом. «Ради этого они должны воздерживаться от войн между собою; если война начнется не по их вине, граждане иде-

ального государства должны вести ее только для того, чтобы наказать виновников братоубийственной распри. При ведении этой вынужденной войны они должны воздерживаться от издевательств над трупами убитых врагов, от осквернения храмов, грабежей и опустошений, не должны ни сами продавать военнопленных эллинов в рабство, ни допускать этого другим. По отношению к варварам этих нравственных обязательств не существует» [4, с. 56].

По мнению Трубецкого, для осуществления религиозной цели спасения необходим особый религиозный союз, не обремененный мирскими задачами, отличный от государства и свободный от него. Такого союза языческая древность не знала; конечная цель человеческого существования в миросозерцании древних греков подчинялась государству, которое считалось высшей Формой человеческого общения. Порядок идеального государства, как видно отсюда, отражает в себе начертанную Платоном схему общего мирового порядка со всеми несовершенствами последнего. Трубецкой понимает, что Платон жил в исторической среде, для которой Божество не было конкретным явлением, а потому могло быть только предметом умозрения. Единое Божественное здесь не было осязаемо, видимо; оно могло быть познано только через отвлечение от всего чувственно воспринимаемого. Здесь оно могло явиться только как бесплотный дух. Назвав Божество идеей и признав мир материальный, телесный областью внебожественного, «Платон точно выразил отношение древней Греции к предмету ее религиозного искания. Он достиг той высшей ступени богосознания, до которой этот мир мог возвыситься, и наткнулся на ту роковую историческую границу, за которую эллины не было дано перейти» [4, с. 52].

Анализ древнегреческой философской мысли позволяет Трубецкому сделать следующий вывод, что для древней Греции Божество должно было оставаться только идеей; соответственно с этим и царство Божие могло здесь быть только философским, умозрительным царством. Платон сказал миру вещее слово. Но это слово не могло перейти в дело, стать плотью и вочеловечиться, по той простой причине, что оно не было Богом. Божество-идея не могло ни сойти на землю, ни поднять ее до себя. Оно должно было оставаться вне области генезиса, т. е., иначе говоря, не могло родиться в мир.

Проблема общественного идеала как общая форма существования человеческого общества была основной для философии всеединства и для Е. Н. Трубецкого. Он стремился выявить метафизическую основу общественного бытия, духовно-нравственные ориентиры. Философ считает, что общей формой существования мира является Богочеловечество.

Он формулирует тезис о том, что этот смысл жизни заключается в осуществлении божеского начала в человеке, в достижении человеком «той прекрасной, благой, нетленной формы существования, над которой не властно время». «Бессмертие, как увековечение человека в Боге, вот та конечная цель и великая надежда, ради которой надлежит делать все то, что мы делаем. Она составляет необходимое, неустранимое предположение всей нашей жизни» [4, с. 3].

Идея всеединства не только у Е. Н. Трубецкого, но и у представителей философии всеединства рассматривается как общая форма существования мира, в контексте которой Абсолютное есть совершенное и всецелое [1, с. 108]. «Бог как Абсолютное существенно связан с миром. Поэтому и мир, в своем несовершенстве и ограниченности вне Бога, вместе с тем существенно связан с ним, своею внутренней жизнью. Бог одновременно и трансцендентен и имманентен миру. Он является действующей творческой силой, которая сообщает мировой душе полноту бытия» [5, с. 269]. Согласно Е. Н. Трубецкому, соединение земного и Божественного и есть конечная цель всего мирового процесса. Им определяется космический процесс в природе материальной, который оканчивается рождением натурального человека, и следующий за ним исторический процесс, подготовляющий рождение человека духовного. Для Е. Н. Трубецкого важнейшим является вопрос о существовании мира и человека в нем.

Философ анализирует рассуждения В. Соловьева, у которого сущность мирового процесса – это борьба с хаосом и смертью, в этой борьбе силы духовного начала побеждают. В человеке животное становится разумным, а в Боге это разумное существо – человек – должен стать бессмертным. Идеальное состояние для всего человечества, завершение земного исторического процесса и одновременно уподобление отдельного человека есть у Соловьева – Богочеловечество. Богочеловечество в учении Соловьева выражает важнейшую сторону идеи всеединства и представляет основное философское и религиозное учение о жизненном пути человека и человечества. Метафизика Богочеловечества является продолжением вышеизложенного учения об Абсолютном.

Богочеловечество у Соловьева – это становление «свободно-разумной личности», отрицающей в себе злую волю, осознающей себя частью универсальной личности, постоянно соотносящейся с ней. Поднимаясь к богочеловечеству, люди вместе с тем поднимают и природу, которая в конце концов обратится в светлую телесность «царства очищенных духом».

Чтобы совершилась центральная тайна мирового процесса, чтобы Бог и мир сочетались воедино в Богочеловеке, недостаточно ни одного

творческого исходящего, ни одного естественного стихийного процесса развития мира.

Нужно еще свободное согласие человека, свободное самоопределение мира чрез него.

Трубецкой соглашается с точкой зрения Вл. Соловьева и считает, что «истинное человечество, как всемирная форма соединения материальной природы с Божеством, или форма восприятия Божества природою, есть по необходимости Богочеловечество и Богоматерия. Оно не может быть просто человечеством, так как оно значило бы быть воспринимающим без воспринимающего, формой без содержания или пустой формой» [5, с. 78].

Итак, в философии Е. Н. Трубецкого идея всеединства рассматривается и как форма существования всего человечества, таковой является Богочеловечество, которое понимается как особый уровень бытия, восстанавливающий ранее утраченную связь «твари» и творца в историко-эволюционном процессе. Идея всеединства рассматривается в качестве модели, определяющей общие основания мировосприятия, позиционирует сущность, смысл, приоритеты и цели общественного развития.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акулинин В. Н. Философия всеединства. От В. С. Соловьёва к П. А. Флоренскому. – Новосибирск : Наука, 1990. – 158 с.
2. Зеньковский В. В. История русской философии. – М. : Академический Проект ; Раритет, 2001. – 880 с.
3. Лосский Н. О. История русской философии. – М. : Советский писатель, 1991. – 480 с.
4. Трубецкой Е. Н. Социальная утопия Платона. – М., 1908. – С. 44.
5. Трубецкой Е. Н. Миросозерцание Вл. Соловьёва : в 2 т. Т. 2. – М. : Медиум, 1995. – 624 с.
6. Трубецкой Е. Н. Из прошлого: Воспоминания. Из путевых заметок беженца. – Томск, 2000. – 352 с.
7. Трубецкой Е. Н. Смысл жизни. – М. : Грааль, 2001. – 336 с.

IDEA OF ALL-UNITY AS A FORM OF EXISTENCE OF THE WORLD IN PHILOSOPHY TRUBETSKOY

O. Yu. Novikov

The article analyzes the metaphysical foundations of the concept of unity in journalistic works of E. N. Trubetskoy as a form of existence of the world and humanity as a whole.

Unity, Absolute, Christianity, humanity, Russian philosophy, metaphysics, ideal, transcendentalism, being

Раздел 5

Личность в годы Великой Отечественной войны

УДК 291.1

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ТРАВМА КОСТРОМСКИХ ВЕРУЮЩИХ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Д. А. Буюкли

В статье рассматривается проблема, связанная с так называемой «социокультурной травмой», полученной костромскими верующими в годы Великой Отечественной войны.

Социокультурная травма, верующие, церковь, Великая Отечественная война, аресты, идентичность.

Понятие социокультурной травмы относительно недавно вошло в обиход российских историков. Явление, безусловно, отличается своей мультидисциплинарностью, поэтому представляет интерес не только для исследователей прошлого, но и социологов, культурологов, религиоведов, политологов. Опираясь на работы зарубежных исследователей А. Ассман, П. Штомпки, Р. Айерман, социокультурную травму стоит рассматривать как массовый опыт страданий некой группы людей [1–4]. Отечественные исследователи выделяют также отдельно «травму неволи», сопровождавшую репрессивную политику в советском государстве [5]. Историческая память, постоянная составляющая процесса формирования национальной идентичности, вмещает в себя не только сами явления прошлого, но и переживания участников событий, оценки «правых» и «виноватых», параллели с современностью.

Формирование современной российской идентичности не может происходить без осмысления травмирующих ситуаций прошлого. Несомненно, масштабным потрясением в XX веке стала Великая Отечественная война. Сложное, комплексное событие преобразовало все сферы жизни человечества. Советский гражданин переживал эту колоссальную катастрофу измененным, растерянным, рефлексивным. Чувство поте-

рянности, неизвестности, неуверенности в будущем заставило людей обращаться и к новым, и к прежним элементам духовной жизни общества. Для многих безусловным выходом стало обращение к религии.

И действительно, православное священство в годы войны заняло патриотическую позицию, организовало сбор средств в поддержку армии, помогало прихожанам пережить трудные времена и настроиться на мирную жизнь после войны в советском государстве. Изменение государственной-церковной политики в 1943 году привело к частичному восстановлению институтов церкви, образованию специального органа при СНК – Совета по делам Русской православной церкви – для ведения диалога между иерархами РПЦ и властью, возвращению верующим молитвенных зданий и святынь. Но архивные материалы не позволяют заявить о тотальной поддержке государством Церкви в годы войны – репрессивная политика в отношении верующих продолжала иметь место.

Штомпка утверждал, что «травма одновременно объективна и субъективна: она выступает и как событие, и как результат интерпретации этого события» [4, с. 9], поэтому перед исследователями появилась задача определить также уровень рефлексии по преодолению данной травмы социумом. Анализ материалов уголовных дел и допросов священнослужителей и прихожан Костромской области позволил оценить глубину «раны», нанесенной социальной и культурной ткани общества и интерпретированной этим же обществом, а также реконструировать процесс формирования социокультурной травмы репрессированных священнослужителей.

Повседневная жизнь верующих до заключения была наполнена повторяющимися привычными практиками, в числе которых немаловажную роль играло посещение церкви. Слом установленного порядка жизни происходил в момент ареста. Резкий и насильственный переход в состояние нечлена общества, маргинала предвещал подозреваемым социальную гибель. Материалы уголовных дел свидетельствуют о том, что спецслужбы, в том числе НКВД, работали над поиском внутреннего врага и в годы войны, аресты происходили регулярно [6]. Костромичи проходили и по групповым делам, и по индивидуальным. Так, служители Катокомбной церкви Савицкие Евгений и Петр были осуждены в 1944 году (29.07 и 30.12 соответственно) как «участники церковно-монархической организации» по групповому делу «Дело подпольного Киевского Ставропигиального монастыря. Киев, 1944 г.» [7]. А епископ Василий (Преображенский Вениамин Сергеевич) служил в селе Котово, в небольшом храме, устроенном на огороде в бане. Обычно на службах присутствовали только самые близкие люди. Скоро в селе образовался кружок. Работа домашней церкви не осталась незамеченной. Арест произошел в 1943 го-

ду по обвинению «сторонник „Истинно Православной Церкви“, активная а/с деятельность, организация домашней церкви» [8, л. 76].

Арест зачастую становился трагедией и для родных и близких этого человека. По замечанию А. А. Колдушко, «близкие совершенно справедливо недоумевали, почему арестовали невинного: отца, мужа, сына; при этом аресты других, даже знакомых людей, воспринимались спокойно, как нечто заслуженное и разумное. Вероятно, на этот процесс разделения на «своих» и «чужих» большое влияние оказал советский пропагандистский нарратив, который активно эксплуатировал идею усиления классовой борьбы в процессе строительства социализма. Это позволяло принимать аресты «чужих» как справедливое явление, а собственный арест и арест родного и близкого человека вызывал внутренний протест и непонимание» [5, с. 50]. Прихожанка Елена Чичерина, испытавшая на своем опыте ужасы ссылки (добровольно отправилась в лагерь со своим духовным наставником, архимандритом Георгием (Лавровым)), прекрасно осознавала, какой опасности она подвергает своих близких, поэтому допрос по обвинению в антисоветской агитации выдержала стойко: «Я категорически отказываюсь называть своих знакомых, посещавших нашу квартиру, т. к. не хочу их выдавать. Нелегальные собрания молодежи в квартире моего брата были несколько раз. Кто на них присутствовал, я говорить не буду» [9]. Для многих репрессированных арест становился первым этапом на пути формирования индивидуальной травмы, своеобразной социальной инверсией.

Несмотря на суровость в отношении верующих, количество арестов в годы войны по делам верующих значительно сократилось. Еще одним свидетельством новой государственно-церковной политики стало смягчение смертных приговоров и замена их на пребывание в концентрационном лагере. Так, монаху Савицкому Павлу Петровичу приговор – высшая мера наказания, расстрел, – заменен на 10 лет ИТЛ с погашением неотбытого срока по первой судимости [7].

Немаловажным этапом в формировании социокультурной «травмы неволи» становилась адаптация к жизни после освобождения. Исследователи отмечают, что зачастую переосмыслять произошедшее верующим приходилось самостоятельно. Отбывшим свой срок приходилось продолжать терпеть лишения и ограничения. Люди не могли воссоединиться со своими семьями, не могли найти работу, не могли поселиться там, где хотели. Прихожанин Чичерин Алексей Владимирович после ссылки на Урал не имел права жить в крупных городах, поселился в Костроме с 1938 г. Проживал до 1946 года. Работал чернорабочим, несмотря на стаж и образование (был профессором зарубежной литературы в университете во Львове) [10]. Многие смогли вернуться к долагер-

ной жизни, нашли свое место в изменившемся для них мире, не утратили патриотических чувств к родине. Показательна в этом вопросе история репрессированных-фронтовиков. Настоятель Воскресенской церкви в городе Буй нынешней Костромской области протоиерей Николай (Чуфаровский Александр Матвеевич) в годы войны не оставил церковной службы (1942–1943 гг.), вел патриотическую работу и был награжден медалью «За доблестный труд в ВОВ 1941–1945 гг.» [11]. А арестованный по делу «Ленинградского отделения истинно-православной церкви» на 3 года активный прихожанин, псаломщик, певчий, регент церковного хора Дягилев Василий Валентинович в годы войны работал военным врачом. 6 августа 1945 г. награжден орденом Красной Звезды за участие в боевых действиях на территории Венгрии и Австрии. За участие в Великой Отечественной войне награжден также орденом Отечественной войны 2-й степени (1985 г.) и 14 боевыми медалями [12]. Многие возвращались в лоно церкви, справившись с багажом страданий, пережитых во время отбывания срока. Активная прихожанка Чичерина Елена Владимировна, вернувшись из лагеря, осталась верной Церкви и всю жизнь связала со служением богу. В 1948 году она окончила художественную школу в Костроме, расписывала храмы [9]. Обновленческий священник Софроний (Иванцов Сергей Николаевич) после отбытия срока проживал в Костроме, находясь за штатом. С 1944 года работал управляющим делами при «митрополите» Александре (Введенском), позже служил в Ульяновской и Новосибирской епархиях [13].

Но, помимо субъективной рефлексии, стоит отметить попытки коллективного осмысления случившегося. Дочери арестованного и погибшего в лагере отца Григория (Синицкого) Фаина и Серафима вели обширную переписку и поддерживали очень многих безвинно пострадавших. Их мать Людмила Ивановна после кончины отца Григория до конца своей жизни переписывалась с владыкой Афанасием (Сахаровым), с которым познакомился в заключении о. Григорий, поддерживала его в течение 24 лет [14].

Таким образом, необходимо отметить масштабный и комплексный характер социокультурной травмы заключения верующих в годы войны. На примере костромичей можно выделить отличительные особенности данного процесса. Не вовлеченные в процесс, не имеющие прямой родственной связи потомки старались дистанцироваться от этих переживаний, уделяли недостаточное внимание проблеме. Переживания оставались в пласте индивидуальных, обсуждались только в кругу близких, не были осмыслены, обсуждены и пережиты совместно. Данный опыт внес существенные коррективы в идентичность большой группы людей, но так и не стал коллективным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ассман А. Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика. – М. : Новое литературное обозрение, 2014. – 328 с.
2. Ассман А. Новое недовольство мемориальной культурой. – М. : Новое литературное обозрение, 2016. – 223 с.
3. Айерман Р. Социальная теория и травма // Социологическое обозрение. – 2013. – Т. 12, № 1. – С. 121–138.
4. Штомпка П. Социальное изменение как травма (статья первая) // Социологические исследования. – 2001. – № 1. – С. 6–16.
5. Колдушко А. А. «Травма неволи» как вид социокультурной травмы в годы Большого террора (1930-е годы) // Технологос. – 2019. – № 3 – С. 47–60.
6. Все мы – Христовы. Священнослужители и миряне земли Ярославской, пострадавшие в годы гонений за веру православную. 1918–1953 : в 3 ч. / сост. Епископ Вениамин (Лихоманов), монах Игнатий (Волков), Н. В. Жесткова, И. Г. Менькова. – Ярославль, 2012.
7. Дело подпольного Киевского Ставропигиального монастыря (Д. 147951) // Сайт Общества «Мемориал». Из истории гонений Истинно-Православной (Катакомбной) Церкви. – URL: <http://www.histor-ipt-kt.org/KNIGA/kiev.html> (дата обращения: 25.08.2020).
8. ГА РФ. – Ф. 6343. – Оп. 1. – Д. 263.
9. Новомученики, исповедники, за Христа пострадавшие в годы гонений на Русскую Православную Церковь в XX в. // Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет. – URL: http://213.171.53.29/bin/code.exe/frames/m/ind_oem.html?charset/ans?notextdecor (дата обращения: 25.08.2020).
10. ЦА ФСБ РФ. – Д. Р-40232.
11. Прот. Алексей Скобей, настоятель Феодоровского кафедрального собора в Ярославле. Архиепископ Николай // ЖМП. – 1967. – № 5. – С. 27–30.
12. Синодик гонимых, умученных, в узах невинно пострадавших православных священно-церковнослужителей и мирян Санкт-Петербургской епархии: XX столетие / отв. ред. прот. Владимир Сорокин ; сост. Бовкало А. А., Галкин А. К., Попов И. В., Соколова Л. И., Шкаровский М. В. – 2-е изд. доп. – СПб., 2002. – 280 с.
13. Простите, звезды Господни: Исповедники и соглядатаи в документах, или Зачем русскому Церковь? / сост. В. А. Королев. – Фрязино : Содружество «Православный паломник», 1999. – С. 231–238.
14. ЦА ФСБ РФ. – Д. Р-35593.

**SOCIO-CULTURAL TRAUMA
OF THE KOSTROMA BELIEVERS DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR**

D. A. Buyukli

The article examines the problem associated with the so-called “socio-cultural trauma” received by the Kostroma believers during the Great Patriotic War.

Sociocultural trauma, believers, church, Great Patriotic War, arrests, identity.

Сведения об авторах

- Авин
Александр Иванович** кандидат медицинских наук, доцент кафедры общей и клинической психологии Белорусского государственного университета (г. Минск)
- Байбурова
Ольга Васильевна** кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка профессиональной коммуникации факультета современных иностранных языков и литератур Пермского государственного национального исследовательского университета
- Бодрова
Мария Николаевна** аспирант кафедры философии, культурологии и социальных коммуникаций института гуманитарных наук и социальных технологий Костромского государственного университета
- Бушев
Александр Борисович** доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью, кафедра международных отношений Тверского государственного университета
- Буюкли
Дарья Андреевна** аспирант исторического факультета Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова
- Жильцова
Екатерина Сергеевна** учитель иностранного языка Краснооктябрьской средней общеобразовательной школы Борисоглебского района Ярославской области
- Зябликов
Алексей Вячеславович** доктор исторических наук, заведующий кафедрой философии, культурологии и социальных коммуникаций Костромского государственного университета, член Союза писателей РФ
- Зайцев
Александр Владимирович** доктор политических наук, профессор кафедры философии, культурологии и социальных коммуникаций Костромского государственного университета, директор Межрегионального научно-просветительского центра им. И. А. Дедкова

- Ковалева
Светлана Викторовна** доктор философских наук, профессор кафедры философии, культурологии и социальных коммуникаций Костромского государственного университета
- Кожанов
Кирилл Александрович** руководитель отдела развития туристических программ АНО «Центр исследования и развития молодежного туризма». Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского, соискатель
- Коптелова
Наталья Геннадьевна** доктор филологических наук, профессор кафедры отечественной филологии Костромского государственного университета
- Коряковцева
Ольга Алексеевна** доктор политических наук, кандидат педагогических наук, директор Института развития кадрового потенциала, профессор кафедры социальной педагогики и организации работы с молодежью Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского
- Малая
Ольга Евгеньевна** кандидат философских наук, доцент кафедры философии, истории и социально-гуманитарных дисциплин Костромской государственной сельскохозяйственной академии
- Муסיнова
Наталья Евгеньевна** доктор культурологии, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Военной академии радиационной, химической и биологической защиты имени Маршала Советского Союза С. К. Тимошенко (г. Кострома)
- Новиков
Олег Юрьевич** помощник начальника Военной академии радиационной, химической и биологической защиты имени Маршала Советского Союза С. К. Тимошенко (г. Кострома) по работе с верующими военнослужащими, аспирант кафедры философии, культурологии и социальных коммуникаций Костромского государственного университета
- Петрюк
Иван Павлович** кандидат технических наук, доцент кафедры ремонта и основ конструирования машин Костромской государственной сельскохозяйственной

Путина Ольга Николаевна	венной академии старший преподаватель кафедры английского языка профессиональной коммуникации факультета современных иностранных языков и литератур Пермского государственного национального исследовательского университета
Силкина Светлана Борисовна	учитель русского языка и литературы МБОУ «Гимназия № 13 имени Э. А. Быкова» (г. Новосибирск)
Соловьев Андрей Авенирович	доктор исторических наук, профессор кафедры философии, культурологии и социальных коммуникаций Костромского государственного университета
Страдина Елена Александровна	кандидат политических наук, доцент кафедры дополнительного образования Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского
Тарковский Владимир Николаевич	кандидат философских наук, доцент кафедры философии, культурологии и социальных коммуникаций Костромского государственного университета
Хомякова Юлия Олеговна	старший научный сотрудник НИИ киноискусства (ВГИК им. С. А. Герасимова), член Союза журналистов, член Союза кинематографистов
Шигарева Анна Николаевна	кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Костромского государственного университета
Яковлев Виталий Юрьевич	доктор философских наук, профессор кафедры философии, культурологии и социальных коммуникаций Костромского государственного университета
Яранцев Владимир Николаевич	кандидат филологических наук, литературный критик, литературовед, член Союза писателей РФ

Содержание

РАЗДЕЛ 1. Личность регионального и общенационального масштаба (Игорь Дедков: между провинцией и столицей)

ЛИКИ ЭПОХИ: АЛЕВТИНА КАШИНА И ТАТЬЯНА ЁЛШИНА. КОСТРОМА НА РУБЕЖЕ XX–XXI ВВ. А. А. Соловьев	3
И. А. ДЕДКОВ: СЕНТЯБРЬ ПЯТЬДЕСЯТ СЕДЬМОГО (публикация А. В. Зайцева) А. В. Зайцев	11
К ВОПРОСУ ОБ ИСТОЧНИКАХ ГУМАНИСТИЧЕСКОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ ИГОРЯ ДЕДКОВА А. В. Зайцев	16
«СВОЙ КРУГ» И. ДЕДКОВА: ПРОБЛЕМА ИНТЕРПРЕТАЦИИ ИДЕЙНО-ТВОРЧЕСКОЙ ПОЗИЦИИ КРИТИКА (И. ДЕДКОВ И С. ЧУПРИНИН) В. Н. Яранцев	32

РАЗДЕЛ 2. Личность как субъект социокультурной трансформации и модернизации общества

«ХРОМАЮЩИЕ РЕШЕНИЯ» РОССИЙСКИХ ПОЛИТИКОВ Е. А. Страдина	41
ХАРАКТЕРИСТИКА ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ СВОБОДЫ: ДВОЙСТВЕННОСТЬ И ДИАЛОГИЧНОСТЬ С. В. Ковалева	45
«ЧЕТВЕРТАЯ ВЛАСТЬ»: СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ ОБ ИЛЛЮЗИЯХ И РЕАЛЬНЫХ ВОЗМОЖНОСТЯХ СМИ М. Н. Бодрова	48
АЛЕКСАНДР ТВАРДОВСКИЙ В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ И ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЮРИЯ БУРТИНА (1954–1962 гг.) А. В. Зайцев	54

РАЗДЕЛ 3. Интерьер эпохи и место творческой личности в контексте духовной культуры российского социума

ПЬЕСЫ А. Н. ОСТРОВСКОГО НА СЦЕНЕ КОСТРОМСКОГО ДРАМАТИЧЕСКОГО ТЕАТРА В 1920-Е ГГ. А. В. Зябликов	62
ИСТОРИЯ В ПИСЬМАХ А. Н. ОСТРОВСКОГО КАК ОТРАЖЕНИЕ ЕГО ЛИЧНОСТИ И ЭПОХИ А. Н. Шигарева	68
ХАРАКТЕРИСТИКА ТВОРЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТИ А. П. ЧЕХОВА В ТЕАТРАЛЬНОЙ И ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКЕ Д. В. ФИЛОСОВОФА 1900–1910 ГОДОВ; ПЕРЕКЛИЧКИ С Д. С. МЕРЕЖКОВСКИМ И В. В. РОЗАНОВЫМ Н. Г. Коптелова	71

Н. С. ГУМИЛЕВ О ПРОБЛЕМЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО МАСТЕРСТВА О. Е. Малая	82
АМБИВАЛЕНТНОСТЬ КАК КОМПОЗИЦИОННАЯ ОСНОВА РАССКАЗА Н. А. ТЭФФИ «СОСЕД» С. Б. Силкина	88
«МОСФИЛЬМ» 90 ЛЕТ НАЗАД. ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ Ю. О. Хомякова	91
РАЗДЕЛ 4. Личность в социально-философской и психолого-педагогической рефлексии ФЕНОМЕН ЛИЧНОСТИ И ГРАЖДАНИНА В XXI ВЕКЕ	
О. А. Коряковцева	99
ПРОБЛЕМА ОСНОВАНИЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ В ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ ЭПОХИ В. Ю. Яковлев	107
«ФИЗИКИ» И «ЛИРИКИ» КАК ПЕРСПЕКТИВНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ДИСКУРСА: К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ НОВОГО ТИПА РОССИЙСКОГО ИНТЕЛЛИГЕНТА Н. Е. Мусинова, И. П. Петрюк	114
ЧЕЛОВЕК ПЕРЕД СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИЕЙ В. Н. Тарковский	118
ХАРАКТЕРИСТИКА ОСОБЕННОСТЕЙ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ГОТОВНОСТИ К ЛИЧНОСТНОМУ САМООПРЕДЕЛЕНИЮ ПРИЕМНЫХ ДЕТЕЙ Е. С. Жильцова	124
ЛИНГВОТОЛЕРАНТНОСТЬ ЛИЧНОСТИ: ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ О. Н. Путина, О. В. Байбурова	130
КАКИХ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ОРАТОРОВ Я СЛУШАЛ И МОГ БЫ СЛЫШАТЬ А. Б. Бушев	135
ПЕРСОНАЛЬНЫЙ МОДУС СОВРЕМЕННОЙ ГОРОДСКОЙ ЭКСКУРСИИ: РОЛЬ ЭКСКУРСОВОДА И ЭКСКУРСАНТА К. А. Кожанов	143
БОЦИОСОЦИОЛОГИЯ П. А. КРОПОТКИНА. ВЗГЛЯД СПУСТЯ СТОЛЕТИЕ А. И. Авин	148
ИДЕЯ ВСЕЕДИНСТВА КАК ФОРМА СУЩЕСТВОВАНИЯ МИРА В ФИЛОСОФИИ Е. Н. ТРУБЕЦКОГО О. Ю. Новиков	154
РАЗДЕЛ 5. Личность в годы Великой Отечественной войны	
СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ТРАВМА КОСТРОМСКИХ ВЕРУЮЩИХ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ Д. А. Буюкли	160

Content

SECTION 1. Person of regional and national scale

(Igor Dedkov: between the province and the capital)

FACES OF THE ERA: ALEVTINA KASHINA AND TATIANA ELSHINA.

KOSTROMA AT THE TURN OF XX–XXI CENTURIES

A. A. Soloviev 3

I. A. DEDKOV: SEPTEMBER FIFTY SEVENTH (publication A. V. Zaitsev)

A. V. Zaitsev 11

ON THE QUESTION OF THE SOURCES OF THE HUMANISTIC WORLDVIEW
OF IGOR DEDKOV

A. V. Zaitsev 16

I. DEDKOV'S "OWN CIRCLE": THE PROBLEM OF INTERPRETING THE IDEOLOGICAL
AND CREATIVE POSITION OF THE CRITIC (I. DEDKOV AND S. CHUPRININ)

V. N. Yarantsev 32

**SECTION 2. Personality as a subject of socio-cultural transformation
and modernization of society**

"LAME DECISIONS" OF RUSSIAN POLITICIANS

E. A. Stradina 41

CHARACTERISTICS OF THE POLITICAL CONCEPT
OF FREEDOM: DUALITY AND DIALOGICITY

S. V. Kovaleva 45

"THE FOURTH ESTATE": SOCIAL PHILOSOPHY ABOUT THE ILLUSIONS
AND REAL POSSIBILITIES OF THE MEDIA

M. N. Bodrova 48

ALEXANDER TVARDOVSKY IN THE SOCIO-POLITICAL AND LITERARY-CRITICAL
ACTIVITIES OF YURI BURTIN (1954–1962)

A. V. Zaitsev 54

**SECTION 3. The interior of the era and the place of the creative personality
in the context of the spiritual culture of the Russian society**

PLAYS BY A. N. OSTROVSKY ON THE STAGE
OF THE KOSTROMA DRAMA THEATER IN THE 1920S

A. V. Zyablikov 62

HISTORY IN LETTERS TO A. N. OSTROVSKY AS A REFLECTION
OF HIS PERSONALITY AND ERA

A. N. Shigareva 68

CHARACTERISTICS OF THE CREATIVE PERSONALITY OF A. P. CHEKHOV
IN THE THEATRICAL AND LITERARY CRITICISM OF D. V. FILOSOFOV 1900–1910;
ROLL CALLS WITH D. S. MEREZHKOVSKY AND V. V. ROZANOV

N. G. Koptelova 71

N. S. GUMILYOV ON THE PROBLEM OF ARTISTIC SKILL O. E. Malaya	82
AMBIVALENCE AS A COMPOSITIONAL BASIS FOR N. A. TEFFI “NEIGHBOR” S. B. Silkina	88
MOSFILM 90 YEARS AGO. SACRIFICE Yu. O. Khomyakova	91
SECTION 4. Personality in social-philosophical and psychological-pedagogical reflection	
THE PHENOMENON OF PERSONALITY AND CITIZEN IN THE XXI CENTURY O. A. Koryakovtseva	99
THE PROBLEM OF THE FOUNDATIONS OF RATIONALITY IN THE EXISTENTIAL AND CULTURAL CONTEXT OF THE MODERN ERA V. Yu. Yakovlev	107
“PHYSICS” AND “LYRICS” AS A PROMISING DIRECTION OF SOCIOCULTURAL DISCOURSE: ON THE FORMATION OF A NEW TYPE OF RUSSIAN INTELLECTUAL N. E. Musinova, I. P. Petryuk	114
A MAN BEFORE MODERN PHILOSOPHY V. N. Tarkovsky	118
CHARACTERISTICS OF THE FEATURES OF PEDAGOGICAL SUPPORT FOR THE FORMATION OF FOSTER CHILDREN READINESS FOR PERSONAL SELF-DETERMINATION E. S. Zhiltsova	124
PERSONALITY LINGUISTIC TOLERANCE: FUNCTIONAL ASPECT O. N. Putina, O. V. Baiburova	130
WHAT WONDERFUL SPEAKERS I HAVE LISTENED TO AND COULD HAVE HEARD A. B. Bushev	135
PERSONAL MODUS OF A MODERN CITY EXCURSION: THE ROLE OF A GUIDE AND EXCURSIONIST K. A. Kozhanov	143
BOCIOSOCIOLOGY P.A. KROPOTKIN. A LOOK AFTER A CENTURY A. I. Avin	148
THE IDEA OF TOTAL-UNITY AS A FORM OF THE WORLD'S EXISTENCE IN THE PHILOSOPHY OF E. N. TRUBETSKOY O. Yu. Novikov	154
SECTION 5. Personality during the Great Patriotic War	
SOCIO-CULTURAL TRAUMA OF THE KOSTROMA BELIEVERS DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR D. A. Buyukli	160

Научное издание

**Кострома
Genius Loci**

Альманах

Выпуск 3

Составитель и ответственный редактор:
З а й ц е в Александр Владимирович

16+

Издательско-полиграфический отдел
Костромского государственного университета

Компьютерная верстка Н. И. Поповой

Подписано в печать 11.20. Формат бумаги 60×84 1/16.
Печать трафаретная. Печ. л. 10,75. Заказ . Тираж 500 (1 з. 50).

156005, г. Кострома, ул. Дзержинского, 17
E-mail: cultural@kstu.edu.ru
Тел.: 49-80-67

Отпечатано ИПО КГУ. 156005,
г. Кострома, ул. Дзержинского, 17
Т. 49-80-84 E-mail: rio@kstu.edu.ru